

ДИПЛОМЫ II СТЕПЕНИ

**ГАЛЬЦОВА Даша, ученица 8 класса
село Старый Курлак, Аннинский район,
Воронежская обл.**

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ (главы из дневника)

О себе

или давайте познакомимся

Я – Гальцова Даша. Мне 13 лет. Учусь в 8 классе обычной сельской школы. Учусь хорошо, даже отлично. Уроки, да и вся школьная жизнь, меня не напрягают. По–моему, мне всё даётся легко. Наверное, поэтому часто скучаю и хочется заняться чем–то, увлечься по–настоящему.

Мои родители, зная мой характер, изо всех сил выбиваются в поисках этого «чего–то». Я им, конечно, очень благодарна и за компьютер, и за мягкие игрушки, и за сотни книг и энциклопедий, за многочисленные экскурсии по «городам и весям», и просто за то, что они у меня самые лучшие в мире. И всё–таки я чувствую, что это не самое главное в жизни, хочется чего–то большего и значительного.

Признаюсь честно, меня давно увлекает одно занятие: наблюдать за людьми. Сама я – человек не очень–то разговорчивый, всё больше молчу.

Может, кто–то скажет: «Надо же, в 13 лет такие порывы!» Но тут уж ничего не поделаешь – характер...

А недавно в школе нам предложили поучаствовать в конкурсе, написать работу о своём земляке, участнике военных сражений. Признаюсь, я колебалась, так как боялась вновь разочароваться в очередном деле, да и героев, с которых можно «делать жизнь», я, честно, не видела. Каждый день я наблюдаю знакомые лица односельчан, обычную, размеренную, трудовую жизнь сельского человека. Где тут подвиги? Где история?

Своими сомнениями я поделилась с мамой. Она ласково улыбнулась, погладила меня по голове и сказала: «Доченька, ты приглядишься получше к людям. Это тебе только кажется, что ты знаешь человека, потому что видишь его каждый день. За спиной каждого из них – целая жизнь. Ты сходи к Ивану Ивановичу Михееву, расспроси о его фронтовой юности, да и вообще о жизни, а потом, если не увлечёт тебя это, можешь и отказаться от предложенного конкурса».

Я сначала мучительно вспоминала, кто такой Иван Иванович Михеев. А потом даже засмеялась над собой: ведь это «дедушка» (так мы с друзьями его называем).

«Дедушка»

Даже не могу сказать точно, с каких пор я знаю «дедушку». Наверное, всю свою жизнь. Помню, я совсем ещё маленькая, крепко держусь за руку мамы, а какой – то мужчина с белыми волосами (так мне тогда казалось) протягивает мне конфету и ласково улыбается. Потом долго разговаривает с мамой и моей бабушкой о школе, учениках. Это впоследствии я узнала, что их объединяет учительская работа. Теперь я часто вижу его, сидящего со своей женой на скамеечке у дома. Рядом трётся о ноги хозяев их кот Пушок. Зорко охраняет их покой пёс, по кличке Дружок.

Что меня особенно восхищает, так это обилие цветов в их палисаднике. Я часто прихожу туда, чтобы посмотреть на них, а дедушка радуется, что не прохожу мимо.

Вообще, около его дома постоянно много каких – то людей: то взрослые присели на скамеечку с хозяевами и судачат о жизни, то ребяташки остановились, то какие – то незнакомые мне люди (как потом оказывается, бывшие выпускники Ивана Ивановича).

На селе каждый человек на виду, ничего не утаишь и не спрячешь. Вот и о нём, Иване Ивановиче Михееве, давно сложилось общее мнение: «хороший человек», «добрый», «всегда помо-

жет», «уважительный». Неужели я чего - то о нём ещё не знаю? Это увлекает. Обязательно схожу к нему в ближайшие дни.

«Как это было, как совпало...»

- Здравствуйте, Иван Иванович, - сказала я прямо с порога. – А я к вам пришла, чтобы спросить Вас о войне.

- Здравствуй, миленькая! Проходи, раздевайся, - быстро заговорил дедушка. - Сейчас чайком угощу. Как там в школе? Как учёба? Никто не обижает?

Я только успевала отвечать на его вопросы, а сама невольно думала: «Может он не услышал, что я хочу его расспросить о войне?..». И только потом я догадалась, что эти воспоминания приносят ему невероятную боль.

- О войне?.. Да что о ней вспоминать... Тяжело... Не дай, Бог, никому! – сбивчивым, каким-то поникшим голосом говорил Иван Иванович. – Да и на героя книги я не тяну: не совершил я особых подвигов, не бежал в атаку.

- Но мне всё интересно. А вы о своей жизни расскажите. Попробуйте начать сначала?

И он заговорил как-то тихо, робко, как бы выверяя каждое слово. Поначалу я даже прислушивалась. Но по мере его рассказа я замечала, как постепенно он начал оживать, как менялось выражение его лица, как блестели его глаза, когда он вспоминал о людях, дорогих его сердцу. Так передо мной постепенно открывалась история человеческой жизни, история моего народа.

Из биографии

Родился Иван Иванович Михеев в селе Верхняя Тишанка Таловского района 9 октября 1921 года в многодетной семье. Пятеро детей было в семье Михеевых, правда, один ребёнок умер в раннем детстве. Осталось два брата и две сестры – самые близкие люди для Ивана Ивановича. Впоследствии младший брат погибнет в Харькове во время войны.

После окончания ШКМ, поступил в Воронежский железнодорожный техникум. Проучился там два года. Но любовь к детям заставила его бросить техникум и в 1939 году поступить на курсы по подготовки учителей начальных и неполных средних школ.

В 1940 году направлен на работу учителем истории в село Липовка Бобровского района (тогда Лосевского). Проработал чуть больше месяца и 5 октября 1940 года был призван в армию на срочную службу. Местом службы стал город Термес, что на границе с Афганистаном. Служил в стрелковом полку артиллерийской батареи наводчиком. В январе 1941 года переведён в Ашхабад в среднеазиатский военный округ. Четыре месяца обучался в полковой школе гаубичного полка. Был отличником боевой и политической подготовки. Назначен командиром топографического отделения. С августа 1941 года служит в Иране в 76 артиллерийском горно-вьючном полку горно-стрелковой дивизии. 7 октября 1941 года переправлен на Кавказский фронт. Был корректировщиком огня: отмечал на карте огневые точки противника и передовал по рации.

Участвовал в боях за высоту Семашка. 30 января 1943 года был контужен, получил обморожение ног. 5 августа 1943 года комиссован (отрезаны все пальцы на левой ноге и большой палец на правой).

С сентября 1943 года – учитель истории в селе Тишанка, Большие Ясырки. В 1946 году женился на Зинаиде Ивановне. Имеет двух дочерей.

В 1952 году назначен завучем Пугачёвской школы, где проработал год.

С 1953 года по 1976 – директор Старокурлакской школы.

В 1976 году ушёл на пенсию, но вёл общественную работу: являлся пропагандистом райкома партии.

«Это мы не проходите, это нам не задавали

(отрывки из воспоминаний о войне)

...В августе 1941 года полк посылают в Иран. Остановились в городе Мешхед (180 км. От Ашхабада). В Иране было засилие немцев. И чтобы не было оттуда нападения, ввели русские военные части. Сражений там не было. Немцы не решались напасть и потихоньку отходили. А наши войска проводили учения в горах.

...Было много лошадей, приспособленных перевозить артиллерию. Солдаты могли за одну минуту разобрать пушку на части и погрузить на специальные приспособления, которые крепились к лошадям.

...Ужасала нищета иранцев. Очень много было бедных людей. Я видел, как мог идти по улице человек, буквально обтянутый кожей, и тут же упасть и умереть.

...9 октября – мой День рождения. На фронте я об этом дне забывал, было не до этого. Утром отправили в Ашхабад, вечером объявили баню. На следующий день я уже еду в Красноводск, что на берегу Каспийского моря. Следом погружаюсь на корабль и плыву в Баку.

...Начались сражения в горах. Это совсем не то, что на равнине. Страшное положение. Немцы были в 12 км от Туапсе. За высоту Семашка шли ожесточённые бои. Сражались 4 Гвардейская и 18 армии. Стреляли с закрытых позиций, окопы не рыли. Казалось, что каждый камень стрелял и у немцев, и у наших.

...В памяти остались воспоминания о своеобразной красоте природы Кавказа. Как забудешь великолепие гор?! Когда стоишь на вершине горы и смотришь на человека, который поднимается к тебе, то получается интересная картина: у идущего видна одна голова, и кажется, что она в облаках. И только через несколько секунд показывается весь человек.

...Один раз залюбовался красотой. Как раз было затишье между боями. Подполз к краю обрыва, смотрю вниз и восхищаюсь увиденным. Вижу: на разных уровнях деревья и кустарники. Всё как в сказке! Подзываю младшего лейтенанта, чтобы поделиться впечатлениями. Подполз. Смотрит. Сожалеет о том, что из – за бомбёжки гибнет природа.

И вдруг свист (сигнал, что бомбят). Снаряд упал в обрыв в пяти метрах от нас. Мы быстро вернулись в расположение, и больше я не позволял себе расслабляться.

Потом, когда кончится война, обязательно вернусь сюда. А сейчас это не главное, не до этого...

...Я видел убитых товарищей, раненых бойцов. 30 января 1943 года рядом со мной разорвалась мина. Я был контужен, потерял сознание и долго лежал на морозе. В горах было минус 25 градусов, а внизу шёл дождь...

Очнулся в деревне, на полу в соломе. Ног не чувствовал совсем. Я думал, что мне их оторвало миной.

...В марте меня погрузили в санитарный поезд и отправили в Краснодар, затем через Кубань в Дербент. При остановках на Кубани местные жители просто поражали. Как они встречали санитарный поезд! Сами голодные, а раненым последние продукты отдавали!

...Меня комиссовали. Приехал в село В. Тишанка, а до дому идти нужно было десять километров. С такими ногами, как у меня, я шёл целый день.

«...И остались годы эти в униформе, в бромпортрете»

Я смотрю на фотографии, которые бережно передо мной разложил дедушка. Неужели это он? Такой молодой, красивый, без седых волос. Ну, конечно же, это он: те же глаза, только (как там у Шолохова?) «словно присыпанные пеплом», та же улыбка, та же стать.

Даже сегодня, несмотря на годы, он высокий и статный. А добрые глаза в сочетании с умным взглядом и приветливой улыбкой создают поистине незабываемое впечатление.

Как вечное напоминание о боевом прошлом, хранятся у Ивана Ивановича награды. Вот Орден Отечественной войны первой степени, вот медаль «За боевые заслуги», а здесь – медаль к 100-летию Ленина (ветеран очень дорожит ею). Есть, конечно, и юбилейные награды, за которые он благодарит руководство страны, ведь приятно, когда не забывают.

Постепенно в моём сознании вырисовывается образ русского солдата, защитника Отечества, и он очень похож на моего дедушку.

Чтобы помнили...

Я думаю, что после этой встречи уже не смогу жить по – старому. В моей жизни появилось то, чего не хватало мне всё это время: понимание ценности жизни и каждой минуты, радость от общения с родными и друзьями, любовь и уважение к человеку – воину, солдату, давшему мне почувствовать счастье под мирным небом. Я теперь знаю, что герои живут рядом с нами.

Слава тебе, Солдат Победы!

**АГАФОНОВ Александр, ученик 10 класса
Баскаковской муниципальной средней
общеобразовательной школы**

ВАРВАРА – КРАСА, ДЛИННАЯ КОСА (сказка-быль из истории моей семьи)

В каждой семье бывают тихие вечера, когда взрослые читают или рассказывают сказки детям. Я думаю, что это самые лучшие мгновения в жизни семьи. Перед твоими глазами пролетают моря и океаны, царства-государства, ты храбро сражаешься с чудовищами заморскими. В такие минуты и происходит единение душ, связываются в одно целое семейные ниточки. Были такие вечера и в моём детстве. Но особенно любима мною была сказка, которую когда-то моей маме рассказывала бабушка, а потом и моя мама нам.

В некотором царстве, в нашем государстве, в Смоленской губернии, в деревне Матвеевка, жили- были Никанор да Марья. И было у них три дочери - старшая Машенька, средняя Катенька и младшая Варвара краса, длинная коса. Жили они дружно да ладно! Дочери были хорошие да пригожие! Жили себе поживали, да своим трудом не только в дом добра наживали, но и славу земли Смоленской преумножали.

Но случилось беда страшная - напали на землю русскую басурмане немецкие. Не прошло и несколько месяцев, как оказалась земля смоленская во власти басурман! Огнём и мечом старались вороги истребить русский дух. Убивали и грабили, речь родную заставляли забыть. Но не просто было народ русский в рабство чужеземное загнать. Мужики многие партизанить в леса ушли. А Никанор с дочерьми своими помогать партизанам стал: ночью хлеб пекли и партиза-

нам тем переправляли. Страшная беда - жить под игом чужеземным. Но потом пришла беда в дом Никанора ещё более страшная: басурмане немецкие расстреляли Марью, жену его любимую. Но не кончились на этом беды Никаноровы. Через несколько дней после расстрела жены любимой угнали в полон басурмане немецкие дочку младшую – Вареньку...

И не знала семья годы долгие про сестрицу и дочь любимую. А Варвара тем временем в басурманском плену мучилась! Много ль, мало ли времени минуло, но пришёл пан польский, и забрал он Варвару со товарищами на работу к себе - на ферму польскую! Но и там не теряла духа русского наша Варенька. Помнила, что товарищам её ещё хуже живётся. Потихоньку от пана польского прятала еду, по капельке, по крошечке, и носила своим товарищам, тем что мучились во плену басурманском.

В плену том день тянулся как год, а ночи казались бесконечно короткими – только глаза прикрыла, а уж на работу пора! Но ослаб басурманин немецкий! И пришло избавление от ига немецкого, и от пана польского! Освободили Варвару с товарищами русские богатыри-воины красные! Товарищей отправили на землю русскую, а Варвара осталась при части воинской. И работала там она переводчицей с языка немецкого. Но пришло время и ей возвращаться домой, к сестрам, к бабушке!

После всех бед и несчастий посетила дом Никанора радость бескрайняя: дочь младшая, любимая вернулась домой живая да здоровая!

Долго ль коротко ль время бежало, Никанор дочерей старших замуж отдал, ну а там и Варварин черед пришел! Сосватали Варвару за добра молодца Ивана, а там и свадьбу сыграли шумную!

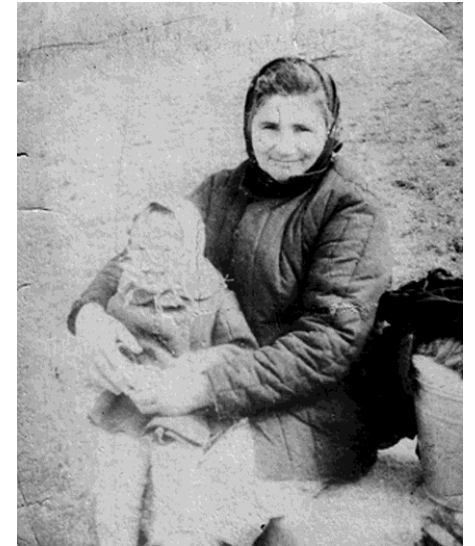
Родилось у Варвары две дочери - старшая Валентина и младшая Наталья. А потом и сынок Коленька!

Прожила Варвара жизнь длинную и счастливую. Деток вырастила, семерых внуков и одну правнучку дождалась! Но пришла болезнь страшная, и не стало Варвары красавицы! Но живут ее детки славные да внуки ее хорошие! Ну а самый младшенький внучок, Сашенька, рассказал Вам, люди добрые, всю историю жизни Варвары красавицы.

Придёт день, и буду я своим детям рассказывать эту сказку-быль, чтоб знали дети мои корни свои и любили семью свою, землю свою и страну свою.

Эту старую фотографию Никанора мы - Иван и Варвара -бережно храним.

Моя бабушка Варенька

**СИБГАТОВА Адила, ученица 9 «Б» класса
МАОУ «Нурлатская гимназия»
г. Нурлат, Республика Татарстан**

ПОДВИГИ РАЗВЕДЧИКА В ТЫЛУ ВРАГА

Введение

Всё дальше отдаляется Великая Отечественная война, но из года в год мы открываем всё новые и новые страницы её истории. Восхищаясь подвигами воинов – героев кинофильмов, мы порой даже не ведаем, что не менее героическое жило и живет совсем рядом с нами. Когда мне предложили почитать воспоминания Николая Михайловича Смирнова, я приняла это как обычное задание учителя. Но уже с первых строк понял, что у меня появился шанс познакомиться с уникальным человеком. Я открыла для себя много нового.

«Не разглашать военную тайну, не говорить о боевых заданиях, которые выполнил и должен выполнить. Когда всё будет сделано, забыть об этом навсегда», - таким был суровый закон жизни разведчика Смирнова. 25 лет Николай Михайлович не мог говорить о том, что видел и пережил на войне как разведчик. Он не всё рассказывал, но всегда знал больше о том, о чём говорил и писал в своих воспоминаниях: эпизодах, операциях, боевых заданиях во время Великой Отечественной войны (1941-1945). Когда они шли на боевое задание, принимали клятву: «Мы детям клянёмся, клянёмся нашей Родине, народу, родным и близким, что нас покориться никто не заставит...» И под этим требованием расписывался каждый разведчик, в т.ч. и он - «Николай Орлов».

А ему было о чём рассказать. По его воспоминаниям можно написать не одну книгу. Кое-какими эпизодами героической борьбы разведчиков в тылу врага он поделился в своих личных записках, которые любезно предоставил старшему научному сотруднику Регионального музея истории Закамья и г.Нурлат Сибгатовой Д.Н., ныне – учителю истории и обществознания Нурлатской гимназии - моему нынешнему научному руководителю. Еще один экземпляр его работы хранится в фондах вышеназванного музея.

Он приносил их по частям, и просил напечатать. Ему не могли отказать, и после работы сидели, разбирая его записки, печатали. В итоге получился огромный печатный материал, с частыми повторами, с некоторыми «нестыковками». Когда ему говорили: «Давайте, мы пошлём ваши воспоминания в какую-нибудь республиканскую газету, они все приведут в порядок, отредактируют, напечатают», он неизменно отвечал: «Мне этого не нужно. Если материал Вам интересен, берите, работайте. Когда будет время, тогда и разберётесь. Я подожду, я не тороплюсь...» Он не торопился, чувствуя себя бодро и уверенно, думал прожить долгую жизнь. Но скончался скоропостижно, так и не успев до конца привести в порядок свои записки, точнее не дождался. Сегодня наш долг – собрать материал воедино, выстроив в логическую цепочку, шаг за шагом прослеживая его славный боевой путь. У нас нет оснований не верить его записям. Работая с ними, мы параллельно вели поиск материалов по истории Великой Отечественной войны, чтобы яснее представлять боевой путь нашего славного земляка. Мы читали книги по истории Великой Отечественной, находили материал в Интернете. Его рассказ очень органично вписывается в упоминаемые им события.

Вся наша работа построена на основании личных воспоминаний, документов и фотографий из личного архива Смирнова Н.М. Мы благодарны дочери Смирнова Н.М.– Г.Н.Ефимовой, любезно предоставившей нам запрашиваемый материал.

Будучи разведчиком высокого класса, Николай Михайлович мало что «документировал», мало что оставлял для показа и обозрения. Но, тем не менее, даже те крохи, что остались, являются доказательством его героического служения своей Родине.

Каждая страничка воспоминаний Николая Михайловича – живое свидетельство подвигов доблестных советских разведчиков, которые своими успешными операциями помогали сокру-

шать и беспощадно уничтожать кровожадного врага нашей Родины - немецко-фашистских захватчиков. Там, за линией фронта, им не раз довелось быть в сложнейшей, критической ситуации, пережить во многом трагичные, отчаянно трудные дни, а часто бывать и один на один со смертью и побеждать её. Верные военной присяге, они честно выполняли свой священный долг перед Родиной. До последнего мгновения жизни жило в их сердце гордое сознание, что немалая доля их трудов заложена в победах, которые прославили нашу Родину. Слава им, доблестным советским разведчикам! В веках будет жить слава русских чудо - богатырей, одержавших Победу над самым сильным, злобным и коварным врагом.

Первоначально мы ставили для себя задачи минимальные:

- систематизировать материалы Смирнова Н.М.;
- довести до наших земляков, в первую очередь, до молодого поколения боевые подвиги наших земляков на фронтах Великой Отечественной войны;
- приоткрыть ещё одну, очень весомую страничку из истории Великой Отечественной, одним из главных героев которой является наш земляк Н.М.Смирнов.

Сегодня мы уже понимаем, что на данном этапе, в рамках одной работы мы не можем довести до совершенства наш исследовательский материал. Чтобы доказать документально все рассказы нашего земляка, необходимо обращаться в архивы, искать показания свидетелей, очевидцев. И если это мы сможем сделать в будущем, как дань памяти всем, кто отстоял свободу и независимость своей Отчизны в столь грозные годы, будет просто здорово. А пока мы хотим рассказать о нем, воспользовавшись возможностями данного конкурса.

Прикосновение к подвигу всегда возвышает. Хочется видеть и слышать то время, когда наши соотечественники в единоборстве одолели врага, посягнувшего на свободу и независимость нашего народа. Хочется пройти за героями, вместе с ними, все трудные военные дни и годы. Нам есть еще над чем работать....

Основная часть

Из рассказа Д.Н.Сибгатовой: «Николай Михайлович Смирнов... Это имя моя память хранит с самого детства, когда мы - пионеры ходили к ветеранам Великой Отечественной войны, собирали воспоминания, приглашали на встречи, вручали им подарки, сделанные своими руками. На всю жизнь запомнила слова отца - рабочего, коммуниста, когда спустя годы, в разговоре о проблемах страны, он произнес: «Для меня эталоном настоящего коммуниста является Николай Михайлович Смирнов...». Они были знакомы с середины пятидесятых годов. Когда в городе строился первый в Татарии сахарный завод, Смирнов «курьюрил» его. Он пользовался огромным уважением и авторитетом среди рабочих завода и населения поселка сахароваров. Он выделялся своей выправкой, подтянутостью, доброжелательным отношением к людям. И был удивительно скромным. И ещё врезалось в память, как в 1991 году, во время митинга 9 мая пронесся слух, что накануне умер Смирнов... Это было как гром среди ясного неба.

Но, оказалось, «похоронили» его преждевременно, он перенес тяжелейший инсульт, но остался жив и через несколько лет вновь встал в строй. Все эти годы рядом с ним была его жена – Нина Николаевна, тоже участник войны. На эту удивительно-гармоничную пару нельзя было не обратить внимания, столько тепла, преданности и верности было в их отношениях. И я, обозреватель местной районной газеты «Дуслык» («Дружба», «Туслах») однажды написала о них очерк. Материал им очень понравился, и с тех пор мы подружились...»

Разведчик чудесного сплава

Смирнов Николай Михайлович родился в селе Вишнёвая Поляна 15 февраля 1918 года в крестьянской семье. По окончании 10 классов был призван в ряды Советской Армии. Не успел он закончить действительную службу, как началась война. Он участвовал в ней с первых дней до её победоносного завершения. В войну был разведчиком, командиром отряда особого назначения с оперативным псевдонимом «**Николай Орлов**». Воистину, он прошёл огонь и воду. Вместе со своим отрядом он выполнял боевые задания в тылу врага.

На каждое боевое задание разведчики подбирались разведотделами штабов фронта. Строго отбирала и медкомиссия штаба фронта. Враг был жестокий, коварный, кровожадный и, чтобы победить его, надо было проходить высокую спецподготовку в школе активных разведчиков.

Готовили в условиях выполнения боевых заданий, приближенных к боевым. Среди основных правил каждого курсанта следовало выделить: честность по отношению к тем, кто выполняет задание рядом с тобой, в первую очередь, во главу угла ставилась миссия, которую должен был выполнить, часто некогда было задумываться о собственной жизни. Противника желательно было брать живым, ибо тогда появлялась возможность получить от него ценную информацию.

Тренировки до изнеможения накачивали мускулы. Много приходилось заниматься боксом. Учили метко стрелять из пистолета. Вместе с тем делать это нужно было очень быстро. Словом, курсант школы разведчиков должен был совладать один с двумя противниками. Приходилось отжиматься от пола по 45 раз и после этого 15 раз выпрыгнуть из упора сидя. Каждый курсант должен был уметь ребром ладони правой руки разбивать три навесных кирпича, что означало нанесение смертельного удара противнику при попадании. В школе вырабатывалась железная стойкость каждого курсанта.

Необходимо было строго соблюдать конспирацию. Друг с другом не общались, жили врозь на частных квартирах. Ходили в гражданской одежде. Командиры в школе разведчиков были в звании не ниже майора. И каждого знали только по оперативному псевдониму, кодовому имени. Во время подготовки в школе Смирнову пришлось повидать многих вершинных звезд разведки, людей великой красоты и силы духа. От таких людей курсанты получали закалку не только на время ведения боевых действий, но и на всю оставшуюся жизнь.

Разведчик должен был знать технику владения взрывными устройствами всех видов. Смирнову посчастливилось изучить их у полковника Старинова – короля мин. Об этом человеке не было известно всю войну, находился он в глубоком секрете. Его уроки принесли разведчикам неоценимую пользу в Крыму, где им приходилось пускать под откос вражеские эшелоны, взрывать железнодорожные полотна и мосты, проявляя чудеса героизма и отваги.

В процессе отработки движений, связанных с парашютным прыжком, шла закалка человеческих качеств. При каждом прыжке теряется примерно 600-700 грамм веса. Нашего земляка, видимо, судьба берегла. Из 72 прыжков, половина из которых были затяжными, он ни разу не получил травм.

Смирнову, как командиру отряда, необходимо было научиться объективно оценивать военную обстановку. Его подчинённые отзывались о нём так: «В боевых операциях с ним всегда побеждаем. Как человек, он обладает большой силой духа, объективно оценивает врага. Обладает смелостью, соединённой с осторожностью и непоколебимой решительностью. Он строго соблюдает конспирацию и требует её от подчинённых. Умён, изобретателен, способен действовать жёстко и решительно с врагом...»

После обучения и сдачи экзаменов Смирнов стал командиром отряда батальона активных разведчиков части особого назначения Северо-Кавказского фронта. Далее был назначен командиром группы агентурной разведки особого назначения отдельной Приморской армии 4-го Украинского фронта, был командиром отряда разведчиков по особым заданиям подрывных работ 3-го Украинского фронта, командиром отряда разведывательно-диверсионного отряда подрывников 3-го Украинского фронта.

Многие бойцы просились в разведку, однако не все смогли пройти эту суровую школу. У «Орлова» в отряде собирались люди, сильные духом, безмерно преданные делу, которому они служили. После спецподготовки в школе активных разведчиков в составе мобильных отрядов они действовали среди отъявленных эсесовцев. Тайная война по ту сторону фронта ежеминутно испытывала их на прочность. Они нанесли немалый ущерб немецким захватчикам. Пускали под откос вражеские эшелоны, взрывали железнодорожные пути и военные объекты, уничтожали предателей.

Там, за линией фронта, на войне, конечно же, было не сладко, но они выдержали, хотя зачастую приходилось находиться в самых экстремальных ситуациях.

Боевых эпизодов, по каждому из которых можно поставить высокохудожественный фильм, было несколько десятков. Мы расскажем о наиболее, на наш взгляд, ярких событиях, в которых ему пришлось принимать самое непосредственное участие.

Таких людей победить нельзя.

Тяжёлые испытания выпали на долю защитников Одессы - крупного промышленного города и порта, важной базы Черноморского флота.

Бои на дальних подступах к городу развернулись в начале августа 1941 года. К этому времени фашистские армии уже прорвались к Николаеву и Кривому Рогу. Одесса осталась у них в глубоком тылу.

Противник предпринял несколько сильных атак на позиции, опоясавшие город, но каждый раз наталкивались на упорство и стойкость его защитников. В условиях неравенства в силах пехотинцы, артиллеристы, военные моряки на суше и на море, лётчики, народные ополченцы проявляли чудеса героизма и самоотверженности. Днём и ночью, не умолкая, шли бои. Ценой больших потерь враг вышел на ближние подступы к городу, захватил водопроводную станцию и возобновил штурм наших позиций. Непрерывные бомбёжки, нужда в продовольствии, а потом и в питьевой воде, которая выдавалась по карточкам, не сломил и мужественного духа защитников Одессы.

В конце июля 1941 года по приказу штаба отдельной Приморской армии был сформирован отряд особого назначения в количестве 25 человек из числа самых опытных, эрудированных, не раз искушённых в боях разведчиков во главе с командиром отряда Орловым. Были созданы три группы по 8 человек. Высококласные диверсанты, подрывники-истребители были высажены на парашютах в тыл румынских войск, силами которых была окружена Одесса. Первой задачей отряда и спецгрупп было взять «языка» румынских войск, чином не ниже полковника.

Изучив обстановку, расположение штабов командования, уточнили, что в большом вагоне была охрана днём и ночью. Взяли одного охранника, который рассказал, что это штаб дивизии. Здесь находится командир дивизии полковник Инеску.

Ночью тихо сняли часовых и взяли в плен полковника. Вместе с ним взяли его секретные документы, приказы, планы наступления на Одессу. Здесь была и военная карта, в которой указаны расположение мостов, военных баз, эшелонов с военной техникой, танков, артиллерии, миномётов, самолётов. В эту же ночь доставили полковника в штаб отдельной Приморской армии. При допросе его было выяснено, что в румынской армии было 320 тысяч солдат и офицеров, имелось 2500 орудий и миномётов, 78 танков, 53 самолёта. Все солдаты румынской армии были вооружены немецкими автоматами. И вся техника была немецкая.

Для уничтожения военных объектов врага были закреплены спецгруппы боевиков-истребителей. Все подрывные действия должны были начаться в 2 часа ночи. И вот то тут, то там загремели взрывы. Это было явной неожиданностью для румынской армии. Отрядом Орлова и спецгруппами подрывников – истребителей были подорваны все подъездные мосты, уничтожено 18 танков, 8 самолётов, 28 вагонов подорвано на железнодорожных путях,.. Румынской армии нанесён значительный ущерб. Однако общая обстановка на юге сложилась крайне неблагоприятно для Красной Армии. В конце сентября гитлеровские войска, развивая наступление на Харьков, на Донбасс, Ростов, отрезали от страны Крым. В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования 30 сентября отдала приказ об эвакуации войск Одесского оборонительного района на Крымский полуостров.

Операция была проведена организованно и успешно завершена 16 октября 1941 года. Врагу так и не удалось победить защитников Одессы. Героическая Одесская оборона города продолжалась свыше двух месяцев и сковала крупную группировку противника, которая понесла крупные потери. Тысячи советских воинов, закалившихся в этих боях, сражались потом под Севастополем. Выполняя дерзкие боевые операции, отряд обладал неизмеримым морально-политическим превосходством, проявил высокий патриотизм, преданность Родине. Они очень любили жизнь. Хотели жить и презирали смерть! «Если эта смерть так необходима в войне за свободу Родины, то незачем бояться, что так рано погиб за родину», - так думали и поступали

миллионы советских людей, сражавшихся за свою Советскую Родину. Так думали и поступали и они – разведчики.

26 декабря 1941 года из Геленджика в Керчь высадился наш батальон с задачей закрепиться и удержать плацдарм до прибытия основных сил. Батальон сразу пошел на штурм гитлеровских укреплений в районе Керчи. Много было раненых. Николай был ранен и контужен. Фашисты яростно сопротивлялись, переходя в контратаку, и бывало, за день бойцы отбивали по 5-6 атак пехоты и танков. Двенадцать танков было уничтожено товарищами Смирнова. Советские бойцы несли большие потери, а подкрепления все не было. Постоянно бомбили. Силы наших бойцов были на исходе. Кончились боеприпасы и продукты. Немцы бросали против них все новые и новые силы. Они продержались 19 дней и вынужденные отступить, стали пробираться в лес. Но это не удалось. Советские воины оказались в окружении и были прижаты к морю. Командир батальона майор Бойков отдал приказ готовить плоты из подручного материала. Связав небольшие плоты, из 2-3 бревен, отправились по 7-8 человек. Была поставлена задача – переплыть пролив до мыса, вытянувшегося длинной косой до половины пролива, ширина которой 7 километров. Немцы их заметили и гонялись за каждым плотом и расстреливали в упор, бомбили с самолетов. Столбы воды и обломки бревен взлетали в воздух – кромешный ад. До косы, до которой 3,5 км, из всего батальона сумело добраться 19 человек, в том числе и Смирнов. Остаться в живых в такой обстановке на фронте было чудом. А тогда под Керчью в живых остались только те, кто умели плавать. 3,5 км пришлось плыть под обстрелом немецких самолетов. Смирнов переплыл и остался жив. Его – деревенского юношу выручило умение плавать.

В мае 1942 года прошло его боевое крещение в районе г. Новороссийска. В разведгруппу отобрали 8 человек, подготовленных разведчиков, вооружили, что называется, «до зубов», дали рацию и на самолёте высадили в тыл врага с задачей: выявить расположение войск противника; следить за перегруппировкой артиллерийских и бронетанковых войск, дислокацией бомбардировочной, истребительной авиации и сообщать все данные в штаб фронта. Передвигались только ночью. В одном из переходов обнаружили замаскированный аэродром. Немедленно сообщили в

штаб фронта координаты, условились об опознавательных знаках. С нетерпением стали ждать. В два часа ночи услышали приближающийся гул самолётов. Заметив наши сигналы, самолеты развернулись и начали бомбить. «Давай, ребята, давай! Лупи гадов!» - кричали разведчики. Весь аэродром был объят пламенем. Горели вражеские самолёты, запасы горючего. Казалось, горит вся земля вокруг. Бойцы испытывали особую радость: это было их первое успешно выполненное задание. Ведь с этого аэродрома немцы постоянно бомбили наши войска, находящиеся в Крыму, бомбили нефтяные районы Закавказья. Здесь было большое количество бомбардировщиков и истребителей. «Сознание, что помогаем Родине громить врага, умножало наши силы, волю, вселяло бодрость, умение и уверенность...»

В октябре 1942 года батальон отправился из **Туапсе в Феодосию** морским десантом на военном корабле с задачей закрепиться на берегу и удержаться до прибытия войск. Высадились не в порту Феодосии, а рядом на побережье. Военный корабль близко к берегу подойти не мог, так как не было пристани. До берега оставалось где-то 200 метров. Заметив судно, немцы начали его бомбить и обстреливать. На верхней палубе бойцы были расстреляны с самолета. Погибло очень большое количество солдат и офицеров. Было серьезно повреждено судно. Нижний этаж был затоплен. От бомбежки корабль начал тонуть. Многие не смогли выбраться, утонули. Это было ночью. Осталась где-то одна треть батальона. Утром на рассвете был сильный туман, подплыл небольшой катер, захватил всех оставшихся и отвез на берег. А осталось их 30-40 человек. Некоторые побросали оружие, и вновь те, кто не умел плавать, утонули.

В ноябре 1942 года Смирнов с батальоном вновь был высажен в город **Севастополь**. Высадились удачно на побережье рядом с городом. Был крутой берег, были большие валуны, камни. Закрепились на берегу. С рассветом стало ясно, что берег охранялся немцами. Открыли ураганный огонь с автоматов, пулеметов. Раненых и убитых было очень много. Оставшиеся в живых рассредоточились среди больших валунов, чтобы продержаться до следующей ночи. Смирнов был сильно контужен и не помнит, как оказался в палатке, где было много раненых бойцов и офицеров. В этой санитарной палатке пришлось находиться около месяца. После чего раненых ночью отправили в Анапу. Николай не хотел отставать от своих, и как только почувствовал себя

лучше, он списался со своей частью и его положили в больницу в своей части, где он долечился и ...- вновь на задание.

Нередко Смирнову в составе мобильных отрядов пришлось действовать в тылу врага. Как, например, выполняя боевые задания, довелось в течение года воевать вместе с партизанами под руководством А.В.Мокроусова на оккупированной территории, **в Крыму**.

В этот раз готовились очень серьезно, в группу отобрали 7 разведчиков во главе с майором Николаевым К.П. Забрасывали их ночью. Но все же при пересечении линии фронта самолет попал под сильный обстрел немецких зениток. Погода была неблагоприятной. Сильный ветер разбросал их в воздухе на очень большое расстояние. И вместо крымского леса они оказались в степи. При приземлении радист Борис сломал ногу, падая, повредил рацию. Скрываясь от врага, передвигаясь в основном ночью, к лесу они пришли только на пятые сутки. Перед ними стоял голый лес, с редкими деревьями. И им пришлось идти вглубь. Здесь они нарвались на засаду немцев. В неравном бою потеряли 4 товарищей. Но и сами уничтожили семерых немцев и одного прихватили с собой. Как оказалось, именно в это время в лесу проводилась карательная операция по прочесыванию леса. С партизанами же встретились через несколько дней и свои их едва не уничтожили. Только связавшись с Большой землей, где подтвердили, что у разведгруппы было задание, к ним изменили отношение.

С Большой земли пришел приказ: в связи с потерями в группе оставаться пока в распоряжении командира партизанского отряда. Трудно описать все операции и бои, проведенные за год пребывания в отряде... Партизаны, подпольщики, советские разведчики пускали под откос вражеские эшелоны, взрывали железнодорожные пути и военные объекты. Уничтожали предателей. Фашисты были в шоке. Подняли все немецкие разведслужбы на поимки партизан. Однако тщетно. Подкрепленные профессиональными разведчиками, отряды были просто неуловимы в течение года.

Немцы, не добившись успеха в поимке партизан, в отместку напали на гражданский лагерь, где находилось более 600 человек, 150 из которых были раненые. От неминуемой смерти людей спасло только наступление ночи. Немцы зажали партизан в узком ущелье с отвесными скалами,

блокировав единственный выход, справедливо рассчитывая, что никуда до утра они не денутся. Однако ночью, с помощью веревок и веревочных лестниц разведчики всех до одного партизана подняли из ущелья! Вот где пригодились их знания, полученные в разведшколе! Наутро немцы никого не нашли и, конечно, были в бешенстве. Фашисты не могли скрыть своего удивления и восхищения, даже написали об этом в своей газете «Голос Крыма».

Немецкое командование объявило по радио, что за каждого пойманного партизана будет выплачено по 25 тысяч рублей, а за их командира - 50 тысяч рублей. Усилили патрульную службу, установили круглосуточное дежурство на военных объектах, аэродромах, складах с боеприпасами при эшелонах с военной техникой, находящихся на железнодорожных путях.

Кое-что им удалось. Участились случаи провалов подпольных групп в Севастополе. В апреле-начале мая 1944 года из Центра поступила радиogramма: «Вам необходимо с отрядом проникнуть в город Севастополь и связаться на явочной квартире с нашими людьми и вместе с ними организовать подпольную группу. Ранее выданные паспорта уничтожить, получить новые. Документы направляем со спецгруппой. Организуйте площадку парашютистов. Дополнительные указания получите позже. Это задание – задание особой важности. В помощь направляем группу разведчиков-профессионалов. Организуйте прием десанта в районе каменоломен».

В отряд вошли четыре разведчика высшего профессионального уровня. Ночью они приняли еще 20 человек и в отряде стало 27 бойцов. По предложению полковника «Васи» и командира Николаева решено создать 2 отряда. Отряд командира «Орлова» из 12 разведчиков должен тихо без выстрелов убрать в караульном помещении 15 фашистов и проникнуть в здание и обезвредить собаку–овчарку и охранников на постах в здании, захватить живыми начальников Гестапо Майера, взять из сейфа все секретные документы. Отряду командира «Смелый» предназначалось обрезать телефонные провода и оцепить здание Гестапо, и брать следователя – палача Пеннера.

Зная ежедневный пароль, который сообщает «Вася», все собрались на явочной квартире «Дора». Связная доложила, что гестаповцы готовятся к большому прочесыванию леса и тщательной облаве в городе для поимки подпольщиков, разведчиков, которые находятся в городе. Было решено опередить события, напасть на здание Гестапо и разгромить это фашистское гнездо, захватить начальника Гестапо и секретные документы. Составили план действий, продумали

мали каждый шаг. Зная, что идут на смертельный риск, прорепетировали все до малейших подробностей.

Ночью, переодевшись в немецкую форму, ворвались в помещение, где находились немцы, и отряд сделал все необходимое. Без единого выстрела обезвредили фашистов, находившихся в караульном помещении, сняли часовых внутри помещения, обрезали телефонную связь. Однако во время операции пришлось встретиться с непредсказуемым фактором, который мог сорвать операцию. В помещении находилась овчарка, настоящий волк. Она сразу накинулась на одного из бойцов отряда, разорвала ему все лицо, свалила с ног и уцепилась за горло. Видя такое дело, Смирнов бросился прямо на нее, схватил ее за голову, но она успела укусить руку в сгибе локтя. Он быстро ухватил ее за шею, сильно прижав руку. Здоровая собака потащила его по полу, а он ее держал до тех пор, пока она не задохнулась. После чего начал разгибать руку, но она не разгибалась. Как узнали позже, на собаку немцы надеялись даже больше, чем на охрану.

Во время операции захватили начальника Гестапо Майера и его подручного Пеннера, а также очень ценные документы о количестве войск в Крыму, о количестве артиллерии, танков, самолётов, о расположении дотов, дзотов, укрепрайонов. И, когда в мае 1944 года, войска 4-го Украинского фронта, отдельной Приморской армии во взаимодействии с Черноморским флотом прорвали оборону немцев и начали наступление через Сиваш, Перекоп, Керченский полуостров, они имели на руках все необходимые данные о немцах. Это было чрезвычайно опасное задание, связанное со смертельным риском, но справились с ней на «отлично».

В Крыму было 200 тысяч войск. От Азовского до Черного моря тянулись окопы, траншеи, оборонительные сооружения. При вскрытии сейфа захватили серьезные документы с грифом «совершенно секретно», более 100 фотографий провокаторов и шпионов, которые находились в партизанских отрядах, и среди разведчиков в городе. Некоторые работали у немцев полициями и передавали немцам самые важные сведения о нахождении партизан и их передвижениях, разведывательных группах в городе Севастополе. По доносам немцы всех их повесили. Согласно документам и фотографиям все провокаторы, шпионы тоже были пойманы и уничтожены. Эти нацистские главари зверски издевались над партизанами, подпольщиками и разведчиками. За

особо жестокие пытки начальника Гестапо Майера - этого «Черного Ястреба» – стервятника Гитлер продвигал по служебной лестнице.

После ожесточённых боёв был освобождён город **Севастополь**. Крымская немецко-румынская группировка в количестве 205 тысяч войск была полностью разгромлена, и 12 мая 1944 года от гитлеровских захватчиков был освобождён весь Крым.

13 мая 1944 года в г.Севастополе состоялось совещание участников освобождения Крыма и вручение боевых наград. На собрании присутствовали генерал армии, командующий отдельной Приморской армии А.И.Ерёменко, командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский, генерал армии, командующий 4-м Украинским фронтом Ф.И.Толбухин. В своём выступлении Ф.Толбухин отметил: «Партизаны, участники подполья, советские разведчики оказали неопределимую помощь Красной Армии в разгроме врага в Крыму. Они наносили удары по немецким гарнизонам. Пускали под откос вражеские эшелоны, взрывали железнодорожные пути и военные объекты, уничтожали предателей. Вы проявили чудеса героизма и отваги. Спасибо Вам большое от всего советского народа, низкий поклон...»

На этом совещании, за особые заслуги, проявленное мужество и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами в Крыму, Смирнов Николай Михайлович был награжден орденом Боевого Красного Знамени, которое ему вручил лично командующий четвертым Украинским фронтом генерал армии Ф.Толбухин.

В городе **Кишиневе** во время войны находился штаб немецкой разведки, а недалеко от города располагалась диверсионная школа - настоящее фашистское гнездо – рассадник шпионов и диверсантов, которых готовили для засылки в тыл Советского Союза. О существовании этой школы наша разведка знала. Однако кто там готовится, сколько, куда, когда их засылают – было неизвестно. В июле 1944 года группу из 5 человек забросили на парашютах в сосновый массив в 2 километрах от железнодорожного разъезда. Встретил их секретный агент, начальник железнодорожного разъезда. У разведчиков была рация.

«...Так мы оказались на территории, оккупированной немцами. Мне необходимо было связаться с нашим шефом, который жил и работал в г.Кишиневе. А наш резидент- подполковник

советской разведки, внедрился, вошел в доверие к немцам и смог занять пост заместителя начальника полиции г.Кишинева. При встрече с шефом он ознакомил меня, как командира, с обстановкой. Шеф смог завербовать начальника секретной части школы, чтобы он доставлял самые секретные данные: количество курсантов, кто, куда, когда и с каким заданием заброшен к нам, адреса явок. Выносить с территории школы данные должен будет собаковод - офицер школы, который обучал собак-овчарок. Он три раза в неделю выводил с территории школы на тренировку овчарку на полигон – стрельбище, и я должен там с ним встретиться. Вскоре встреча состоялась. Определили место, где он должен оставлять эти данные. А затем я эту секретную информацию должен доставлять подполковнику в его резиденцию. Так, в течение месяца я ходил и брал из тайника эту секретную информацию. По указанию шефа, требующего от нас тщательной конспирации, к тайнику теперь мы ходили вдвоем с начальником железнодорожного разъезда - нашего секретного агента, ходили в полном вооружении. На всякий случай наш шеф сообщал ежедневно меняющийся пароль...»

Все засланные на нашу территорию агенты провалились. Обеспокоенный почти полным провалом работы диверсионной школы, из Берлина приехал генерал СС для расследования. Он опросил весь офицерский состав школы и понял, что в коллективе школы против них работает провокатор. Он потребовал от начальника школы опознать этого человека и расстрелять, разобраться, кто имеет доступ к совершенно секретным данным. Строго призвал к ответу начальника секретной части школы за утечку секретных данных. От начальника школы потребовал дать полную информацию о работе пеленгаторов в городе, в каком районе и в доме имеются подозрительные данные о работе рации. Там где есть точные данные, на продолжительное время выставляли засаду. Установили патрулирование вокруг школы. Усилили охрану. Переводчица за сутки раньше сообщила подполковнику все эти данные. Собаковод сообщил Смирнову, что начальник секретной части школы просит встречу с шефом в присутствии всего обслуживающего персонала ресторана с обязательным присутствием человека, который брал информацию в тайнике. Встреча должна была быть только в ресторане. Обо всем немедленно сообщили шефу. Переводчица подтвердила, что это засада. Видимо, продал собаковод. Девушки, работающие в

ресторане, заметили, что посетители были вооружены и ни один из них не брал спиртного, несмотря на то, что был выходной день.

Тех, кто так поздно собрался в ресторане, было много. Шеф вызвал Смирнова и сообщил: «Мы сегодня сами им сделаем засаду. Забери своих людей». Всем выдал финки. «Работать будем прямо в моем кабинете. Ведь стрелять-то нельзя. Уберем тихо. И надо сделать взрывчатку и подготовить все оборудование к взрыву». Командир в кабинете оставил только двоих. Троице дал задание тщательно подготовить все к взрыву, чтобы ни один не ушел из ресторана.

На встречу приехали начальник школы, начальник секретной части школы и собаковод. Их встретил шеф и завел в свой кабинет. Пришлось работать молниеносно. Смирнову под руку попался полковник - начальник школы.

После того, когда все было сделано, закрыли дверь в зал. Спустились в подвал, после чего все вышли через черный ход на улицу, где их ожидала машина. В темноте отъехали метров 300, боец-подрывник крутанул машинку, и от ресторана ничего не осталось. Выехали из города, бросили машину и пошли пешком на железнодорожный разъезд. Задача была выполнена, о чем сообщили Центру. Им было приказано находиться там, где было указано и не выходить никуда до прихода наших войск.

«Я был восхищен богатырской силой, ловкостью, смелостью и решительностью его действий по уничтожению врага. Вот это батенька, глыба-человек», - впоследствии Смирнов узнает и о такой характеристике в свой адрес от руководителя отряда.

А в начале **сентября 1944 года** по приказу штаба 3-го Украинского фронта была сформирована группа разведчиков из 25 человек во главе с майором Зотовым для выполнения задания чрезвычайной важности: разведать нефтяной район Плоешти (**Румыния**) как основной источник нефти Германии. Здесь, в городе, располагался Генеральный комиссариат – Управление оккупированной территорией. Здесь же находились гестапо, СД и полевая полиция.

Майор Зотов связался по радиации со штабом фронта, доложил обстановку и получил задание: добыть большого «языка». Решили в город не идти, а выманить оттуда врагов. Для этого ночью

выпустили из одной цистерны нефть, её, разлившуюся на большой площади, подожгли и создавалось впечатление, что горит всё нефтехранилище.

Сделали засаду, детально уточнив задание по захвату каждому разведчику. Вскоре подъехали пожарные и две легковые машины. Как только все вышли из машин и приступили к пожаротушению, разведчики молниеносно выскочили из засады. Одна группа захватила машины и имеющееся в них оружие. Остальные две группы захватили людей. Среди них оказались полковник и два старших лейтенанта пожарной службы, немецкий полковник-комендант укрепрайона Плоешти и два его адъютанта - старшие лейтенанты.

В эту же ночь разведчики вместе с прибывшим десантным батальоном под командованием подполковника Егорова ринулись в город нефтяников. Эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, что немцы и румыны удирали кто куда и кто в чем.

Советские бойцы в первую очередь освободили румын, которые занимались минированием и с их помощью провели разминирование. Отрезали кабель, ведущий к кнопке взрывателя. Вывели из строя нефтедобывающие и перерабатывающие объекты.

Стало светать. Батальон начал отходить в горы, к месту своего базирования. С ними пошли румыны, опасавшиеся мести гитлеровцев, обещавших их расстрелять. Под усиленной охраной вводили пленных немецких офицеров.

Не успели разведчики дойти до цели, как немцы опомнились, начали их преследовать и открыли сильный минометный и артиллерийский огонь. Хорошо зная местность, румыны повели советских воинов по другому маршруту, отряд разбился на мелкие группы. Но немцы подняли в воздух самолеты, корректировавшие огонь артиллерии, бомбардировщики бомбили беспрестанно. Их преследовали войска, специально обученные боевым действиям в горах. Из громкоговорителей неслись призывы: «Сталинские головорезы, сдавайтесь! Отпустите наших офицеров, за каждого из них мы расстреляем 50 ваших пленных. Вы подохнете с голода, у вас нет продуктов и боеприпасов».

Но наши бойцы упорно оборонялись. Шел сильный бой, в ходе которого несли большие потери и наши, и гитлеровцы. Много погибло и румын, так как у них не было оружия. Из нашей разведки осталось всего 9 человек и небольшое число десантного батальона. Создалось угрожа-

ющее положение. Из центра поступило сообщение: «Держитесь! Высылаем самолеты с необходимым».

Ночью прилетели самолеты, сбросили гандолу с продуктами и боеприпасами. Бойцы подкрепились и продолжали активно обороняться.

Следующим рейсом вывезли всех раненых, а потом и остальных в освобожденный от немцев Тирасполь. Захваченных офицеров сдали в штаб фронта. Особо важное задание было выполнено.

Наиболее опасным и значимым боевым заданием в своей нелегкой службе Николай Михайлович считал проведение операции «**Балатон**».

Наши войска в начале марта 1945 года в основном освободили Венгрию от немецко-фашистских войск. Однако отдельные группировки немецких войск остались на её территории. Они смогли втянуть на свою сторону некоторых мадьяр, лояльно настроенных к немцам. В городе Секешфехервар немцы вместе с мадьярами организовали нападения на наши войска, оставшиеся в городе для реорганизации пополнения. Здесь был наш госпиталь, где было свыше сотни раненых солдат и офицеров. Группировка немцев составляла более трехсот человек. Свыше двухсот человек было мадьяр. Гитлеровцы поставили задачу расправиться с нашими оставшимися частями и ранеными в госпитале и ночью обстреляли наши части. В окна госпиталя забросали гранаты, и там не осталось ни одного живого человека.

По приказу разведотдела 3-го Украинского фронта отобрали 2 отряда – двадцать пять человек разведчиков – профессионалов во главе с командирами «Орловым» и «Козырем» инапарашютахвысадиливлесноймассиввтрехкилометрахотгородаСекешфехервар. На этот раз, отправляя на боевое задание, бойцов вооружали «до зубов». Дали по два пистолета с запасом обойм, автомат с запасом дисков и по пять гранат, чтобы все это в нужный момент пустить в ход. Задачей отряда было тайно выкрасть главарей немецко-мадьярской группировки. Это был большой риск, и они к этому заданию готовились тоже очень тщательно. Они хорошо понимали, что только сильные духом настоящие профессионалы смогут его выполнить.

В городе взяли немецкого офицера, который при допросе сообщил, что знает, где находится штаб немецко-фашистской группировки. Там каждый день собираются старший и младший офицерский состав. Сообщил, что немецкую группировку возглавляет полковник, мадьярскую – подполковник. Живут они на дачном участке. Имеется связь со всеми огневыми точками. Они сильно охраняются. Связались по рации с центром. Получили приказ: «Организуем прием десантного батальона. Место высадки обозначьте кострами». Ночью приняли батальон. Окружили крепость силами батальона. Проникнуть в крепость и сделать засаду поручили двум отрядам разведчиков. Немецкий офицер показал караульное помещение, где было 20 человек солдат и офицеров. Отряду «Орлова» было приказано проникнуть в караульное помещение и тихо убрать фашистов. Отряду «Козырь» окружить помещение крепости и обрезать связь.

Улив convenient момент, отряд Смирнова ворвался в караульное помещение и обезвредил фашистов. Налет был настолько стремительным, внезапным, что немцы даже не успели разобрать автоматы. Одного офицера взяли в плен. Он рассказал, что сегодня в 22.00 в крепость должны явиться старшие и младшие офицеры для получения указаний.

Еще было темно, когда разведчики проникли в помещение крепости. Офицер указал комнату, где все собираются. Здесь им сделали засаду. Заняли выгодные места, чтобы молниеносно схватить их. Всего на сборы должны явиться: немецкий полковник, подполковник мадьяр, пять младших офицеров и девятнадцать младших командиров. Все они вооружены пистолетами. Все было готово. Остались считанные минуты. Заходят два старших офицера. Их сразу схватили и разоружили. Через десять минут заходят все подчиненные. В один миг они были разоружены. Они даже не успели схватиться за пистолеты, как им скрутили руки. В отряде был хорошо знающий немецкий язык. Два командира отряда потребовали от немецкого полковника, чтобы его подчиненные в течение одного часа сдали все оружие. Он согласился и объявил по рации и телефону приказ. Однако час, другой – оружие не сдают, а, наоборот, все подтянулись к крепости и начали обстреливать батальон, разведчиков. Начался сильный неравный бой. Гитлеровцы пустили вход автоматы, минометы. Начался беспощадный обстрел. Отошли к озеру Балатон. Батальон и разведчики несли большие потери. Эсэсовцы пошли в атаку, которая была отбита, но они продолжали атаковать до самого вечера. Против разведчиков действовали отборные части

эсэсовцев, состоявших из офицеров Гестапо. Немцы пополнялись все новыми силами. Советские воины находились в полном окружении.

Бомбежки начинались с рассветом, в четыре часа. Едва улетают бомбардировщики, вступает в дело артиллерия, потом снова прилетают бомбардировщики. Эти дни для бойцов были самыми критическими. Погибали на глазах разведчики, десантники. Немцы хотели взять разведчиков живыми. Многие думали о том, чтобы в этом аду не попасть к немцам. Выйти из этого пекла, казалось, невозможным. Немногим удалось уцелеть в этом пекле. На одиннадцатый день приняли решение ночью прорваться и выйти из окружения. Это решение было единогласным. Дальше тянуть время было нельзя. От голода люди с каждым часом теряли силы до потери сознания. Было решено уничтожить оперативные документы и шифры, чтобы они не попали врагу. Собрав все оставшиеся силы, пошли на штурм немецкого окопа. Ночью проползли в окоп, тихо убрали семь человек – немецких солдат и одного офицера. Забрали все консервы, печенье, хлеб, подкрепились и...вышли из окружения. *Это было немыслимо, но это произошло!* В оставшиеся часы ночи смогли вынести тяжелораненых и ослабевших от голода через этот узкий коридор. Разведчиков осталось четырнадцать человек. Остальные погибли в бою или умерли от ран.

После короткого отдыха, вновь по радиации получили приказ Центра: «Вам необходимо проникнуть в город Секешфехервар, взять «языка» – только немецкого офицера». Так четырнадцать смельчаков, переодевшись в немецкую форму, глубокой ночью пробрались по камышам и воде озера Балатон и проникли в город там, где немцы их и не ожидали увидеть. Была поздняя ночь. В домах города уже не было света. Свет был только в одном доме. Сделали засаду. Через некоторое время показались три патруля. Их тихо взяли. Всех разоружили. Среди них оказался один офицер, его и взяли в плен. При допросе он сообщил, что сегодня у полковника-коменданта города (вот почему горит свет!), отмечают его день рождения. Это мероприятие сильно охраняется. В караульном помещении двадцать солдат. Имеется охрана и в здании комендатуры. Взятый в плен офицер сам только что был там. Он рассказал также, что в гостях много офицеров, пьяных, что коменданта сильно пьяного уже увели в свою комнату. До недавнего времени здесь был генерал, который уехал с охраной.

Советские разведчики броском ворвались в караульное помещение, захватили двух офицеров, остальных спавших обезвредили. Проникли в домишко, сняли часовых. Забежали в зал, где были пьяные офицеры, их тихо убрали. Ворвались в помещение, где был мертвецки пьяный полковник-комендант. Взяли живым. В соседней комнате находился командир десантного батальона эсэсовцев. Тоже взяли живым с тяжелым ранением. Выбежали во двор, где на рабочем ходу находилась легковая машина. Убрали шофера, заменили своим. Затащили полковников в машину и увезли в лесной массив озера Балатон.

При допросе офицеры сообщили, что в северной части города Секешфехервар сосредоточено большое количество немецких войск. Здесь находилась армия СС, десять танковых и шесть пехотных дивизий. Эти силы предназначались для контрнаступления против 3-го Украинского фронта. Разведчики немедленно сообщили по радиопередаче координаты нахождения немцев: «Срочно! Совершенно Секретно - Центру!» Скоро в воздухе появились наши самолеты-штурмовики, бомбардировщики. Район содрогался от взрывов бомб. Огненный шквал бушевал свыше 8 часов. Они работали непрерывно два дня. Срочно прибыли танки, артиллерия, минометы. В большом количестве прибыла пехота. 10 дней длились тяжелые бои. Враг нес большие потери и был разгромлен. *16 марта 1945 года* Венгрия была полностью очищена от гитлеровских захватчиков. В отряде были большие потери. От батальона осталось 19 человек. Разведчиков осталось лишь пятеро из 25. Выстояли. Вынесли всё. Выполнили боевое задание командира 3-го Украинского фронта.

«Когда я находился на отдыхе в пансионате в городе Сечед (Венгрия), где проходил курс лечения, ко мне неожиданно приехал майор с разведотдела штаба 3-го Украинского фронта и сообщил, что я завтра же должен явиться к 10 часам к генералу. Конечно, я сильно волновался и всю ночь не спал, перебирая в голове все. На следующий день явился в штаб фронта и доложил о прибытии. Генерал принял меня очень тепло, подал руку и своим вниманием расположил к себе. При встрече он сказал в мой адрес немало лестных слов.

- Так вот ты какой, красавчик! Где только тебя вырастили! Мы полковником Антоновым следили за вами всю войну и были восхищены вашими подвигами, вашей богатырской силой, большой энергией, смелостью при выполнении боевых заданий против такого, хитрого, опытного и кро-

вожадного врага. Неслучайно фашистская агентурная разведка ищет вас всю войну, и хочет взять только живым. Надо сказать за вас обещают большие деньги. Это похвально. Вы перепугали высших чинов Абвера, гестаповцы, нацистские каратели побаиваются, как бы их ночью не утащили к русским, - говорит генерал.

Мы будем рекомендовать вас на высокую должность. Будем учить военному делу.

Далее генерал спросил:

- Сколько не писал писем домой?

- Всю войну, - ответил я.

- Где ваша Родина?

- Татарская АССР, Казань.

- Живете в самой Казани?

- Нет. На юге республики есть железнодорожная станция Нурлат, между Бугульмой и Ульяновском.

- Сколько вам нужно на дорогу до Нурлата, суток 5-6? Так вот, за отличное выполнение боевого задания, как поощрение, вам предоставляется отпуск на 10 дней, не считая дороги.

Выдали «серьезный документ»и генерал сказал в напутствие:

- Приедете в Нурлат, предъявите этот документ в райвоенкомат и в сельской местности в сельский Совет, чтобы вас не посчитал и дезертиром. Ведь война- то еще идет.

...Так мне посчастливилось побывать дома. Это было 28 апреля 1945 года. О, великое счастье, после семи лет я, наконец, дома! Ведь всю войну не мог написать ни одного письма, находясь по ту сторону фронта. И вот я приехал в село Вишневая Поляна. Мама считала, что я погиб на фронте и поставила в церкви свечку за упокой. Отца уже не было, он умер в 1942 году. Мама жила одна

Когда я уходил от генерала, он сказал: «Мы вас будем рекомендовать начальником школы молодых разведчиков особого назначения. Ведь полковник Антонов стар. Он рекомендует вас. Будучи дома, посоветуйтесь с родителями. Далее мы вас пошлем на учебу в военную академию им.Фрунзе». Это было после освобождения Крыма 12 мая 1944 года», - читаем мы в записях.

После окончания Великой Отечественной войны в конце мая 1945 года была организована школа молодых разведчиков особого назначения. Готовили глубоко законспирированные в высшей степени секретные кадры разведчиков под руководством бывшего разведчика – полковника А. Н. Антонова, который во время войны служил в разведотделе штаба 3-го Украинского фронта. Он после войны был направлен комендантом г. Кэлераш (Румыния). Смирнов уже служил в данной комендатуре, где был избран секретарем партийной организации и одновременно заместителем коменданта по политчасти. Работали вместе. В январе полковника переводят начальником школы молодых разведчиков. Он хорошо знал Смирнова, как разведчика профессионала. И он рекомендовал «...принять в школу «Николая Орлова» в качестве инструктора по обучению процессов подготовки курсантов к парашютным прыжкам».

Смирнов проводил занятия – парашютные прыжки с курсантами. Отрабатывал затяжные прыжки в воду, в лес, в горную местность. Сначала с высоты 2000-3000 метров, затем с высоты 6000 метров. Отработка приемов бокса, самбо. Тренировка стрельбы из пистолета. Показал себя высококлассным специалистом. Начальник школы своим приказом утвердил его инспектором по приему итоговых занятий по вышеуказанным дисциплинам от молодых курсантов. И вот ко дню Великой Победы появился приказ начальника разведывательного Управления: «...за отличную военную выучку молодых курсантов инспектора «Николая Орлова» с 9 мая 1946 года утвердить в должности заместителя начальника школы по политчасти молодых разведчиков особого назначения».

Однако обстоятельства вскоре изменились. Заболела мать, и так как она жила одна, Смирнов принял решение поехать на Родину. Надо было позаботиться о матери...

Заключение

Смирнов Николай Михайлович находился на фронте Великой Отечественной войны с июля 1941 года по 9 мая 1945 года, из них 3 года 10 месяцев и 24 дня - в действующей армии.

Он не раз находился между жизнью и смертью. Слава богу, его всю войну хранила судьба. Чудом оставался в живых в боевых операциях по ту сторону фронта. Работали без выстрела, имея высокую военную выучку - тренировку. Пришлось работать под сердцем фашистской агентурной разведки Абвера, гестапо, нацистских карателей, разоблачая их планы, замыслы. Судьба провела его по кромке бездны, видимо, ему суждено было уцелеть в таком аду. Надо было иметь большую силу воли, твёрдый характер, чтобы не засветить себя как советского разведчика. Быть среди убийц, вжиться в их среду и исполнить свой долг разведчика во имя спасения жизни людей стоило большого нечеловеческого напряжения и больших нервов.

Это были железные люди, которые скорее умрут, но сберегут честь разведчика. Они, поправшие смертью смерть, принесли домой Победу, в которую все, включая уцелевших, и тех, кого в этой страшной войне не смогли уберечь, сохранить, верили и готовы были отдать зане

жизнь... И позже, когда он вспоминал дни, пройденные на войне, железными клещами сжималось его сердце.

Подумать только! За годы войны он **72 раза** в составе отрядов был высажен на парашютах и выполнял бесчисленное количество секретных и боевых заданий, трижды высаживался морским десантом в Крыму: в Керчь, Феодосию, Севастополь. Два раза переходил линию фронта с секретными документами. Ему пришлось переплыть Керченский пролив (3,5 км.). Дважды был ранен, контужен.

Н.М.Смирнов прожил замечательную, долгую жизнь, отметил 90-летний юбилей, до следующего своего дня рождения не дожил всего два месяца. После войны долгие годы работал в советских, партийных органах. Более 30 лет работал в аппарате райкома КПСС. Ушёл на пенсию в должности освобождённого председателя партийной комиссии при РК КПСС. Был кристально чист, порядочен, честен, доброжелателен, с огромным уважением относился к людям и люди платили ему тем же. Он оставил добрый след на земле, до конца жизни остался верен своим жизненным принципам. Главное, он трудился честно, уходя на заслуженный отдых по постановлению Совета Министров ТАССР от 4 января 1979 года был удостоен персональной пенсии. Что это значит? Человек исключительных способностей, великий труженик, который всего себя отдавал служению стране. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1976 года награждён медалью «За трудовое отличие»

Его вклад в Победу значителен и, без сомнения, его имя ещё долго будет стоять в ряду славных сынов Отечества, вставших на её защиту в грозные годы страшной войны. Память не уходит в отставку. Она вечна...

Я видел немало фильмов о Великой Отечественной войне, как советских, так и современных. Тем не менее, читая записи Николая Михайловича, я не переставал поражаться той стойкости духа, которую проявляли советские воины. Трудно представить, как можно было выжить в том аду! Теперь мне понятна цифра – более 25 миллионов, погибших на войне. Таких «счастливчиков», как Смирнов, были единицы. Какая – то неведомая сила хранила, оберегала его. Те, кто знал Николая Михайловича, отмечают его поразительную аккуратность, дисциплинированность, высочайшую ответственность во всем. В то же время это был удивительно общительный, доб-

рожелательный человек, который пользовался подлинным уважением окружающих за свою скромность и простоту. Уверен, абсолютное большинство даже среди ветеранов Великой Отечественной войны не могли представить даже малой доли того, что он пережил.

У меня вызвало большое уважение и восхищение его отношение к матери. Какая карьера его ожидала! Но едва мать отказалась ехать за ним в город из насиженных мест, он принял твердое решение остаться с ней – в деревне. Женился на замечательной девушке Нине из своего села, тоже фронтовичке, прожил с ней достойную жизнь, вырастил замечательных сына и дочь. А когда его направили на работу в райцентр, он перевез маму и ухаживал за ней с женой до самой её смерти.

Пройдет немного времени, когда уже не останется живых свидетелей той страшной войны. Но люди – мы и наши дети будем вновь и вновь по крупицам собирать крохи-воспоминания о войне. Сколько бы о ней не было написано, невозможно рассказать о каждом советском человеке, пережившем 4 страшных года этой проклятой войны. О судьбе каждого из них- переживших не только войну, но и очень трудные послевоенные годы можно написать книгу...И, без сомнения, эти книги будут издаваться еще не одно десятилетие.

**ЩЕРБАКОВ Егор, ученик 9 «А» класса
МБОУ «Гимназия №40»
Алтайского края города Барнаула**

Я МАЛО ЗНАЮ О ТОЙ ВОЙНЕ

Я мало знаю о той войне, которую вели наши деды и прадеды с фашистскими захватчиками. Но я знаю, что на той войне воевали мой дед с отцовской стороны, мой прадед по материнской линии и их братья, другие родственники. В той войне погибло много наших родственников – из ушедших на фронт вернулся лишь каждый четвертый, во многих семьях погибло по несколько человек. У Семеновых было трое сыновей - двоюродных братьев моей бабушки по материнской линии; из них только один – Михаил Федорович - вернулся живым, его брат Николай погиб в 1942 году, второй брат Павел в том же 42-ом пропал без вести. У Шердаковых из четверых (три сестры и брат, двоюродные для моей бабушки по материнской линии) погибли двое – Андрей Иванович и Зоя Ивановна. У Максимовых из троих братьев (тоже двоюродные братья моей бабушки по материнской линии) два брата погибли в 1943 году, их старший брат Николай по возрасту не воевал, но умер от голода в годы войны, у него воевали и погибли двое сыновей; всего у братьев Максимовых остались сиротами десять детей. У Лалетиных погибли оба сына, Николай и Федор (родные братья бабушки по отцовской линии), и три зятя, мужья бабушкиных сестер.

Я постараюсь рассказать обо всех наших родственниках, воевавших на фронтах Великой Отечественной. Я перечислю поименно тех своих родных, которые погибли на войне или пропали без вести и всех тех, кто вернулся живой. Я расскажу о тех, кого знал сам, и о тех, кого знают и помнят мои родители, бабушки и дедушки. О ком-то мы знаем больше, о ком-то – меньше, об

одних сохранились и фотографии, и документы, о других мы лишь знаем, что они погибли на той войне. Но мы в равной мере чтим их и бережно храним память о них.

Большого всего мне известно о моем прадеде по материнской линии **Медведеве Борисе Васильевиче**. Его я хорошо помню сам и могу многое о нем рассказать, потому что сохранилось много его документов и фотографий, о нем мне рассказывали бабушка с дедом.

Прадед родился в городе Шуя Ивановской области, где он окончил текстильный техникум и приехал в Барнаул для работы на Барнаульском меланжевом комбинате. Накануне войны в 1940 году по призыву прадед стал курсантом Сталинградской авиашколы, потому что мечтал стать летчиком. За время обучения в школе он получил звание старшего сержанта и стал замполитом школы (эскадрильи). Так как в июне 1941 года началась война, курс обучения сократили, и уже в апреле 1942 года Борис Васильевич был откомандирован в 181 танковую бригаду и участвовал в защите Воронежа. В июле 1942 года Бориса Васильевича отправили в Москву для продолжения учебы в летной школе, но школа была эвакуирована. Мечте прадеда стать летчиком не суждено было сбыться, так как у него обнаружилось гнойное воспаление, и его не допустили к полетам. Однако в военные годы стране были очень нужны специалисты, имеющие военную подготовку, и поэтому по приказу ставки командования с зенитным подразделением он был направлен в Сталинград в 64-ую армию Чуйкова, где был назначен командиром зенитной батареи.

Сталинградская битва стала решающим, переломным моментом в ходе Второй мировой войны, начиная с которого советские войска из обороны перешли в наступление. Но дался этот перелом ценой огромных усилий и потерь в ходе ожесточеннейших боев. Сталинградская земля была выжжена и изранена тысячами и тысячами снарядов и залита кровью. С ноября 1942 года Борис Васильевич воевал на Сталинградском фронте, во время боев был дважды ранен. Первое ранение было легким, и прадед остался на передовой. Когда в окоп, где находился прадед, попала авиационная бомба, его контузило, и ему в ногу попало 16 осколков. Когда он пришел в себя, он, сам будучи тяжело раненым, смог вынести с поля боя бойца, который был без сознания.

После второго ранения прадед долго лежал по госпиталям – сначала в Камышине, затем его перевели в Саратов. Ногу хотели ампутировать, но за счет настойчивости Бориса Васильевича ногу сохранили, хотя все осколки удалить не удалось – так он с ними и прожил всю жизнь. В Саратове полтора

СРАВКА О РАНЕНИИ
в бою за советскую родину

Военное звание *Ваше коллежский*

Саратов № *4132* Наименование части *580 зап. ирп*

Фамилия *Мередев*

Имя *Борис* Отчество *Васильевич*

Дата *Чоктябрь* 1942 г. Был *тяжело* ранен

Начальник госпиталя 2574
Военврач 2 ранга *А. Гвоздилев* (Гвоздилев)

месяца пролежал с высокой температурой. После удаления нескольких литров гноя был переведен в Уфу на четыре месяца, где из ноги извлекли еще несколько осколков. В семейном архиве есть фотография прадеда, сделанная в то время, когда он лежал в госпитале в Уфе, и фотография прабабушки с моим дедом (ему тогда было два с половиной года), которую они отправили мужу и отцу в госпиталь. За участие в Сталинградской битве моего прадеда наградили орденом «Красная звезда».

Этими фотографиями обменялись мой прадед, Медведев Борис Васильевич, и моя прабабушка, Медведева Ольга Васильевна.

На обороте снимка Ольга Васильевна подписала: «На память дорогому другу и отцу от жены и сына. Фотоснимок 9.12.1942 г., г. Барнаул» Ручкой Бориса Васильевича сделана пометка: «Получил в гор.Уфа. В\ч 4326, госпиталь №2574. 6.2.43 года».

На своей фотографии, отправленной из госпиталя домой, Борис Васильевич написал: «На память Лелику и сыну Валерику от отца и друга Бориса. Г. Уфа, госпиталь №2574, отд.3, пал.7, 10.2.43 г.»

В 1943 году Борис Васильевич был отправлен на долечивание в Новосибирск, но самовольно уехал в Барнаул, где сначала на костылях, а затем с тросточкой ходил на работу на меланжевый комбинат. Медкомиссия признала прадеда негодным к строевой службе, и на этом его ратная служба была закончена.

Борис Васильевич прожил долгую жизнь, вырастил троих детей, от мастера ткацкой фабрики вырос до директора ХБК и начальника управления легкой промышленности края; имел 54 года трудового стажа, был награжден 20 правительственными орденами и медалями как за боевые,

так и за трудовые подвиги, в том числе орденом «Красная звезда» (в 1942 г.), орденом «Знак почета» (в 1944 г.), орденом «Знак почета» (в 1966 г.), орденом «Отечественная война» (в 1985 г.).

На долю прадеда выпало много испытаний, которые он пережил вместе со своей Родиной, он столкнулся лицом к лицу с ужасами войны, но все это не сломало и не озлобило его, он остался человек добрым и светлым, и любил жизнь, своих детей, внуков и нас, правнуков.

О своем родном деду **Щербакове Егоре Сергеевиче** я знаю не так уж и много: он был железнодорожником, и в составе инженерных частей в 1943 – 1945 годах в качестве техника по строительству и содержанию железнодорожных мостов участвовал в восстановлении мостов для бесперебойного обеспечения фронта. Эта работа была сопряжена с необходимостью восстанавливать и прокладывать железнодорожные пути в условиях боев, под авиационными бомбардировками. Дед имел правительственные награды, но, к сожалению, они не сохранились. Как говорит мой папа, они с братьями (а

в семье их было четверо сыновей) играли с наградами, и они все были утеряны. Мой папа (ныне полковник в отставке) продолжил семейные боевые традиции: он стал кадровым офицером, два с половиной года воевал в Афганистане, но это уже другая страница истории нашей страны и нашей семьи.

Мой двоюродный прадед, дядя моего дедушки по материнской линии, **Нестеров Василий Васильевич** был призван на действительную военную службу в

 ВОЕННЫЙ БИЛЕТ НА № 2536424		НА № 2536424 1
I. Общие сведения		
1. Место рождения	<i>г. Новосибирск</i>	
2. Национальность	<i>русский</i>	
3. Партийность (с какого года)	<i>ВЛКСМ</i>	
4. Составил ли в ВЛКСМ (с какого года)	<i>да</i>	
5. Образование	<i>7 кл.</i>	
	<i>Курсовые курсы авиационных летчиков</i>	
	<i>1961 г. в г. Москва</i>	
6. Основная гражданская специальность	<i>механик</i>	
7. Семейное положение	<i>всена: Нестеров</i>	
	<i>Людмила Владимировна</i>	

Фамилия *Нестеров*
 Имя *Василий*
 Отчество *Васильевич*
 Число, месяц и год рождения *7 апр. 1916*
 Личная подпись владельца *В.Нестеров*
 Введен *01.04.1961*
 районным военным комиссариатом *г. Новосибирск*
 области (республики) *Новосибирской*

 Военный комиссар *Безруков*
 (подпись)

сентябре 1939 г. Он служил на Дальнем Востоке в авиационном батальоне (позднее – в дивизии), был командиром отделения.

Так как опасность войны СССР с Японией существовала со второй половины 1930-х годов, в 1940 был создан советский Дальневосточный фронт. Однако обострение ситуации на западных границах заставило СССР искать компромисс в отношениях с Японией. Япония тоже стремилась обезопасить себя со стороны СССР. Результатом временного совпадения интересов двух стран стало подписание в апреле 1941 года Пакта о нейтралитете. Однако поведение Японии не вызывало уверенности в том, что она будет соблюдать условия пакта, и Дальневосточный фронт не закрылся с нападением Германии на СССР, хотя те дивизии, которые стояли на Дальнем Востоке, могли воевать с фашистскими войсками.

Василий Васильевич был в рядах воинов, охранявших наши восточные рубежи. Он участвовал в боях с Квантунской армией, и закончил воевать только в июле 1946 г. в звании младшего сержанта. Всего он служил в армии почти семь лет. За участие в советско-японской войне Василия Васильевича в 1945 г. наградили медалью «За победу над Японией», а в 1985 г. – орденом «Отечественной войны».

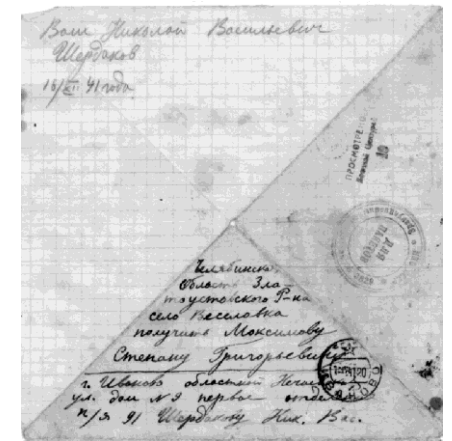
Мой двоюродный прадед по материнской линии **Шердаков Николай Васильевич** пропал без вести в 1942 г. Его не должны были призывать в действующую армию, потому что у него была бронь в связи с работой в пожарной части. Но его жена Раиса подала заявление о том, чтобы он был призван на фронт. С войны он так и не вернулся, у него остались сиротами две его дочери. Ему было всего 36 лет.

Все, что осталось на память о Николае Васильевиче – его фотография в военной форме и солдатский треугольник, адресованный родной сестре, который пришел в село Веселовка Челябинской области из госпиталя. Николай Васильевич отправил его 16 декабря 1941 г. из г.Иваново, где находился в госпитале на лечении после ранения под г.Яхрома. Письмо очень трогательное и душевное, написанное с боль-

шой любовью к своим родным («Добрый день! Первым делом шлю свой сыновий привет родимой мамаше, желаю быть живой и здоровой»). Это было его последнее письмо.

После выздоровления Николай Васильевич вернулся на фронт, и больше вестей от него не было. Его родная старшая сестра, моя прабабушка, которая очень любила своего брата, так всю жизнь и ждала от него вестей до самой своей смерти и хранила его фотографию на видном месте. Так чаще всего и случилось – семьи пропавших без вести не верили, что их близкие погибли, и десятилетиями жили надеждой на их возвращение...

Владимир Гаврилович Абрамов – единственный из всех, о ком я рассказываю, кто не является моим кровным родственником – он был вторым мужем моей двоюродной бабушки Якушевой Зои Степановны. Но не рассказать о нем было нельзя – он был нам родным, хотя и не кровным, и биография его заслуживает того, чтобы о ней рассказать. Владимир Гаврилович ушел на войну добровольцем в 1941 г., когда ему еще не было семнадцати лет. Его взяли к разведчикам, и под видом собирания милостыни он ходил в оккупированных немцами поселениях. Однажды его схватили немцы, его пытали, но Владимиру Гавриловичу удалось спастись. Позднее он воевал в десантных войсках вплоть до окончания войны и имел много наград за боевые подвиги.

Приведу строки его автобиографии: «В ноябре 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Участвовал в обороне Москвы на Западном фронте в составе 9-й стрелковой дивизии разведчиком. В марте 1942 г. был отпущен с фронта ввиду непризывного возраста и в связи с контузией. 23 апреля 1943 г. призван в ряды Красной Армии; служил до 29 мая 1946 г. Участвовал в боях на 2-м и 3-м Украинских фронтах в составе 14-й гвардейской воздушно-десантной бригады и 945-го стрелкового полка. В составе указанных частей воевал в Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. В мае 1946 г. в связи с обострением контузии (еще раз был контужен в 1945 г.) был демобилизован».

Владимир Гаврилович награжден двенадцатью орденами и медалями, в том числе:

- орденом Отечественной войны I-й степени
- орденом Отечественной войны II-й степени
- орденом Славы II-й степени
- орденом Славы III-й степени
- медалями за оборону Москвы, за взятие Вены, за победу над Германией.

Его не стало в феврале 1997 года, когда мне был всего один месяц, но моя мама рассказывала, что Владимир Гаврилович был человеком неординарным, живым и подвижным, жадным до жизни и впечатлений. Коренной ленинградец, он уже после войны остался жить в уральском городе Златоусте, очарованный однажды его природой. Был он веселым и общительным, и мрачнел только в те минуты, когда вспоминал военные годы. Мама вспоминает, как Владимир Гаврилович рассказывал о том, как он впервые попал под артобстрел: все смешалось – земля и небо, все горит и взрывается, и есть только одно желание – вжаться в землю как можно сильнее, и есть только одна мысль – скорее бы все это закончилось. А еще он рассказывал, как однажды, будучи разведчиком, он остановился на постой в деревенской избе в оккупированной немцами деревне. В этом доме жили и немецкие солдаты. У хозяйки дома был маленький грудной ребенок, который начал громко плакать. Немецкий солдат встал, схватил ребенка за ноги и с размаху ударил головой об печь ...

Братья **Михаил Николаевич** и **Павел Николаевич Максимовы**, двоюродные братья моей бабушки по материнской линии (мне они приходится двоюродными дедами), погибли в боях.

Павел Николаевич погиб 30.07.1943 г., похоронен в могиле села Ольховка Курской области – это все, что мы о нем знаем, и у нас нет даже его фотографии, только извещение со стандартным

текстом о его гибели и месте захоронения: «Ваш сын, красноармеец Максимов Павел Николаевич, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит. 30.07.1943 г. похоронен в могиле села Ольховка Курской области».

Его родной брат Михаил Николаевич погиб в мае 1945 г. под Берлином. Награжден орденом Славы III степени.

2 мая 1945 г. приказом Сталина за участие в завершении ликвидации группы немецких войск, окруженных юго-восточнее Берлина, объявлена благодарность.

Горько осознавать, что этот brave молодой воин погиб в майские победные дни, когда война почти была завершена.

К счастью, не все погибли в той страшной войне – кроме моего родного деда Щербакова Егора Сергеевича, моего прадеда Медведева Бориса Васильевича, двоюродного деда Нестерова Василия Васильевича, Абрамова Владимира Гавриловича, о которых я уже рассказал, вернулись

живыми еще трое двоюродных братьев моей бабушки (по материнской линии): **Якушев Николай Трифонович, Кузьмин Иван Васильевич, Семенов Михаил Федорович.**

От Якушева Николая Трифоновича не было писем и вестей, пока он воевал; долго не возвращался он и после Победы. Родные волновались, часто о нем говорили и вспоминали. Однажды его племянница, которая родилась в 1940 г. и не могла его помнить, рассказала свой сон, в котором дядя вернулся домой с раненой рукой. И, действительно, вскоре пришло от него письмо из госпиталя, что он был полтора года в плену и имеет ранение в руку.

Живым вернулся и Кузьмин Иван Васильевич, хотя с войны он пришел на костылях и с многочисленными ранениями. Ему хотели ампутировать ногу, но ее удалось сохранить. Был он настолько изранен и слаб, что восстановление шло трудно и долго. После выздоровления женился, родилось два сына и две дочки.

Михаил Федорович Семенов был призван в армию в 1937 г. Служили тогда в армии четыре года, поэтому, хотя в 1941 г. ему нужно было демобилизоваться, в июне 41 он сразу попал на войну, откуда был демобилизован только в 1946 г. в звании старшего сержанта. Довелось ему воевать на «Малой земле» под г.Новороссийском, а «свою» войну закончил он в Прибалтике. Его родной брат Семенов Николай Федорович был моряком и погиб в 1942 г. под г.Калинин. Второй родной брат Семенов Павел Федорович пропал без вести в 1943 г.

В завершение вспомню еще раз всех погибших наших родственников:

- Шердаков Николай Васильевич (дядя моей бабушки) – родился в 1906 г.; воевал под Москвой, ранен под г.Яхрома; пропал без вести в 1942 г.,
- Максимов Василий Григорьевич (дядя моей бабушки) – родился в 1906 г.; погиб 07.08.1943 г.,
- Максимов Андрей Григорьевич (дядя моей бабушки) – погиб в 1943 г.,
- Максимов Павел Николаевич (двоюродный брат моей бабушки) – погиб 30.07.1943 г., похоронен в с.Ольховка Курской области,

- Максимов Михаил Николаевич (двоюродный брат моей бабушки) – погиб в мае 1945 г. под Берлином,
- Шердаков Андрей Иванович (двоюродный брат моей бабушки),
- Шердакова Зоя Ивановна (двоюродная сестра моей бабушки),
- Шердаков Иван Павлович (двоюродный брат моей бабушки),
- Семенов Николай Федорович (двоюродный брат моей бабушки) – 15.10.1915 – 1942; был моряком; погиб под г.Калинин,
- Семенов Павел Федорович (двоюродный брат моей бабушки) – 1924 – 1943 (пропал без вести),
- Сыров Иван Васильевич (двоюродный брат моей бабушки),
- Лалетин Николай Иванович (брат моей бабушки по отцовской линии) – родился в 1912; воевал с начала войны, скончался от тяжелого ранения в грудь в 1943 г. вскоре после возвращения домой,
- Лалетин Федор Иванович (брат моей бабушки по отцовской линии) – родился в 1918; в составе Сибирской стрелковой дивизии участвовал в разгроме немцев под Москвой; погиб в начале 1942 г.

Воспоминания о Великой Отечественной войне и Дне победы бережно хранятся в каждой семье в нашей стране, и в моей семье тоже. И спустя более 60 лет мы испытываем гордость за наших дедов и прадедов, живых и мертвых, склоняя головы и храня в памяти их великий подвиг. И этот подвиг становится понятнее, ближе и величественнее, когда смотришь на фотографии своих родственников – простых, обычных людей, отдавших свои жизни и здоровье и ставших героями не ради звания героев, а ради счастья своих близких - нашего счастья.

**МАХМУТОВ Гульфар, ученик 10 «Б» класса,
СИБГАТОВА Адила ученица 9 «Б» класса
МАОУ «Нурлатская гимназия»
Нурлатского муниципального района,
республика Татарстан,**

ДЕТИ ВОЙНЫ

Когда в гимназии мы готовились к встрече с жителями и защитниками блокадного Ленинграда в честь 65-летия снятия блокады города - Героя, мы и предположить не могли, что она западёт так глубоко в наши сердца. Одного мероприятия оказалось недостаточно, и мы, неоднократно, вместе со своим руководителем в поисково-информационной работе, слушала рассказы этих удивительных людей. А когда мы стали свидетелем рассказов Раисы Александровны Инякиной - узницы Освенцима, были вовсе поражены. Невозможно описать наше состояние. Как так получилось, что мы - молодое поколение, внуки и правнуки участников Великой Отечественной войны так отделились от её истории? И мы приняли решение, что должны рассказать историю судеб этих удивительных женщин как можно большему количеству людей.

Мы нашли немало материала о блокаде Ленинграда и о концлагере Освенцим. На одном дыхании прочитали документальную повесть известного украинского журналиста и литератора Владимира Литвинова о поиске бывших малолетних узников фашистских концлагерей, о том, как удалось им выжить, как сложилась их судьба в нелегкие годы сталинизма. Мы познакомились с материалами книги «Гордость земли Нурлатской», со статьями о войне, о наших земляках – блокадниках и защитниках Ленинграда в нашей районной газете «Дуслык» («Дружба», «Туслах»). Много информации мы почерпнули из Интернета. Но всё равно, то, что мы узнали – лишь малая частица того, что пережил наш народ в этой страшной войне.

В своей работе мы прослеживаем историю войны через судьбы трех удивительных женщин, двое из которых пережили блокаду Ленинграда, а третья совсем маленькой девочкой познала ужасы концлагеря.

Освенцим... Он являлся флагманом индустрии уничтожения людей, оставляя далеко позади многие известные немецкие лагеря смерти... Для человечества он напрямую связан и с такой страшной страницей истории как Холокост. Прошло почти 65 лет с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война. Но до сих пор люди слушают с содроганием рассказы узников фашистских концлагерей, среди которых была и одна из героинь нашей работы **Раиса Александровна Инякина**.

Она пришла к нам на встречу в гимназию. До этого мы знали ее как участника хора «Ветеран». Неудивительно, что мы и предположить не могли, что уже не один десяток лет совсем рядом с нами живет человек, в далеком детстве переживший ужасы концлагеря Освенцим...

Ленинград - город-Герой стал для миллионов людей на земле - олицетворением мужества и стойкости советских людей, граждан своей великой страны перед лицом всеобщей беды. Каждый из 900 пережитых дней блокады достоин отдельного обелиска, судьба каждого, кто защищал Ленинград и пережил блокаду, достойна памяти живущих на Земле...

В Ленинграде, даже по официальной статистике, за время блокады погибло более 1 000 000 человек, и тех, кто погиб во время бомбежек и на переднем крае обороны города, было менее 10%. В этом городе, абсолютно обреченном с точки зрения даже физиологических возможностей человека (целых две зимы, 1941-1942 и 1942-1943 годов, норма выдачи хлеба рабочим и иждивенцам колебалась между 250 и 125 граммами в сутки, а кроме хлеба не было уже ничего), существовали правила выживания: выжили те, кто помогал, из последних сил, заботился, обогревал, кормил близких, кто тратил драгоценные калории на физические усилия борьбы. В городе горели книги, мебель. Но уцелели все ценнейшие библиотеки и музеи, статуи парков были закопаны в землю, часть драгоценных сокровищ вывезено. В городе жил патриотизм, в цеху работали люди, привязывавшие себя к станкам, чтобы не упасть от голода. В этом городе идеалисты умирали от голода на собраниях и на рабочем месте.

Сегодня в живых осталось только самое молодое поколение жителей блокадного Ленинграда, но и их число уменьшается с каждым днем. Поэтому бесценно каждое воспоминание о тех ужасах уходящего поколения блокадников.

*Но в то, что умер город наш, -
Не верьте!
Нас не согнут отчаянье и страх...
Мы знаем от людей, сраженных смертью,
Что означает:
«Смертью смерть поправ».
Мы знаем: клятвы говорить не просто.
И если в Ленинград ворвется враг,
Мы разорвет последнюю из простынь
Лишь на бинты, но не на белый флаг!*

Когда читаешь эти строки, дрожь пробегает по телу...

В нашем городе есть замечательный Региональный музей истории Закамья и г.Нурлат, где усилиями опытного краеведа Исаака Львовича Сандлера и поисковыми группами по местам боевой славы отцов и дедов собран большой материал о Великой Отечественной войне, который обязательно должен быть востребован. Музей создается, чтобы хранить историю, но история оживает, когда мы ходим в эти музеи...

Лицом к лицу с фашизмом

В 1941 году большая семья Раисы Александровны проживала в Белоруссии в с. Нивье Росонского района Полоцкой области. Село было очень большое, имело свою большую красивую церковь, большую школу и детский сад. Раиса помнит, как однажды летом в их село приехал солдат на лошади, а вскоре отец оделся и ушел, как оказалось на войну, навсегда. Это был 1941-й год, и девочке в ту пору было 4 годика, Отец погиб на войне, но она так и не знает где и когда. По молодости ума не хватило разузнать все подробно, а чуть позже не у кого было спрашивать.

Зимой 1942 года немцы вошли в их село. Это произошло как раз на следующий день после того, как Раису крестили. Немцы стали устанавливать «новый порядок», жестоко наказывая за

малейшее неповиновение. Как страшный сон вспоминает Раиса то, как летом 1943 года собрали женщин, детей, и стариков в большой бане, что стояла у окраины села, у самой реки. Ее построили во время войны общими усилиями 5 семей, так и пользовались, растапливая по очереди. Набив битком жителей села, баню подожгли. В огне живьем сгорели десятки беспомощных людей. На следующий день все ходили на пепелище, смотреть на груды обуглившихся скелетов и костей. Стоны, душераздирающие крики и плач женщин и детей звучат в ушах и по сей день. Такое не забывается.

Белорусский край вошел в историю Великой Отечественной Войны как край партизанский, все взрослое население поднялось на активную борьбу против захватчиков и уже в первые месяцы войны в лесах стали создаваться первые партизанские отряды, и к середине 1942 года партизанское движение расширилось до таких размеров, что стало предметом серьезной озабоченности немецкого командования. И началась беспощадная война против партизан и их семей с использованием самых жестоких карательных мер.

Но волну народного сопротивления было уже не остановить. И стар и млад, женщины и дети ежедневно пополняли ряды народных мстителей за слезы и горе своих родных и близких.

И мать Раисы, у которой на руках было четверо детей, младшему всего два годика, была связной у партизан. Она часто уходила из дома, повесив через плечо вещмешок, в котором были сухари, махорка, несколько картофелин... Поздней осенью 1943 года мать увели на допрос, пытали ее так страшно, что дети привезли ее домой, положив на санки, сама она идти, не могла. А вскоре с наступлением зимы в дом пришли два немца в касках, с автоматами наперевес и молча, вытолкали ее во двор. И здесь же под окошком, на глазах застывших от ужаса детей расстреляли, пройдясь по ней автоматной очередью. Так и сохранила память дочери образ матери в темно-синей куртке с длинной косой. Несколько дней у дома стоял караул, ждали, что кто-то проявит интерес к этому дому. Но по деревне уже пробежали активисты, стуча в окошко и предупреждая, чтобы не подходили к дому Литвиновых.

Дети остались одни. Было страшно холодно и нечего было есть. Скотину, зерно и картошку давно уже отобрали немцы, но при матери еще как-то перебивались. Но дети и предположить не могли, какая страшная участь им уготовлена судьбой. Вскоре Литвиновых вместе с сотнями дру-

гих детей загрузили в грузовики, оттуда - в товарные вагоны, продуваемые насквозь и предназначенные для скота, и привезли в Польшу, в концлагерь Освенцим. Дети подпольщиков и партизан, сизмала испытавшие недетское горе, увидев казнь своих родителей, были обречены еще на одну бесчеловечную месть – фашистский концлагерь, где они стали материалом для осуществления программы денационализации тысяч детей – «банденкиндер». У детей брали кровь, кожу, на них ставили бесчеловечные опыты и лишали права на человеческое достоинство и жизнь.

Среди гитлеровских «комбинатов смерти» по степени продуманности и технической организованности и жестокости истребления людей, Освенцим являлся как бы флагманом индустрии уничтожения, оставляя далеко позади многие известные немецкие лагеря смерти. Он был построен в 1939 году по приказу рейхсфюрера СС Гимлера специально для уничтожения поработанных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь располагался на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял из себя целую систему лагерей: Моновице, Голешау, Явишовец, Нейдахс, Блехамер и др. Основные из них – Аушвиц и Биркенау, например, имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержались постоянно от 1800 до 2500 тысяч заключенных. Как установлено следствием, в Освенцим ежедневно прибывало от 3 до 5 железнодорожных эшелонов, предназначенных для умерщвления людей, по 1500-3000 человек в каждом эшелоне. Из каждого прибывшего эшелона немцы отбирали от 200 до 500 человек наиболее трудоспособных для работы в лагерях или «годных» для опытов, остальных направляли прямо к газовым камерам и к крематориям в лагеря Аушвиц и Биркенау. Примерно раз в месяц по списку, утвержденному комендантом лагеря, детей «предъявляли» членам окружной расово-биологической и медицинской комиссии. И на основе «объективных данных» (результатов анализов, осмотра) решали их судьбу. Каждого ребенка относили к одной из трех демографических групп: составляет желательный прирост населения; составляет возможный прирост населения; составляет нежелательный прирост населения.

Поразительно, но все четверо Литвиновых выжили в этом страшном аду, и до конца 1944 года, когда их освободили советские войска, они прошли все тяжкие испытания. Спали в темных бараках с крошечными окнами, на трехъярусных деревянных нарах, на соломе, которая кишела

вшами. От них не было спасения ни днем, ни ночью. Насекомые буквально загрызали детей, их можно было собирать горстями, Время от времени одежду помещали в специальные контейнера, в которых воздух прогревался до очень высокой температуры, вши лопались, а затем их соскабливали с ткани дощечками. Номера лагерные либо выкалывали на руках, либо пришивали в левом углу одежды. Сбоку у каждого была привязана пустая консервная банка, в которую иногда наливали похлебку, Детям всегда хотелось, есть, а в воздухе постоянно стоял тошнотворный запах горелого мяса – это сутками работали печи крематория. Не меньше одолевала жажда, поэтому пили воду из любой попавшейся на пути лужи, отцеживали мусор и грязь. Ноги на деревянных колодках были опухшие и натертые до крови, на голове – лишай, на лице и теле золотуха с палец толщиной. Как в лагере, так и после освобождения по дороге в детские дома от болезней умирало очень много детей. Сколь велика трагедия, постигшая схваченных гитлеровцами детей советских патриотов – партизан и подпольщиков, говорят цифры: из почти 22 000 «банденкиндер» - уроженцев нескольких приграничных западных областей СССР, в живых осталось 1920 человек. Уцелел один из десяти, даже меньше, чем один...

Несмотря на возраст, они были патриотами, эти сельские мальчики девочки, окончившие до войны по три или четыре класса. Они выжили, ибо постоянно заботились друг о друге, помогали больным, поддерживали слабых. Они выстояли, ибо верили в Победу.

В 1944 –1945 году освобожденных детей увозили как можно дальше в тыл в Белоруссию и Украину, лечили, откармливали и распределяли по детским домам. Только через 35 лет все дети Литвиновых соединились вместе, ведь их с самого начала рассортировали по разным лагерям. Как оказалось, брату Ивану 1934 года рождения, удалось бежать с военнопленными и, перебравшись через реку, попасть в Полоцк, где он закончил ремесленное училище, служил в Армии в Ленинградской области и сам разыскал своих близких после войны. Когда 10-летнюю Раису хотели удочерить еще в детдоме, она категорически отказалась, она уже понимала, что таким образом может навсегда потерять своих родных и близких. В 1950 году её, в числе 100 детей, направили учиться в специальное ремесленное училище связи №3 в г. Ригу. Белорусские дети находились на гособеспечении Латвии, т.к. Латвия официально помогала сиротам-детям партизан. В первый же день, по прибытию в общежитие, у них забрали вещевые мешки и деревянные

«чемоданы» с трехдневными сухими пайками, переодели в бутсы и х/б платья-формы и усадили за обеденный стол. Этот первый обед в Латвии Раиса Александровна помнит до сих пор. На столе были бутерброды с сыром и колбасой, яйца, молоко. Но после первых же кусков детей начало рвать, дети просто отвыкли от нормальной еды, успели забыть вкус яиц и молочных продуктов, а колбасу многие видели впервые в жизни. Так что белорусам ничего не оставалось, как потребовать из запертых охраняемых камер хранения свои пайки и поесть от души. Дети всегда держались вместе, дружно защищали друг друга, даже в городе ходили строем, держась за руки. В Латвии они чувствовали себя неуютно, латыши посмеивались над «невоспитанностью» и «дикостью» «русских», свысока разговаривая и не проявляя особой заботы. Они аккуратно исполняли свои обязанности. Правда, специалистов из детей подготовили очень хороших и распределили по всей стране. Раису направили в военную часть близ Балагое в Калининградской области начальником почты. Здесь она познакомилась с Геннадием Инякиным, который служил в этой части после окончания полковой школы во Владимире. В 1962 году они с семьей приехали в Нурлат, поближе к родным мужа, который был родом из Андреевки. В семье выросло двое сыновей, старший Александр работает в УТТ, второй – майор служит в Хабаровске по контракту. Внук - тоже будущий военный.

Четверо внуков и одна правнучка составляют сегодня весь смысл жизни Раисы Александровны... Ей, чье детство было опалено войной, очень хочется, чтобы они в жизни познали только счастье и радость, ведь пережитого ею хватило бы ни на один десяток взрослых плеч...

Они прошли все муки ада

На эту хрупкую женщину, которая обычно идет по улице Дружбы медленным шагом, опираясь на палку, я всегда обращала внимание. Несмотря на возраст, её красота не померкла, но эти прекрасные, большие синие глаза на худеньком бледном лице чаще выражают страдание и боль. Не описать никакими словами и тысячной доли тех тяжких испытаний, что ей пришлось перенести на своих хрупких плечах. И не могут не восхищать её оптимизм и высокое чувство достоинства, с которым она идет по жизни.

Её отец - один из первых трактористов района, стахановец Калимуллин Самигулла Калимулович, еще в 1959 году, после окончания Финской войны, завербовался на работу Финляндию, в

пос.Алга, что находился в 3км от Выборга. Через 9 месяцев забрал к себе и семью. Работал механиком и уже в первый день войны в 6 часов вечера ушел из дому и больше не вернулся, прислал лишь письмо, где просил жену вместе с детьми как можно скорее отправиться домой. Позднее, в 1943 году, родителям в дер. Бикулово он пришлет коротенькое письмецо, в котором сообщит, что был легко ранен, получил новый танк, завтра идет в бой в составе подразделения Шубина. А следом пришло извещение о том, что Калимулин Самигулла Калимулович пропал без вести...

А семья его отправилась в путь лишь зимой. Ведь пока была возможность, через Ладогу переправляли технику, оборудование, до детей очередь не дошла, не успели. Через полгода их пришлось перевозить по льду на грузовиках-полуторках, и на всем протяжении пути они попадали под бомбёжку. В последний раз - почти у берега. И когда машина начала тонуть, детей стали просто бросать в воду, на лед, подальше от машины. Промокшая одежда сразу замерзала и стояла колом. Привезли их, как помнится Минзиннат Самигуловне, на станцию Свияжск, где уже не было целых зданий, все было разрушено. Их поселили в неотапливаемом подвале, и когда собиралось много народа, с потолка начинало капать. Тела умерших складывали рядом, в коридоре, как дрова, штабелями. Замерзшие, они с грохотом рассыпались, если кто-нибудь случайно задевал их. Дети сидели здесь весь день, а взрослые шли копать противотанковые рвы. Было жутко холодно и сыро.

А в феврале их отправили опять в Ленинград. Эту дорогу Минзиннат Самигуловна и сегодня не может вспоминать без слез и содрогания. Во время очередной бомбежки у матери начались роды, и ребенок родился здесь же, в траншее. Дядя Ваня Сидоренко разорвал на себе нательную рубашку, а совсем еще юный безусый боец Кравченко вытащил из вещевого мешка новые широкие портянки, чтобы завернуть малышку. Дядя Ваня, бережно взяв на руки крошку, пошел впереди вдоль траншеи, за ним следом шла под руки с Кравченко обессилевшая Минруй апа, две сестренки, восьми и шести лет, замыкали шествие. Мать, обернувшись, едва успела проговорить: «Доченьки, не отставайте!», как рядом с траншеей разорвался снаряд, и девочек отбросило волной далеко в сторону и засыпало снегом и землей. Очнулась Минзиннат уже в госпитале. По-

сле сильной контузии она не слышала. Выжить же ей помогло то, что её голова и правая рука остались открытыми, и её довольно быстро нашли.

Когда пришла весна, в детском приёмнике в Ленинграде её разыскала мама. Минзиннат Самигуловна и сегодня считает, что это была первая и самая большая радость в её нелегкой жизни. Несмотря на то, что в карман девочки заботливая мама заранее вложила записку с исходными данными, отдали её матери не сразу, а лишь после того, как она указала на особые приметы- родинки на теле девочки. Они вернулись в Ленинград, где сполна испытали все муки блокадного героического города - голод, холод, бесконечный страх за свою жизнь и жизнь близкого человека. Мать остригла дочку и одевала её как мальчика, боялась, что может оказаться в недобрых руках, даже документы её переоформила. Сама она работала на военном заводе под открытым небом, получая паёк-по 200 г. блокадного хлеба, а дети - по 125г. Однажды мать потеряла продовольственные карточки, и они неделю кипятили талую воду с солью, после чего их худые, почти высохшие тела стали разбухать.

Из рассказа матери Минзиннат узнала, что в тот злополучный день едва родившейся ребёнок так и погиб на руках Сидоренко, тело которого разорвало на части. Был убит и Кравченко, осталась в живых только мать, раненная в плечо и ногу. Её раны еще долго не заживали, кровоточили до конца войны. О судьбе сестренки они так ничего и не узнали.

Ленинград на всю жизнь запомнился сплошными бесперывными бомбежками, и в городе постоянно было светло как днем. Гул самолётов не прекращался, они налетали, как стервятники, стаями, и всегда что-то сбрасывали: вначале это были изувеченные тела евреев в мешках, позже - листовки с призывом сдаться, и, конечно же, они никогда не жалели бомб. Бывало, только соберут всех раненных в одно безопасное место, так нет, обязательно в следующий раз именно сюда прилетят и живого места не оставят.

28 января 1944 года их вывезли из Ленинграда. Путь через Сибирь был очень долгим и мучительным, три месяца в товарном вагоне-теплушке, без остановок на крупных станциях, и на каждой остановке – вынос трупов. С Минруй апа и Минзиннат ехало ещё больная сестренка Самигуллы Калимулловича. Однажды, на станции близ Челябинска, мать впервые за долгий путь получила горячий бульон. Оставив бульон возле девочек, и предупредив, чтобы его пока не

трогали, побежала за хлебом. Но слишком велик был соблазн для измученных голодом детей, и сестра, не стерпев, жадно припала к котелку и два-три раза глотнула бульон. Затем, как - то странно вздохнув, словно поперхнувшись, откинулась назад и... мгновенно умерла. Сестру сняли с поезда, и пока оформляли документы на факт смерти, мать отстала от поезда. Догоняла свою дочь на открытой платформе следующего товарного поезда. Она была в фуфайке и тонком платке, и в Нурлат приехала с сильно обмороженными руками...

В Нурлате и мать, и дочь попали в заботливые руки доктора Шота Юстиновича Арвеладзе. Девочка долго заикалась, плохо слышала, в школу учиться пошла только в 1947 году, когда слух постепенно восстановился. А легкие пришлось лечить долго и упорно, почти два года, 14 месяцев из которых девочка провела в Чулпановской больнице под зорким оком знаменитой Ксении Ивановны Березиной, которая нет-нет да забирала девочку к себе домой переночевать. По приезду в родные края завели 4 коз, чье молоко после утренней и обеденной дойки ежедневно по три литра девочка носила в больницу и в госпиталь раненым. За это она была неоднократно поощрена, имеет три медали, в т.ч. «За доблестный труд в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945 г.г.».

А дел всегда и всем хватало, с 12 лет работали в колхозе на сортировке хлеба, с 14 лет наравне со взрослыми таскали тяжеленные мешки. Жили в маленьком деревянном домике при ферме, спали под брезентом на сене, одежонка была кое-какой, одолевали вши. И всё же жизнь налаживалась. Несмотря на то, что душили налоги, да и работали в основном на трудодни, постепенно начали строиться. Мать пошла работать дояркой в колхоз «Комбайн», что в пос. Труд (позже его присоединят к колхозу «Дружба»), а дочь устроилась в ПМС-меняли рельсы на железной дороге. А вскоре она уехала в Сибирь, вышла замуж, родила двух сыновей. Но ее замужество оказалось коротким, сахарный диабет унес из жизни мужа, и осталась она с малыми детьми на руках. Пережила семья и большой пожар, в котором, помимо прочего, погибли документы и письма отца. Испытаний горьких в жизни было немало. Но рядом с ней всегда была ее строгая, добрая и заботливая мама, удивительно мудрая и терпеливая женщина с непререкаемым высочайшим авторитетом среди тех, кто её знал. Она прожила большую жизнь, но когда умерла, соседи искренне горевали, что на их улице «погасло солнце». Эта сильная женщина всегда шла на

помощь любому, кто нуждался в поддержке и заботе, умела находить единственно верное решение и выход в любой, казалось бы, безвыходной ситуации. У неё было огромное сердце, трудолюбивые руки и поразительное терпение. Эти качества она постаралась передать и дочери.

Рассказ Минзиннат Самигуллиной часто прерывался слезами, которые было трудно сдерживать и ей, и нам, кто слушал её. «Да как же можно выдержать это? Мыслимо ли такое вынести на хрупких женских плечах?», - то и дело задавались мы вопросом. Неужели такое можно когда-нибудь забыть? Ведь судьба моих соседок лишь очень маленькая доля тех испытаний, что выпали на долю нашего народа в ту страшную войну, о которой мы, кажется, многое уже знаем. Знаем ли?

Боль моя - блокадный Ленинград

Роза Александровна Никматулова где-то в конце 90-х годов случайно в одной из центральных газет узнала о розыске блокадников Ленинграда и решила отозваться. С января 1998 года она - "житель блокадного Ленинграда". И по праву. Те страшные дни врезались в память её прочно и навсегда...

Довоенное детство её было счастливым. Она жила с мамой в Кронштадте, отца не помнит, родители рано разошлись, причин она не знает. С мамой ей было хорошо, была она грамотной, партийной, работала строителем, хорошо зарабатывала. Каждое лето детей вывозили на отдых под Ленинград. А какие замечательные были выходные! Их ждали с особым нетерпением. Едва заширкают метлы дворников по дворам, как детвора, проснувшись, выбегала на улицу, где вскоре появлялись поливальные машины, чтобы помыть дороги и тротуары. Дети, визжа от удовольствия, вставали под эти струи и буквально купались, умывались холодной водой. Это доставляло им истинное удовольствие и радость. Роза ходила в садик, ждала, что вот-вот пойдёт в школу. Но война разрушила все их планы. Довелось ей походить в первый класс лишь месяц, но за этот месяц дети повзрослели на несколько лет. Самым первым воспоминанием о войне было огромное красное зарево со стороны Ленинграда. Это горели Бадаевские склады – продовольственные запасы города на 10 лет. Прошло совсем немного времени, как и в Кронштадте разбомбили пищекомбинат, и город также остался без основных запасов продовольствия. По улицам текло раз-

литое растительное масло, в огне погибало всё, что копилось годами. Наиболее расторопные хватали то, что ещё можно было унести.

Вскоре в городе появились карточки. Как страшный сон вспоминает Роза, как однажды послала её мама получать продукты. Выстояв очередь, она уже взяла было авоську, которую подала ей через прилавок продавец, как какой-то мужчина, вырвав продукты из её рук, побежал прочь. Опухшая от слёз, девочка долго ходила по улицам, пряталась, боясь идти домой, пока её не разыскала мама. В городе было уже голодно, холодно, и мать пошла за помощью в исполком. Помогли. Буквально через улицу - напротив стояла воинская часть. Когда мама начала работать, девочку “пристроили”, и она стала ухаживать за маленьким ребёнком, ежедневно ходила нянька к своему воспитаннику, так и носила его целый день, пристроив на своём животе и сцепив руки. Вскоре детей прикрепили за воинской частью и в течение месяца хорошо кормили. Поздней осенью мама заболела, и некоторое время спустя она умерла. Случилось это ночью. Проснувшись, Роза не смогла добудиться матери, чтобы с ней вместе сходить в туалет. Ночью окна были плотно занавешены, поэтому было темно и страшно. Мать так и не проснулась, а девочка, прижавшись к холодному телу матери, 3 дня лежала в совершенно мокрой постели, застывшая от горя и страха. В соседних квартирах никого уже не было, ее плач услышал дворник, и замерзшую, голодную, полуживую девочку принесли в воинскую часть. Несколько дней по радио объявляли о найденной девочке, надеясь на отклики родных, затем отправили в приют, а вскоре и в детдом. Так началась её сиротская жизнь. Хотя и кормили детей неплохо, но обязательно они оставляли при себе кусочек хлеба, чтобы растянуть удовольствие до обеда. А обогревались около большой железной печки, обхватив её детскими ручонками. В один из зимних дней во время обеда привели к ним мальчика. Роза вмиг узнала его. То был Ванька Галкин, который до войны жил с ней в одном доме, этажом выше на галерке. Радости не было предела! Оказалось, что во время бомбёжки погибли его мама и сестрёнка. Он совершенно случайно остался жив, т.к. на короткое время уходил из дома. Ваня был очень сильно истощен, застужен и вскоре его куда то увезли.

А однажды зимой 1942 года детей подняли ночью и в спешном порядке, на лошадях по льду через Финский залив повезли в речной порт Ораниенбаум, что находился недалеко от Ленинграда. От былых красивейших старинных строений ничего не осталось. Порт был разрушен. Детей

привезли в какую-то чудом сохранившуюся комнату, покормили - о, чудо!- большая тарелка горячей рисовой кашей с маслом, от которой шёл пар! Да ещё и компот в придачу с добавкой! Правда, доесть всю тарелку не хватило сил. «Ну вот, уснула!»- это уже сквозь сон... Дальше их повезли на автобусах. Роза сидела на переднем сидении, и ей всё было хорошо видно: и то, как вдоль всей Дороги Жизни стояли в полушубках регулировщики с флажками, и как ехали автобусы с детьми. Лёд был непрочный, ведь дорогу постоянно бомбили.

Дорога работала в основном ночью, едва начинало рассветать, вражеские самолёты тут как тут. Вот и здесь, ехали с очень большой осторожностью. Но избежать беды не удалось. Первый автобус прошёл благополучно, второй на глазах изумлённых детей провалился под лёд в одно мгновение. Визг, крики, огромный столб воды и много-много пузырей. Следующим шёл автобус, в котором ехала Роза. Лёд под ними тут же заколыхался, все замерли, насторожились, и в автобусе наступила жуткая тишина. И взрослые, и дети понимали, что смерть совсем рядом. Объехав благополучно страшную воронку, продолжили свой опасный путь. Что было дальше, Роза Александровна не помнит, проснулась лишь тогда, когда их уже загружали в теплушки. На настилах рядами были уложены дистрофики, и взрослые, и дети, и трудно было поверить, что в этих костлявых телах ещё теплится жизнь. Тем не менее, очень многие выжили, поправились, выросли. Позже, уже в 1943 году, часть из них нашла своих родных, а часть отправилась на фронт после краткосрочных курсов связистов. Вывезенных из Ленинграда детей привезли тогда в Нерехту Костромской (Ярославской) области. Довезли тоже не всех. Налетели вражеские самолеты и начали поливать всё огнём, не обращая внимания на красные кресты на вагонах. Это была жуткая картина. Дети выглядывали из окон, а им кричали: «Не подходите к окнам, собирайтесь в середину вагона!». Фашисты же наслаждались своей властью. Они вновь и вновь возвращались и косили людей. Вагон швыряло из стороны в сторону, машинист то резко нажимал на тормоза, то мчал состав из последних сил - в его руках были сотни жизней. Один из вагонов загорелся. Бригада сопровождения быстро отцепила его от состава, вытащили, кого могли, из огня, загрузили по вагонам и снова в путь. Бомбили их всю дорогу, но чем ближе к пункту назначения, тем реже. На крупных станциях выносили трупы, давали еду, но воды не было. К ва-

гонам подбегали люди, глядя на высохшие тела, плакали и, называя фамилии, спрашивали нет ли таких- то и таких, но, как правило, слышали в ответ короткое: «Нет!».

Когда их привезли на Большую землю, то отделив ленинградских от кронштадтских, распределили по детским домам в населённых пунктах. Перед этим многие уже разъехались, кто в Ярославскую область, кто домой, поближе к Ленинграду, причём увозили всех в один день. Сколько было слёз расставаний! И надежда. Надежда, что и их кто-то разыщет и заберёт к себе. Дети очень долго «отходили», отправлялись после пережитого, лечились, отдыхали. Жили дружно, по хозяйству управлялись сообща. Всё было распределено: дежурство на кухне, в прачечной, в мастерской, старшие ухаживали за младшими, и одна воспитательница вполне управлялась со всеми. Они часто помогали колхозу: убирали капусту, теребили лён, собирали ветки, веники, и чем бы ни занимались, всегда рядом была песня. Песни записывали по очереди, слушая радио, а затем дружно разучивали. В 1-2 км от станции находился госпиталь, куда они часто навещались с концертами. Возили они раненым и подарки – вышитые кисеты, которые они шили из кусочков материала, что оставались после пошива одежды. А обшивали себя тоже свои девочки в детдоме. Летом на лошадях ездили далеко в лес, чтобы собрать лекарственные травы. Очень хорошо отложился в памяти Розы Александровны обед в деревне во время сенокоса. Детей посадили за длинные широкие столы и поставили перед ними миски с большими кусками мяса и нарежали большие ломти деревенского хлеба. Дети ели, а взрослые стояли у порога и, глядя на детей, утирали слёзы.

По сей день Роза Александровна с болью вспоминает свою ровесницу Веру Кулагину, с которой жила в детдоме. Её папа был военный и очень часто присылал в детдом подарки, конфеты, шоколад, присылал белую-белую бумагу и ...цветные карандаши! У детей была редкая по тем временам возможность рисовать, к ним даже с соседней станции приходил учитель, проводить уроки рисования, и некоторые рисунки детей отправляли на различные выставки. Когда кончилась война, все с нетерпением ждали возвращения папы Веры. Но им не суждено было встретиться, в июле 1945 года он погиб в Берлине. Всем детдомом оплакивали сиротство Веры, словно каждый из них хоронил своего отца. Конечно же, всем недоставало внимания, материнской ласки, тепла и заботы. Поэтому Роза Александровна очень хорошо запомнила особое к себе от-

ношение заведующей детским домом Елизаветы Павловны, которая позволяла ей ухаживать за своей трёхлетней дочерью, давала различные поручения, доверяла. Впрочем, честность была главным качеством в отношениях между людьми - и взрослыми, и детьми. Сама Роза Александровна на всю жизнь запомнила урок, который ей преподала мама. Однажды на чьих-то похоронах, когда ей было лет 5, ей приглянулась кукла, и она без спроса взяла её с собой. В дороге мать заметила это и отправила Розу одну обратно. Идти было страшно, уже темнело. Тем не менее, она дошла и, положив куклу у порога, побежала домой. Оказывается, мама шла следом, дочь бросилась в объятия матери, и долго еще они плакали вдвоём.

После шестого класса Роза стала учиться в ремесленном училище №8 при Ярославском тормозном заводе. Жили в общежитии, бегали на танцы, в кино, благо, клуб находился рядом. Роза всегда была очень бойкой, озорной девчонкой, друзей и подруг всегда хватало. После ремесленного уехала на Север, в город Киров на нефелино-обогатительную фабрику, где проработала 9,5 лет. Училась в вечерней школе, ежегодно по путёвке ездила отдыхать под Ленинград. Она увидела много красивых мест, много ездила, но никогда не получала столько впечатлений и восторга, сколько испытала во время поездки в Поволжье, по некрасовским местам, что организовали для них ещё в детдоме.

В 25 лет вышла замуж, родила сына. В 1969 году приехали в Нурлат, в 70-м получили квартиру. Но жизнь как-то не сложилась: развод с мужем, трагическая смерть сына, живым вернувшегося с Афганистана. Но она не отчаялась. Она привыкла полагаться в жизни только на себя. Поиски родственников ни к чему не привели. Тем более, что в том затонувшем автобусе на Ладоге были их документы. В детдоме Роза Александровна Нигматуллина (мама ее была татаркой, а дочь носила фамилию матери) стала Никматуловой. Такую же фамилию сохранила по сей день. Человек она очень сильный, волевой, независимый, вышла вторично замуж, детей и внуков мужа считает своими. Она не боится завтрашнего дня, знает, что ей в этой жизни ничего не страшно.

Казалось бы, в нашей стране сделано очень многое, чтобы увековечить память о подвиге народа в Великой Отечественной войне. Бронзовые, гранитные, мраморные обелиски, скульптуры, мемориальные доски, улицы, площади, города, названные в честь героев... Но почему же так

скоро мы стали забывать о тех, кто не вернулся с войны, ушел от нас уже в мирное время? Значит, никакой монумент не заставит людей помнить об истории, если бездушием и равнодушием осквернена сама ПАМЯТЬ о войне, о ветеране, о детях войны, о вдовах солдат.

Напомнить о долге перед памятью сегодня призваны письма, фотографии, медали, похоронки-живые свидетели тех суровых лет, часть нашего национального достояния, достояния всего человечества, которое не охраняется специальными законами, оно хранится в ПАМЯТИ и находится под охраной нашей *совести*, чтобы таким образом быть увековеченным...

27 января 2010 года в польском Освенциме прошла памятная церемония, посвященная 65-летней годовщине освобождения Советской Армией крупнейшего фашистского концлагеря. Именно 27 января во всем мире отмечают Международный День памяти жертв Холокоста. Выступая на церемонии, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху поклялся, что подобная трагедия никогда не повторится. Как свидетельствуют документы Нюрнбергского трибунала, в Освенциме погибло более двух миллионов человек, 90 процентов из которых были евреи. Всего же жертвами нацистской программы по массовому уничтожению стали около 6 миллионов евреев. В память о погибших от рук фашистов воздвигнуты мемориалы и созданы музеи во многих странах мира. Мемориальный комплекс в Освенциме – один из главных символов трагедии Холокоста.

27 января наш народ и все мировое сообщество отмечает также день освобождения Ленинграда от блокады. Такое вот совпадение....

В наши дни очень много говорят о толерантности. На примере истории концлагерей, на примере Холокоста можно и нужно показать к какому безумию и преступлениям против человечества может привести нежелание понять и принять каждую нацию такой, какая она есть, желание избавиться от наций, которые дают «нежелательный прирост населения».

Усвоены ли уроки прошлого? О зверствах фашистов нам завещано помнить нашими дедами и прадедами, отдавшими свою жизнь за наше будущее...

Война унесла 13 миллионов детских жизней. А подсчитывал ли кто-нибудь сколько детей осиротело за это время? Судьбы детей, которых пощадило военное лихолетье и у которых оста-

лись живы родители, считать счастливыми тоже нельзя. Ведь они были лишены детства. Такого быть не должно! И все же это было, было потому, что была война.

Война кончилась, осталось только эхо, и это эхо все глуше и глуше. Войну нам, кто ее не видел, легко, но это подлость. Подлость по отношению к тем детям, которые навеки остались маленькими. Жизнь продолжается, но для того, чтобы она была мирной, надо помнить Великую Отечественную войну...

Мы уверены, что с каждым годом мы будем узнавать о войне всё больше и больше. И это только начало. Мы обязательно продолжим изучение материалов о Великой Отечественной войне, будем изучать материалы об участии наших земляков и их вкладе в Великую Победу.

**СЛИСАРЕНКО Александра, ученица 3 класса
школы №497 Санкт-Петербурга**

ПОДВИГ ЛИЗЫ ЧАЙКИНОЙ

Каждый год летом со своими родителями я отправляюсь отдыхать в город Пено. Мою бабушку зовут Нина Ивановна Кальгина (Фёдорова). Она родом из дер. Руно. Красивыми летними вечерами мы часто с бабушкой гуляем по городу. Когда мы подошли к памятнику Лизы Чайкиной, она мне рассказала о том, что её старшая сестра Елена Ивановна Костюк (Фёдорова) дружила с Лизой. Впервые я задумалась о людях, которым поставлены памятники. Для меня они были ГЕРОИ. В тот день я впервые поняла, что героями они стали не сразу. В детстве, как и все, они были обычными детьми.

В густых лесах Пеновского района Калининской области затерялась маленькая деревушка Руна. Здесь 28 августа 1918 года и родилась Лиза Чайкина. Семья Лизы Чайкиной была боль-

шая, а рабочих рук мало. Отец вернулся с империалистической войны контуженным. Жили впроголодь. Маленькая Лиза любила песни, рассказы про деревенскую жизнь.

Жизнь в деревне после наступления Советской власти мало чем изменилась, крестьяне пахали землю, выращивали хлеб, но если раньше зерно забирали помещики, то теперь отряды продразверстки. А потом людей начали объединять в колхозы, что тоже было воспринято далеко не одинаково. Особенно старшим поколением – молодежь, как раз, охотнее включалась в эти эксперименты, им нравился сам лозунг: «Кто был ничем, тот станет всем!».

Особенно энергичной была как раз Лиза Чайкина. Она первой в деревне вступила в ряды Коммунистического союза молодежи. В то время это был смелый поступок. Были случаи, когда зверски убивали комсомольцев и активистов.

Родители Лизы не очень приветствовали такую активность дочери. Но ее это не могло остановить. Райком комсомола поручил Чайкиной способствовать ликвидации неграмотности в родной деревне. Многие односельчане вдвое, а то и втрое старше девушки охотно посещали избучитальню. Сначала послушать о том, что им комсомолец скажет и прочитает, а потом сами учились читать по слогам.

А ведь у самой Чайкиной было всего-навсего четыре класса образования. Но можно сказать, она училась вместе со своими разновозрастными учениками. А вскоре ее назначили счетоводом в сельском совете Залесье, куда входила и Руна, в колхоз «Красное залесье».

С большой радостью восприняла Лиза весть о том, что в Залесье организовывается сельская районная газета. Ее назвали «Ленинский ударник», и одним из самых активных нештатных корреспондентов стала именно Чайкина. Вот заголовки некоторых ее материалов: «Почему не спросили колхозников?», «Хорошее начало», «Комсомольцы помогают невоенной молодежи», «Международный антивоенный день в Пенно»...

Лиза исходила все окрестные деревни вместе со своими друзьями-комсомольцами. Ребята выявляли дома, в которых живут старики, участники Гражданской войны, и старались во всем

помогать. Кому дровишек напилят, у кого огород прополют от сорняков, третьим письмо от сына лишней раз почитают. И крестьяне видели: эта власть хорошая, потому что о старости забываются, не оставляют один на один с болячками и проблемами.

В 1939 году 21-летнюю Лизу Чайкину избрали секретарем райкома комсомола. Да только ее невозможно было застать в конторе колхоза, она старалась быть в гуще дел: на полевом стане, в бригаде овощеводов, на машинно-тракторной станции. И везде, куда она приходила, тотчас начинал звенеть ее девичий голос: лодырям доставалось по полной программе.

За решительность в борьбе с недостатками социалистического строя Лизу за глаза называли комиссаром в юбке и если одни ее боготворили, то другие тихо ненавидели...

...Началась война, враг оккупировал Калининскую область. Райком партии принял решение оставить Чайкину на месте, она была одним из организаторов партизанского движения, входила в руководство отряда, который базировался в местных лесах. Партизанское движение только формировалось. Громких акций, таких как взрыв эшелонов с живой силой и техникой врага, уничтожение штабов крупных немецких соединений, складов – калининские партизаны к тому времени провести бы не сумели. Их задача была саботировать укрепление гитлеровцев на родной земле, разрушать коммуникации с тем, чтобы затруднить управление войсками, да налеты на небольшие гарнизоны.

Недостаток оружия и боеприпасов, да и гражданские люди, не имевшие военного образования, вряд ли могли организовать и провести масштабную воинскую операцию. Нужно было поднакопить силенки...

Враг рвался к Москве, а потому сводки с фронта, которые партизаны получали с помощью радиостанций, не вселяли особого оптимизма. Но гитлеровцы умело пользовались тем, что население оккупированных городов и поселков не знало всей правды, и еще с сентября 1941 года твердили советским людям, что Москва пала, Сталин взят в плен, немецкие войска вошли в Ленинград, а передовые части уже в бинокль рассматривают Уральские горы. Им нужно было подавить даже малейшие намеки на сопротивление.

Так что командование отряда видело свою основную задачу еще и в том, чтобы вести контр-пропаганду, вселять в людей уверенность, что враг будет разбит. А тут как раз подоспела 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, в Москве прошел легендарный парад на Красной площади, Иосиф Сталин выступил с пламенной речью. Ее-то и нужно было донести до сограждан в первую очередь.

Текст речи переписали от руки, размножив, сколько было возможно. По окрестным деревням были разосланы агитаторы, которые зачитывали и выступления, и сводки Совинформбюро. И пусть не в первый же день, но вскоре гитлеровское командование узнало об этих стихийных митингах, и на поиск и поимку агитаторов были брошены отряды полевой жандармерии. Но партизаны и здесь схитрили. Они прекрасно знали, где можно было устроить засаду, а потому старались обходить эти пикеты, очень часто подходя к той или иной деревне со стороны болота, где гитлеровцы их не ожидали.

Лизу Чайкину народ знал и любил. И когда она собирала в избу людей, чтобы рассказать им о правде, приходили практически все. С гордостью говорили: «Ай, да наша Чайка! Не боится фашистов! Ходит от деревни к деревне почти в открытую...».

Пару раз девушка нарывалась на засаду. Ей приходилось и стрелять: однажды она в ходе перестрелки застрелила сразу трех жандармов. Но всегда старалась избегать таких ситуаций, постоянно меняла места и явки, чтобы отвести тень подозрения от людей. Но 21 ноября ей не повезло, ее выследил один раскулаченный крестьянин, помощник фашистов. Он послал сына за жандармами, а сам остался следить за избой, чтобы Чайкина не могла скрыться...

Это был дом Лизиной подруги и она, придя сюда, отказалась даже от ужина, только произнесла: «А можно я хотя бы два-три часа посплю на настоящей кровати...». И тут же провалилась в сон. А когда в сени ворвались фашисты, она просто не успела выпрыгнуть в окно. За пособничество партизанам эту семью расстреляли прямо в доме, а Лизу, не успевшую даже обуться, так и повели босиком по снегу к своему танку, боялись, что партизаны прибегнут к попытке отбить свою связную...

Всю ночь и половину следующего дня Лизу жестоко избивали, жгли ей пятки, вырывали ногти, требуя, чтобы она сказала, где находится штаб партизанского отряда. Она молчала. Они

снова обрушивали на нее град ударов, пока Чайкина не теряла сознания, потом обливали водой, чтобы пришла в себя, и истязания продолжались...

Она не проронила ни слова...

Тогда гитлеровцы согнали на площадь деревни Пена всех ее жителей, и вывели чуть живую Лизу. Когда она шла разбитыми ногами по снегу, после нее оставался ярко-красный след. Комендант обратился к жителем с вопросом: «Кто знает, как зовут эту партизанку?». Народ не проронил ни слова. Тогда комендант пообещал щедрое вознаграждение тому, кто это сделает. Иуда нашлась, в лице самой беспутной бабенки, торговавшей самогоном. Она вырвалась из толпы на середину площади и сказала: «Это наш райкомовский комиссар Лизка Чайкина!».

Ее не стали вешать, как чаще всего поступали с партизанами. Ее, как достойного противника, поставили к стенке дома и дали залп. А перед тем она успела крикнуть: «Идет Сталин к нам... Идет победа!».

Звание Героя Советского Союза Елизавете Ивановне Чайкиной присвоено посмертно 6 марта 1942 года.

...В 1943 году жители Калининской области собрали деньги, на которые закупили самолеты для эскадрильи гвардейского истребительного авиаполка. К майскому победному салюту 1945 года на счету у летчиков эскадрильи имени Лизы Чайкиной было 77 сбитых фашистских стервятника...

В 1944 году на захоронении установлен бюст Л. Чайкиной (скульптор Н.В. Томский).

В августе 2003 года в селе Пенно собрались сотни людей, чтобы поклониться отважной землячке, которой исполнилось 85 лет со дня рождения.

К сожалению, всего неделю не дожид до этого события Семен Ларионов, последний участник партизанского отряда, в котором воевала Лиза Чайкина. Но ее подвиг не был забыт.

Мария Комиссарова написала поэму «Лиза Чайкина».

Во время своего полета в космос Валентина Терешкова выбрала себе позывной «Чайка»...

ВДОВЕНКО Владислав Юрьевич

ЗАБЫТЫЙ БАТАЛЬОН

В 1995 году в областном центре вышла в свет «Книга Памяти. Таловский район», в которой собраны данные почти об 11 тысячах таловцев, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны. Если даже бегло ознакомиться с ее содержанием, то можно убедиться, что в половине случаев вслед за фамилией красноармейца или командира значится: пропал без вести. Обидная формулировка. И об не только для тех, кто еще долгие годы ждал возвращения солдата, надеясь на чудо, а потом хотел просто поклониться его могиле, но и для каждого настоящего гражданина своей страны, любящего Родину и ее историю.

За полтора десятилетия, прошедшие с момента выхода КП, многочисленные поисковые отряды в нашей стране вернули тысячи имен солдат той войны. Однако в большинстве случаев найти бойца, сложившего голову на последнем для себя огневом рубеже, оказывается легче, чем его родных. А потому многие до сих пор не знают, где похоронен близкий им человек. К тому же, как показывает жизнь, списки Книги Памяти оказались неполными.

Районная газета «Заря» в январе 2011 года начала акцию «Забытый батальон». Мы попытались отыскать следы уроженцев и жителей нашего района, чьи места захоронений долгие годы были неизвестны. Зачем? Как бы избито не звучала фраза, но это наш долг перед павшими, теми, кто отдал свою жизнь за нас, наше настоящее и будущее. И не только перед ними. До сих пор постаревшие жены ищут своих мужей, возмужавшие дети – отцов, подрастающие внуки и правнуки – дедов. К тому же, по большому счету, без этого история Великой Отечественной будет неполной.

Владимир Логвинович СЕРГИЕНКО

В 9 отделе Центрального архива Министерства обороны хранится дело № 2448, на 315 листе которого значится фамилия нашего земляка, уроженца деревни Колодеевка Михинского сельского Совета, рядового Владимира Логвиновича Сергиенко. Сшитые в этой папке листы – ни что иное, как книга учета потерь личного состава 367-го артиллерийского полка 59-й армии. В графе «причина выбытия» напротив его фамилии стоит стандартная формулировка - пропал без вести. То есть ни место, ни точная дата гибели не известны. Датировано это донесение 15 февраля 1944 года. Однако уже в 1946 году появляется сообщение о том, что Сергиенко Владимир Логвинович захоронен на городском кладбище города Луга Ленинградской области, где в 1944 году был погребен личный состав истребительно-противотанкового дивизиона, находившегося в подчинении 9-й гвардейской бригады. Эти же данные значатся в Книге Памяти. И все же, как оказалось, там останков нашего земляка не было.

Летом 2001 года поисковый отряд из города Луги под руководством В. Шитца проводил обследование места гибели отдельного артиллерийского дивизиона 367-го артполка 120-й стрелковой дивизии. Расположено оно неподалеку от горы Лысая в окрестностях Луги. Метрах в 50 от позиций, под развалинами 4-этажного дома, следопыты и обнаружили останки михинца. Рядом находился медальон с довольно хорошо сохранившимися данными. Благодаря им удалось установить не только имя героического защитника Родины, но даже дату отправки последнего письма солдата - 18 января 1944 года. В том же медальоне было указано имя жены – Пелягея Алексеевна – и ее адрес: деревня Таловая, ул. Первомайская.

Емельян Трофимович МИЩЕНКО

Но это крайне редкий случай, когда «смертник» - солдатский медальон - дает столько информации. Как правило, пролежав пять-шесть десятилетий, листок бумаги размером с сигаретную пачку оказывается настолько поврежденным, что прочитать что-либо на нем практически невозможно.

А потому мы даже не можем утверждать, что солдат, найденный добровольцами из отряда «Долина» города Казани под руководством А.Майорова в Новгородской области, точно является нашим земляком.

Точно известна его фамилия – Мищенко; от имени остались только две буквы в середине слова - ...ей(ем, ен, ел)..., а еще заглавная буква отчества – П(А, Т)... Кроме фамилии, удалось прочесть только год рождения – 1903, наименование области – Воронежская, часть названия военного комиссариата, мобилизовавшего бойца – ...аловский - и первые буквы сельского Совета - Алекса... Ни воинское звание, ни данные о семье не сохранились.

Почти вся информация из «смертника» совпадает с данными Книги Памяти района, в которой значится рядовой Мищенко Емельян Трофимович, пропавший без вести 6 октября 1943 года.

Так что, возможно, мы нашли место захоронения еще одного нашего земляка: Новгородская область, Новгородский район, деревня Мясной Бор. Неподалеку от этого населенного пункта, в лесу, его и обнаружили поисковики. Здесь, у мемориала воинской славы, находится братская могила, в которой теперь покоятся останки бойца.

Григорий Григорьевич ОСТРОВСКИЙ

В ходе поисковых работ в рамках Вахты Памяти Брянской области 7 сентября 2009 года на поле у села Новоямское в небольшой воронке были найдены останки трех бойцов. Кости оказались сильно перемешанными, что говорит о том, что это не было погребением. Кроме прочего, здесь находились две ложки, причем обе подписанные. На первой значилось: «Красных Тихон, 1-й пулеметный взвод», а на второй только инициалы – О.Г.Г.

В списках бойцов 7-й кавалерийской дивизии, наступавшей ранней весной 1943 года в этих местах, значится Островский Григорий Григорьевич, 1922 г.р., пулеметчик, родом из Таловского района Воронежской области, призванный Таловским РВК.

Мы решили проверить эту информацию по двум источникам: объединенной базе данных поисковых отрядов и Министерства обороны /www.obd-memorial.ru/ и изданию «Книга Памяти. Таловский район».

Сведения о Григории Григорьевиче в ОБД мы нашли, но яснее от этого не стало. Содержащиеся здесь данные о потерях и месте захоронения бойцов дивизии говорили о том, что найденный этой осенью солдат – уроженец села 2 Орловка. Но числится он захороненным еще в 1943 году в деревне Юшино все той же Брянской области, в братской могиле в центре села. К тому же, по версии ОБД, разыскиваемый нами воин на год моложе. Других Островских Г.Г., уроженцев нашего района, здесь нет. Кстати, боец, которому принадлежала вторая ложка, – Тихон Красных, по архивам ОБД, служил в одной роте с нашим земляком и считался захороненным все в том же Юшино. Это подтверждало нашу догадку относительно принадлежности ложки именно орловцу.

Все сомнения отпали после того, как в КП прочли следующее: «Островский Григорий Григорьевич, 1922 (1923) г.р., рядовой, 26 марта 1943 года погиб в бою, захоронен: с. Новоямск, Севский р-н, Брянская обл.».

Вот и получается: по документам Григория похоронили дважды, а на деле – ни разу. Ни в Юшино, ни в Новоямском его тела не было. Все эти 66 лет он, оставшийся навсегда 20-летним парнем, пролежал на колхозном поле, никем не погребенный.

Зато теперь мы можем с большой долей вероятности предположить, как именно погиб рядовой Островский. Судя по характеру расположения останков и месту находки, этот пулеметный расчет уничтожила мина или снаряд прямым попаданием. После боя их тела, скорее всего, не нашли, но посчитали похороненными вместе с другими павшими солдатами из этого полка.

Петр Иванович ДАНКОВ

Его искали почти семьдесят лет. Сперва - на фронтах Великой Отечественной, затем - в госпиталях и лазаретах, а после того, как прошло несколько лет со дня победного салюта над Москвой, – в списках погибших. Но все эти годы лейтенант Петр Данков оставался одним из миллионов пропавших без вести солдат.

Его брат, генерал-полковник Фрол Иванович Данков, неоднократно предпринимал попытки найти хоть какие-то следы: делал запросы, расспрашивал однополчан Петра. Он умер в 2009 году, так и не узнав о судьбе родного человека. Впрочем, если бы не наша акция «Забытый батальон»

он», возможно, не дождалась бы вестей о муже и жена лейтенанта Данкова Пелагея Федоровна. Сейчас ей 87 лет, и вместе с детьми и внуками она живет в Воронеже. А вот единственная дочь погибшего – Анна Петровна Солдатовна – таловчанка. Родившись уже после ухода отца на свою последнюю войну, она видела его только на фотографиях. С одной из них пришла к нам в редакцию. На пожелтевшей фотобумаге тогда еще младший лейтенант Данков запечатлен на фоне фонтанов Петродворца. Красивый, молодой, подтянутый... Таким он остался в памяти близких. Таким он лег в скованную морозом января 41-го землю.

Петр с детства бредил армией, хотел стать кадровым офицером. Для него не существовало другой профессии, кроме защитника Родины. Характер у парня был упрямый, а потому своего он добился. В 1937-м окончил артиллерийское училище в Туле, служил в Ленинградском военном округе. Прошел советско-финскую «зимнюю» войну от начала и до конца. В последний раз в родном 26-м участке Шанино он побывал весной рокового 41-го. С тех пор судьба Петра оставалась загадкой, разгадать которую удалось только через 65 лет.

Его останки подняли ребята из поискового отряда имени 73-й морской бригады города Колпино, того же возраста, как и он в 41-м, даже моложе. На долю их дедов выпала такая страшная война, что хватило ее даже внукам и правнукам. И сегодня они, памятуя о том, что война не закончена, пока не похоронен ее последний солдат, возвращают имена погибшим героям.

Вот только с каждым годом сделать это все труднее. И то, что лейтенант Данков нашелся, большая удача. Вместе с нашим земляком были обнаружены еще 7 человек, которые теперь уже навсегда останутся безымянными и никогда не будут вычеркнуты из списков пропавших без вести.

Мы связались с поисковиками, и вот что они рассказали. «В 2006-м поисковые работы велись на территории совхоза имени Тельмана Тосненского района Ленинградской области. В годы Великой Отечественной войны здесь почти два года находился передний край обороны Ленинграда. Решено было обследовать противотанковый ров, разделявший передовую на советскую и немецкую части. И здесь нам несказанно повезло. В стенке рва мы наткнулись на останки бойца с медальоном. Судя по петлице с эмблемой - лейтенант артиллерии. Кости сохранились очень плохо, удалось собрать только крупные фрагменты скелета. Офицер был одет в заячий по-

лушубок и валенки. Ремень с пристегнутой португеей в момент гибели почему-то оказался в его руке.

Медальон удалось прочитать чуть позже. Насчет артиллерии мы оказались правы. Найденный, по данным именного списка безвозвратных потерь начальствующего состава артиллерии Ленинградского фронта, оказался заместителем командира батальона 113-го артполка 56-й стрелковой дивизии. Соответствующая запись датируется 21 января 1942 года».

...Утро 9 мая 2011 года семья Солдатовых встретит вместе со своим отцом и дедом на ленинградской земле, чтобы рассказать ему о том, что у него два взрослых внука, младший из которых, Михаил, очень похож на деда, и четверо правнуков. Посетовать на то, что, вернись он с фронта, может быть, по-другому сложилась бы судьба его близких. А еще положить на могилу горсть родной таловской земли, которую он вместе с миллионами советских солдат отстоял в той страшной войне.

Егор Никифорович КОЗЛОВ

Информацию об одном из наших земляков мы обнаружили в выпуске от 21 мая 2003 года районной газеты Смоленской области «Велижская новь». В статье «Верные сыны Отечества» рассказывается об итогах межрегиональной экспедиции «Вахта Памяти-2003» на Смоленщине. Заканчивается материал списком имен погибших воинов, обнаруженных в ходе поисковых работ на территории области в тот год и восстановленных в результате криминалистической экспертизы. В нем под № 7198 значится сержант Козлов Егор Никифорович (Никитович), 1907 года рождения. Уроженец Коленовского свеклосовхоза, он был мобилизован в ряды РККА Абрамовским райвоенкоматом Воронежской области. В Абрамовском районе, в соответствии с данными солдатского медальона, проживала его жена Матрена Ивановна Козлова.

Точное место обнаружения останков нашего земляка: Смоленская область, Велижский район, Беляевское сельское поселение, деревня Нижние Секачи. 4 мая 2003 года участниками поискового отряда «Память» города Рославля они были перезахоронены в братской могиле мемориального комплекса на Лидовой горе. Известно имя человека, нашедшего сержанта Козлова, – Максим Симутин. Так что родственникам погибшего солдата, если таковые отыщутся, будет,

кому сказать спасибо за возможность спустя почти 70 лет побывать на могиле близкого человека.

Дмитрий КОРОБКИН

Военное лихолетье вызвало огромное по своим масштабам передвижение людей. Эвакуация из западных регионов СССР на восток затронула и наш край. Именно на таловской земле началась фронтовая дорога некоторых жителей Украины, Липецкой, Курской и других областей, в то время как таловцы отправлялись в пекло войны из других регионов. Но родные и тех, и других могут оказаться читателями нашей газеты.

Уроженец Таловского района Дмитрий Коробкин в начале 1942 года оказался на Кубани, где и был мобилизован Новотитаровским РВК Краснодарского края. Никаких других данных его медальона нашедшая бойца краснодарская краевая общественная организация «Горный клуб «Экстрем» не сообщает. Известно только, что красноармеец Коробкин захоронен 1 февраля 2003 года у солдатского обелиска в поселке Армянский Крымского района Краснодарского края.

Кирилл Семенович БОЙЧЕНКО, Григорий Алексеевич САЛЬНИКОВ, Федор Дмитриевич БИКАЧЕВ, Степан Петрович ПОРОТИКОВ

А вот обратный пример. Кирилл Семенович Бойченко, родившийся в Полтавской области УССР, после эвакуации оказался в Чигольском районе. Здесь же на момент мобилизации оставалась его жена – Ирина Кононовна Бойченко.

Погиб Кирилл Бойченко, как установили поисковики из липецкого отряда под руководством В. Татарникова, 28 января 1943 года, то есть в день завершения Острогожско-Россошанской операции, ознаменовавшей полное освобождение территории Воронежской области от войск фашистов и их сателлитов. Прах красноармейца 1021-го полка 307-й стрелковой дивизии теперь покоится в селе Верхне-Чесночное Воловского района Липецкой области.

И еще две новые точки поиска: в обоих случаях из найденных поисковиками медальонов понятно только то, что принадлежали они уроженцам нашего района.

Первый из них обнаружен экспедицией поисковиков из Санкт-Петербурга под руководством В.В. Костюковича в 1996 году в Кингисеппском районе Ленинградской области. Данные таковы: Сальников (Санников) Григорий Алексеевич (Александрович), замполит. Мобилизован Воронежским ГВК. Уроженец Таловского района.

Во втором сведений несколько больше: Бикачев (Богачев, Бокачев) Федор Дмитриевич. Год рождения – 1904. Воинское звание – красноармеец. Мобилизован Таловским РВК.

Уроженец поселка Московский. Установлена примерная дата гибели - 7 октября 1941 г. Обнаружен поисковым отрядом АсПО. Перезахоронен в братской могиле поселка Кайдаково Вяземского района Смоленской области.

И еще один солдатский медальон, найденный уже в XXI веке: Поротиков Степан Петрович, год рождения - 1904, старший политрук, мобилизован Таловским РВК. В поселке Троицкий проживала его жена Тарасенко Ирина Пантелеевна.

По данным Центрального архива Министерства обороны (фонд 222-й стрелковой дивизии, опись 2, дело 10, книга погребения 222 сд), он числился погребенным в Рошинском захоронении у деревни Головеньки Наро-Фоминского района Московской области. Однако столичный поисковый отряд «Искатель» под руководством Н.Е. Косова обнаружил его медальон среди останков в роще у деревни Назарево того же муниципалитета. И теперь прах Степана Поротикова покоится в деревне Смолино Наро-Фоминского района.

Василий Иванович ГУБАРЕВ

Выбирая в качестве иллюстрации к нашей акции «Забытый батальон» карту европейской части России, мы не предполагали, что границы поиска расширятся и могилы наших земляков обнаружатся в бывших республиках СССР. Но к нам пришло сообщение из Молдовы: один из наших земляков, пропавших без вести, покоится на берегах Днестра.

Вот его данные: Губарев Василий Иванович, родился в 1915 году в поселке Нижняя Ведуга Таловского района. Призван в 1941-м, рядовой 481-го стрелкового полка 320-й стрелковой дивизии. 62 года считался пропавшим без вести. В 2006 году его останки были случайно обнаружены в районе села Чобурчиу Слобозийского района Молдовы. Школьники этого райцентра установи-

ли не только личность бойца, но и дату его гибели – 13 мая 1944 года. До этого считалось, что из рядов своей части он выбыл 26 апреля.

А вскоре мы отыскивали информацию о его односельчанине. Им оказался защитник города-героя Севастополя Петр Яковлевич Малахов, 1922 г. р., рядовой. Долгие годы он не значился ни в списках погибших, ни пропавших без вести. Документ, подтверждавший его существование, обнаружили в архивах только семь лет назад. Погиб наш земляк 25 января 1942 года, похоронен на Братском кладбище Балаклавы, расположенном на улице Мраморная. На 200 квадратных метрах в трех братских могилах здесь покоятся 385 воинов. В основном это личный состав сформированного в ноябре 1941 года в Севастополе сводного полка погранвойск НКВД, переименованного в январе 1942-го в 456-й стрелковый полк 109-й стрелковой дивизии. До последних дней 250-дневной обороны пограничники защищали Балаклаву. После войны останки павших воинов, погребенных на местах боев, а также участников освобождения города (1944 год) перезахоронили у городского кладбища. Имена некоторых неизвестны до сих пор.

Михаил Иванович УСКОВ

Формулировка «пропал без вести» не была синонимом гибели. Она всего лишь означала: человек выбыл из состава своей части без свидетелей, которые могли бы подтвердить его местонахождение. Тысячи бойцов приходили домой уже после того, как их семьи получали уведомление «Б/В». Возвращались после лечения в госпиталях, многих месяцев борьбы в партизанских отрядах или выживания в концлагерях. Но даже эта цифра ничтожно мала по сравнению с количеством советских солдат, которые полегли безымянными. Особенно во время тотального отступления 1941 года, когда не успевали ни хоронить убитых, ни учитывать эти потери. Поэтому нередки случаи, когда родные погибшего в июле или декабре 41-го получали уведомление в 43-м, а то и 46-м. Вот лишь один тому пример.

Усков Михаил Иванович, 1918 г.р., место рождения - Воронежская область, Таловский район, 2-й Орловский сельский Совет. Призван Шиловским РВК Воронежской области. Ефрейтор, сапёр 112-го отдельного сапёрного батальона 61-й стрелковой дивизии. По данным МО, числился пропавшим без вести в январе 44-го, хотя погиб в феврале 43-го. Похоронен на кладбище ху-

тора Н. Школьный Абинского района Краснодарского края. В районной Книге Памяти данные о нем отсутствуют.

Василий Иванович ХЛЫСТОВ

И все же, несмотря на боль и обиду, которые причиняли слова «пропал без вести», в некоторых случаях они спасали людские судьбы. Ведь информация о том, что боец оказался в немецком плену, не сулила ничего хорошего его близким. Клеймо изменника родины и врага народа ложилось на всю семью. А потому уведомление «Б/В» все же лучше, чем та почтовая карточка, которая еще в 1942-м была адресована жительнице участка №3 I Шанинского сельского Совета Марии Ивановне Хлыстовой. В ней от имени главы семьи Василия Ивановича Хлыстова сообщается о том, что он жив, находится в плену, в шталаге XVIII В, и скоро сообщит свой новый адрес. Цинизма фашистов хватило даже на то, чтобы поставить в конце письма из лагеря смерти поставить фразу: «сердечный привет».

Естественно, до адресата такая депеша, состряпанная фашистскими изуверами, ни в 42-м, ни позже дойти не смогла бы. К счастью, она так и осталась в архивах шталага.

Иван Пахомович БОЛОТОВ

Конечно, потеряться на дорогах войны рядовому или сержанту проще простого. Сколько их, чьи имена порой даже не успевали вносить в списки потерь родной части, уходили в последнюю для себя атак! Другое дело – старший офицер. А потому, обнаружив на страницах районной Книги Памяти подполковника, мы решили, что отыскать его след будет проще. Но,

Не окажись у подполковника Болотова в последний день весны 1942 года обычного солдатского медальона, он бы до сих пор считался без вести пропавшим.

Иван Пахомович Болотов родился в 1902 году в поселке Новогольской. Отсюда в 1924 году был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, служба в которой и стала его профессией. Войну встретил в звании майора, а к маю 42-го был уже подполковником, командиром 1238-го стрелкового полка 372-й стрелковой дивизии.

Датой его смерти считается 30 мая 1942 года. Однако есть данные, что утром 31 мая, когда фашисты мощным ударом замкнули окружение, «разрезав» 59-ю армию, в результате чего ее 1238-й и 1240-й полки вместе со 2-й ударной армией оказались в так называемом Волховском котле, он еще командовал своим подразделением.

О том, что творилось в период с января по июнь 42-го в районе деревень Любино Поле и Мясной Бор нынешней Новгородской области, написано немало. О причинах неудачного контрнаступления, призванного прорвать блокаду гибнувшего от голода и холода Ленинграда, до сих пор спорят военные и историки. Масштабы трагедии иллюстрирует хотя бы такая цифра: на мемориалах «Мясной Бор» и «Любино Поле» похоронено свыше 37 тысяч человек. Найдены они в районе окружения поисковиками, начиная с 1986 года.

Из болотовского полка к своим вышли всего несколько человек, но о судьбе своего командира ничего определенного они сказать не могли. Версий произошедшего с Болотовым было множество: от гибели до пленения и измены. И каждая из них была вполне реальна. Ведь в том же Волховском котле оказался и командующий 2-й ударной армии Власов, чье имя впоследствии стало синонимом предательства. Генерал Власов возглавил созданную гитлеровцами «Русскую освободительную армию» (РОА), а в рядах власовцев оказалось немало «волховских» солдат и офицеров. Так что находка останков Болотова помогла не просто установить место гибели командира полка. Она подтвердила, что наш земляк до конца своей жизни остался верен клятве защитника Родины, предпочтя смерть плену.

Медальон подполковника был найден в 1996 году нижекамским отрядом «Поиск». Березовая роща на берегу реки Полисть в районе «острова» до сих пор представляет собой гигантское братское кладбище советских солдат. Здесь каждый год при помощи лопаты и кисти поднимают на поверхность останки сотен человек. А полтора десятка лет назад для этого не нужно было даже землю рыть. Почти все погибшие не были погребены и поднимались прямо с поверхности, реже – из артиллерийских воронок. В отвале одной из таких воронок, имевшей форму восьмерки, и нашли Иван Пахомовича. Его прах был захоронен 30 августа 1996 года на мемориале «Мясной Бор» у одноименной деревни Новгородского района Новгородской области.

Известно, что семья Болотовых на момент начала войны проживала в городе Сучан Приморского края, но в Новогольском оставались родные Ивана Пахомовича. Есть информация, что в 2008 году его разыскивал племянник.

Кстати, Мясной Бор на карте акции «Забывтый батальон» уже обозначен звездой. На берегу все той же Полисти были обнаружены останки предположительно нижекаменца Емельяна Мищенко. То, что рядовой Мищенко до войны проживал в Нижней Каменке, стало известно благодаря его односельчанину И.А. Петренко. Их семьи переехали в наш район из одного села, а потому были дружны. Иван Арсентьевич рассказал о погибшем бойце, его брате Григории и отце Трофиме Андриановиче. А вот родных Емельяна Трофимовича в нашем районе уже нет. Его единственная дочь несколько десятилетий назад переехала в Украину, и связи с ней оборвались.

СМОЛЯКОВ, ТОМА, ФУФАЕВ

Место захоронения еще одного нашего земляка мы отыскали в Книге Памяти Зельвенского района Гродненской области. В списке бойцов и командиров РККА, пропавших без вести в июне-июле 1941 на территории этого района, останки которых были найдены в послевоенные годы на местах боев, а имена установлены по найденным медальонам, документам и именным вещам, значится Смоляков Василий Максимович, лейтенант, родившийся в 1918 году на станции Абрамовка. Покойся он вместе с еще четырьмя бойцами в могиле на кладбище деревни Каролин.

Возможно, откликнутся близкие и еще одно солдата. Андрей Терентьевич Тома, повар 25-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР, красноармеец. Родился в 1915 году в Алтайском крае, а в селе 1-я Орловка Таловского района, по состоянию на весну 1945 года, проживала его супруга Ефросинья Ивановна Кострикина.

Согласно донесению о безвозвратных потерях, хранящемуся в Российском государственном военном архиве, погиб 12 мая 1945 года: «Убит бандитами, когда находился в самовольной отлучке в деревне Товчаны Тракайского уезда Литовской ССР». Похоронен на сельском погосте литовского местечка Ганушишки (ныне – Онушкис Тракайского района Вильнюсского уезда Ли-

товской Республики). Андрей Тома не значится ни в Книге Памяти пограничников, ни в Книгах Памяти Алтайского, Хабаровского краёв и Воронежской области.

И еще один таловчанин из числа пропавших без вести - Тимофей Васильевич Фуфаев. Родился 9 февраля 1900 года в селе Бирюч Новочигольского района. Призван 14 января 1942 года Таловским РВК. Его родные, в частности Фуфаева Февронья Константиновна, проживали на тот момент в Таловой, на улице Колхозная (теперь – Пятницкого), в доме № 5.

Последним местом службы рядового Фуфаева стал 360-й стрелковый полк. Пленен 22 июня 1942 года, после чего попал в шталаг VI К (326), в котором значился под номером 166627. Погиб 25 мая 1944 года. Похоронен на кладбище города Йерстаумен (Норвегия), могила № 560.

Федор Степанович СЕМЕНОВ

Еще одна звезда на карте акции «Забытый батальон» обозначает лес у польского местечка Свентошув, в котором с 1941 по 1943 год располагался один из сотен фашистских концлагерей.

«Семенов Федор Степанович, родился 22 декабря 1912 года в пристанционном поселке Таловая Воронежской области. Рядовой 820-го стрелкового полка 117-й стрелковой дивизии. Умер 6 ноября 1941 года». Эти данные мы отыскивали в списке советских солдат, погибших в шталаге 308 (VIII E) «Нейхаммер» («Neuhammer»), составленном по записям в немецкой учётной документации на советских военнопленных.

Концентрационный лагерь «Нейхаммер» был создан 4 апреля 1941 года на территории VIII военного округа Германии и изначально предназначался для приема советских военнопленных.

Мы, наверное, уже не узнаем, когда и при каких обстоятельствах попал сюда наш земляк.

По найденным нами архивным данным, первые советские солдаты оказались в шталаге 308 17 июля 1941 года. Следующие эшелоны прибыли 24, 25, 26, 27, 28, и 31 июля. В большинстве своём это были военнопленные из Белостокского окружения, но среди них встречались и гражданские - жители Львова. Только за первые две недели сюда свезли около 21 тысячи человек. Но сказать, кто и когда именно оказался в лагере смерти, невозможно. Регистрация началась, предположительно, только в сентябре, так как порядок записи личных номеров не совпадает хронологически с датами прибытия в лагерь. Последние партии военнопленных оказались здесь 14, 28

и 29 октября 1941 года. Это были уже солдаты, захваченные в восточной части Белоруссии, северных областях Украины, под Смоленском, Оршей, Ельней. Сколько всего наших соотечественников разделили судьбу таловчанина, неизвестно до сих пор. Называется максимальный регистрационный номер военнопленного, известный историкам, – 57 057.

Зато мы можем довольно точно представить последние дни Федора Степановича благодаря свидетельствам советских солдат, выживших в этом аду.

В своих воспоминаниях А.А. Погожев, попавший в «Нейхаммер» в середине сентября 1941 года, рассказывает о тысячах советских военнопленных, в одиночку и группами бесцельно бродящих по загону за несколькими рядами колючей проволоки. Разнообразие форм и расцветок одежды заключенных напоминает ярмарочную пестроту: летние гимнастерки, шинели, гражданские костюмы, плащи, демисезонные пальто, сорочки...

От холода, пронизывающего и ледящего, нет спасения. Единственное сооружение внутри загона — бетонная уборная, которая укрывает от стужи несколько десятков пленных, которые стоя спят, согревая друг друга. От невероятной тесноты упасть невозможно, но, кто упал, — верная смерть. Места на ночь в уборной захватываются днем.

Говорили, что в других лагерях есть бараки, в которых можно укрыться от холода и ветра, а потому тем нескольким тысячам, которые с начала октября были отправлены в команду «Kdo 46, Auschwitz», даже завидовали. Местом прибытия той команды был лагерь СС «Аушвиц», более известный под названием «Освенцим»...

Холод заставлял зарываться в землю. Песчаный грунт легко поддается разработке. Небольшими группами в 2-3 человека желающие роют ямки, чтобы можно было, прижавшись, сидеть в них. Кто имеет шинель или пальто, укрываются сверху. Так по лагерю ежедневно появлялись бугристые участки с сотнями ямок, которые зачастую превращались в могилы для тех, кто не успевал выбраться из них при стихийном наскоке обезумевшей толпы.

Почти каждый день охранники лагеря перебрасывали через колючую проволоку в толпу брюкву. Делали это в разных местах и в разное время. Потерявшие от голода и холода разум тысячи людей набрасывались на брюкву. Они металась по лагерю от одного места переброса к другому. Десятки трупов и сотни покалеченных оставались на местах трудновообразимых свалок.

Ямки-укрытия затаптывались со всеми теми, кто не успевал выбраться из них, и бугристые участки превращались в ровные поля с торчавшими вверх руками, ногами, туловищами.

Несмотря на постоянную опасность быть заживо погребенными, холод заставлял рыть новые укрытия, которые на следующий день или через день опять превращались в могилы.

Каждый день на автомобилях вывозили по 200-300 трупов. Возможно, 6 ноября среди них оказался и таловчанин. Однако дата смерти рождает еще одну догадку.

По свидетельству одного из военнопленных шталага 308, Павла Стенькина, в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции несколько групп советских военнопленных планировали побег из лагеря. Выбраться решили несколькими способами.

Одна группа делала подкоп под проволочное ограждение. Место для этого выбрали на участке, где лес почти вплотную подступал к ограждению. Начали копать руками в промежутках вспышек осветительных ракет, которые охрана запускала с пунктуальной точностью через каждые 30 минут.

Другая группа попыталась одновременно попасть в список рубщиков леса, получить рабочий инструмент – топоры, ломы, неожиданно напасть на конвоиров уже в лесу, за пределами лагеря, и перебить их.

Но ни один из вариантов не сработал. Накануне запланированного побега подкоп обнаружили по случайному обвалу около ограждения. Искать виновных фашисты не стали, расстреляв и забив до смерти 6 ноября несколько сотен человек. Был ли среди них или потенциальных беглецов рядовой Семенов, неизвестно. Как, впрочем, и то, где могут покоиться его останки. Лес вокруг лагеря – не единственное возможное место захоронения. С середины сентября 1941 года часть военнопленных использовалась в различных рабочих командах 308-го шталага в сельском хозяйстве и на промышленных предприятиях. Известно как минимум 12 команд, действовавших на территории Польши. Если военнопленный, находившийся в их составе, умирал, захоронение могло производиться на местном кладбище.

Но, как бы то ни было, мы в очередной раз можем «поправить» районную Книгу Памяти, где рядовой Федор Семенов значится без вести пропавшим в апреле 1943 года.

Григорий Кузьмич МИТРОФАНОВ

Ставя эту звезду на карту акции, мы даже не рассчитывали найти родных этого пропавшего без вести солдата. Но цена, которую он заплатил за Великую Победу, стоит того, чтобы о его судьбе спустя 69 лет узнали земляки.

На верхнем снимке – карта военнопленного под лагерным номером 18474 фашистского штаб-лага X D (310). Немецкими, а рядом русскими буквами выведено: Митрофанов Григорий Кузьмич. Вот, собственно, и все, что осталось от человека, который одним из первых встретил врага лицом к лицу и, несмотря на все выпавшие на его долю испытания, не предал ни своих товарищей, ни Родину.

Родился Григорий Митрофанов 7 января 1919 года в селе Новая Чигла. По одним данным – сирота, по другим – отец – Беспалов Иван Андреевич, а девичья фамилия матери – Покатаева. Рядовой 5-й погранзаставы легендарного 91-го Рава-Русского пограничного отряда.

Легендарным отряд назвали после того, как в числе трех подразделений НКВД он не только устоял в первые часы под натиском «железной машины» Вермахта, но и сумел выбить врага с территории СССР.

Наступавшей на этом участке 17-ой немецкой армии оперативные планы гитлеровского командования отводили два часа на овладение городом Рава-Русская. Фашисты делали все для того, чтобы уложиться в это время. Наиболее ожесточенные бои развернулись на участках 2-й и 3-й комендатур. Учитывая сложившуюся здесь тяжелую обстановку, командование отряда усилило комендатуры. Это давало возможность задержать противника до подхода подкрепления.

Однако 5-я застава 2-й комендатуры помощи не дождалась. Пожалуй, единственными сведениями о ее судьбе, которые нам удалось найти, являются воспоминания Гавриила Константиновича Сметанина. Он в огненном 41-м являлся секретарем комсомольской организации соседней, 6-й заставы 2-й комендатуры Рава-Русского отряда.

По свидетельству ефрейтора Сметанина, накануне нападения фашистов на заставы никто не спал: на сопредельной территории было неспокойно. Слышны были приглушенные звуки моторов. В 3 часа с левофлангового участка прибыли два бойца. Они сообщили, что на территорию Советского Союза через границу перешла большая группа немцев.

Личный состав 6-й заставы занял свои места согласно боевому расчету. Начальник заставы лейтенант Ванин приказал вступить в бой и ждать подхода тревожной группы. Но на их участке враг так и не выдвинулся. А вот 5-я застава оказалась в самом пекле.

Поступило сообщение о том, что село Ворон занято немцами, — оно находилось в 800 метрах от границы и совсем рядом с заставой Митрофанова. Слышны были стрельба, разрывы артиллерийских снарядов в районе 4-й и 5-й застав. Около 4 часов связь с ними прервалась.

К 6 часам утра бой на 5-й заставе стих...

...На следующий день в сводке Главного командования Красной Армии появился абзац: «На Шяуляйском и Рава-Русском направлениях противник, вклинившийся накануне с утра в нашу территорию, во второй половине дня контратаками наших войск был разбит и отброшен за госграницу».

До 28 июня подразделения 91-го погранотряда сдерживали гитлеровцев у Равы-Русской, обеспечив организованный отход 41-й стрелковой дивизии. За время боев на границе с 22 по 28 июня 1941 года они уничтожили до двух тысяч солдат и офицеров противника. Официальные потери более чем двухтысячного отряда составили: 18 человек – убитыми, 45 – ранеными и почти 800 – пропавшими без вести.

За героизм, проявленный личным составом в боях с немецко-фашистскими захватчиками, отряд одним из первых был награжден орденом Красного Знамени.

Но ни о награде, ни о подвиге своих сослуживцев рядовой Григорий Митрофанов так никогда и не узнал. После пленения утром 22 июня в селе Журавки он попал в фашистский концлагерь Кайзерштейнбург, а в октябре перевезен в Нижнюю Саксонию, в местечко Витцендорф, где располагался шталаг X D (310) Wietendorf.

Условия, в которых чигонец там оказался, мало чем отличались от ситуации в других лагерях смерти. Помещений для проживания сначала не было. Пленные копали себе землянки, позже строили бараки. Катастрофические условия, недостаточное питание привели к тому, что в октябре началась эпидемия сыпного тифа. Эта болезнь и унесла жизнь нашего земляка 17 января 1942 года. До весны 1942 года свыше 14 тысяч военнопленных умерли от голода, холода, сыпного тифа и других болезней. Всего же там погибло 16 тысяч человек. Большая их часть захоронена

неподалеку. По данным Российского Красного Креста, на месте бывшего лагеря военнопленных шталага находится безымянное кладбище (на снимке), за которым местные жители осуществляют постоянный уход. Здесь до сих пор рассказывают, что почти два десятка лет после войны на этой огромной площади не росла трава, а деревья гнулись, будто на них взвалили непосильную ношу – память о советских солдатах, для многих из которых война кончилась, едва начавшись.

Чем дальше продвигалась наша акция, тем яснее становилось то, что «Забытый батальон» – попытка объять необъятное. Ведь только для того, чтобы отыскать имена таловцев среди жертв фашистских лагерей, которых, по разным оценкам, было от трех с половиной до пяти миллионов человек, потребовалось бы несколько месяцев. Времени, отведенного на нашу акцию, просто не хватило для того, чтобы обработать хотя бы сотую часть из этих миллионов.

Мы выбрали лишь один небольшой лагерь – шталаг IV В Мюхльберг (земля Магдебург) – и в его списках обнаружили фамилии семерых уроженцев таловской земли. Причем четверых из них либо совсем не оказалось в районной и областной Книгах Памяти, либо там они значатся пропавшими без вести. А ведь для уничтожения наших соотечественников было создано 397 лагерей смерти (гетто, трудовые и пересыльные, лагеря для военнопленных – дулаги, шталаги, офлаги). Трудно представить, сколько еще имен и фамилий наших земляков остаются забытыми!

Семен Асеевич ШИШЛЯННИКОВ

Павел Федорович РАЗИНСКИЙ

Первым, кого мы обнаружили в шталаге IV В, был уроженец села Никольское Семен Асеевич Шишлянников, 1913 г.р., рядовой. В карте военнопленного его фамилия записана с «е» в первом слого. А вот фамилия жены Евдокии указана без ошибки. Пленен 30 сентября 1941 под белорусским городом Гомель. Лагерный номер – 136198.

Мог ли он предполагать, что в один день с ним в плен попадет его земляк, рядовой Разинский, батальон которого оказался в окружении в 170 километрах юго-восточнее Гомеля, у украинского села Уралово Сумской области.

Павел Федорович Разинский родился в 1908 году в Старой Тишанке. Девичья фамилия матери – Дьякова. Красноармеец 498-го стрелкового полка. Жена – Пелагея Разинская, проживавшая в ту пору в Старой Тишанке. Лагерный номер – 134841.

Знали ли они о существовании друг друга, находясь в одном лагере, территория которого едва превышала размеры четырех футбольных полей? Встречались ли, а если да, то о чем могли говорить два обреченных на смерть человека, почти ровесника?

В шталаг IV В они попали с интервалом в два дня, а вот путь в этом кромешном аду им пришлось пройти разный. Семен Асеевич умер 20 декабря 1941 года, находясь в составе одной из трудовых команд. Захоронен в районе Райхенхайн города Кемнитца, где после войны силами гарнизона советских войск округа Карл-Маркс-Штадт было создано центральное мемориальное кладбище. Известно, что в одном только 1946 году сюда было перезахоронено 1 130 человек, в том числе и многие советские военнопленные, которые умерли в различных трудовых командах района. На центральной аллее этого паркообразного кладбища установлен величественный монумент из красного песчаника. По обе стороны этого обелиска расположено более 600 индивидуальных могил, а в конце комплекса находятся три братские. В одной из них вместе с еще более семьюстами жертвами нацизма покоится прах нашего земляка.

Павел пережил его почти на год. Он умер от истощения 30 ноября 1942 года. Последним пристанищем рядового Разинского стало городское кладбище городка Лимбах-Оберфрон, расположенного примерно в 15 км к северо-западу Кемнитца. Впечатляющий памятник из красноватого камня с пятиконечной звездой воздвигнут на месте захоронения 56 советских военнопленных. Их имена выбиты на надгробиях перед обелиском. За могилой, по данным международного Красного Креста, ведется регулярный уход.

В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧАТСЯ

Есть судьбы, которые нам не удалось отследить до конца.

В Мюхльберге теряется след младшего лейтенанта Т.И. Мошарова. С ним - особая история. На Тимофея Ивановича вообще нет никаких данных в российских архивах, как будто и не было в Красной Армии такого командира. А из немецких источников ясно только, что родился он 15

марта 1913 года в Вязовке Абрамовского района, пленен 20 февраля 1944 года. В графе «выбыл», где обычно делаются отметки о смерти или переводе в другой лагерь, пусто.

И еще одна фамилия, рядом с которой мы, к сожалению, не можем поставить звездочку на карте нашей акции.

Василий Иванович Быба. Родился 28 августа 1920 года в Таловой, здесь же проживал на улице Октябрьской, в доме № 166. До войны работал стрелочником на станции. лейтенант. Пленен 9 октября 1941 года. В шталаге IV В оказался в конце октября, пробыв в нем до 23 апреля 1942 года, после чего был переведен в офицерский лагерь, ни номер, ни место расположения которого не указаны. Мы пытались отыскать его в офлагах этого и соседних имперских округов Германии, но безрезультатно.

Зато в ходе поисков обнаружили еще 16 офицеров, родившихся в нашем районе или призванных Таловским, Новочигольским и Абрамовским райвоенкоматами. Половина из них в списках Министерства обороны до сих пор числятся пропавшими без вести, а на остальных просто нет данных.

Фамилия лейтенанта Сорокина была обнаружена в списках жертв союзнической бомбежки городка Обертраублинга. По имеющимся данным, он умер от ран 22.02.1944 г. Точное место захоронения не известно.

Кокин Александр Григорьевич из офлага XI А переведен в гестапо, то есть в один из концлагерей СС. А вот вязовца Ивана Токарева упоминает в своих воспоминаниях один из немногих уцелевших узников Дахау. Кстати, Александр Кокин мог оказаться в том же КЛ.

Созданный еще в 1933 году, Дахау был первым немецким концентрационным лагерем. Осенью 1941-го он стал местом массовых казней советских военнопленных. Попасть сюда в период с сентября по декабрь означало неминуемую гибель. Привозимых группами по 400-500 человек отправляли на стрельбище полигона СС, где их расстреливали из автоматов. Около 10 процентов приговоренных на короткое время оставляли в живых, после чего все же расстреливали, а больных из их числа умерщвляли инъекциями бензина. Расстрелянных хоронили вблизи полигона в братских безымянных могилах, в которых было погребено более 7 000 человек, в их числе и Иван Токарев.

В список узников концлагеря военнопленные не включались, поэтому упоминания о жертвах Дахау были безымянны. Отыскать имена жертв можно только в материалах гестапо.

С августа 1941 года сотрудники гестапо из Вюрцбурга и Нюрнберг-Фюрта начинают проверку на благонадёжность советских военнопленных в офлаге XIII D, Хаммельбург. Для «особого обращения» были отобраны не менее 1 100 офицеров.

Кто попадал в разряд «неблагонадежных»? Вот один из отчетов мюнхенского гестапо. Здесь из 3 088 советских военнопленных для расстрела были отобраны 410 человек. В их числе «3 военнопленных - партийные работники и офицеры; 25 - евреи, 69 - интеллигенты, 146 - фанатичные коммунисты, 85 - подстрекатели и смутьяны, 35 - совершившие побеги, 47 - неизлечимо больные».

В личных карточках этих военнопленных ставился примерно такой штамп «19. 11. 41 Gestapo Nurnberg», фактически означавший смертный приговор.

Естественно, сразу после окончания войны переводчики не знали, что скрывается за этими сокращёнными записями. Специального расследования по установлению личностей жертв лагерей никто не проводил. Поэтому и сегодня в федеральных и областных архивах эти документы не связаны с именами расстрелянных в Дахау советскими военнопленными, а сами пленные до сих пор числятся пропавшими без вести.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наша акция завершилась 5 мая 2011 года.

За четыре месяца поисков установлены места захоронения 84 таловчан, погибших в годы Великой Отечественной войны и считавшихся ранее пропавшими без вести. В восьми случаях найдены их родственники или знакомые. Судьба еще 36 человек прояснена не до конца. Конечно, для батальона такого количества бойцов маловато, но на роту найденных нами хватило бы с лихвой.

Мы рады, что «Забывтый батальон» вызвал живой отклик среди наших читателей. Хочется поблагодарить всех тех, кто набирал наш телефонный номер или приходил в редакцию для того, чтобы уточнить данные того или иного бойца, рассказать историю своей семьи, где до сих пор

надеются получить известия о пропавших солдатах или просто поддержать акцию «Зари». И в каждом таком обращении чувствовалась душевная боль, нанесенная той войной, которая хоть и поутихла за минувшие десятилетия, но вряд ли скоро исчезнет совсем.

За время проведения акции нашлось немало единомышленников, ведущих работу в этом же направлении. Они делились своими результатами и направляли наш поиск.

Так, звезда с фамилией сержанта Горячева на карте акции появился благодаря педагогам и ученикам Докучаевской СОШ. В этой школе существует свой поисковый отряд, одним из направлений работы которого является установление имен захороненных на территории поселения раненых одного из эвакогоспиталей. Мы обязательно расскажем об этой работе на страницах нашей газеты.

Информацию о чигольце Иване Андреевиче Горячеве они обнаружили на одном из поисковых сайтов. По данным, предоставленным жителем Таганрога Р.В. Даниловым, он умер в фашистском лазарете для военнопленных и захоронен в городе Таганрог Ростовской области. И только в январе этого года сын сержанта Горячева, Александр Иванович, узнал обстоятельства смерти отца. Установлено место захоронения, на котором в ближайшее время может появиться мемориальная доска с именем чигольца.

Немало интересного и в работах творческой группы «ТИП» Октябрьской школы. К примеру, ребята выяснили, что из 195 воинов-односельчан, не вернувшихся с войны, 100 человек пропали без вести. По словам руководителя «ТИП» С.Е. Пентюхиной, группа постарается найти возможные сведения об односельчанах, пропавших без вести. Быть может, для кого-то из их родственников война наконец-то закончится.

Кроме того, в ходе поиска ребята обнаружили, что в Книге Памяти Таловского района не оказалось фамилий трех земляков, погибших на фронтах Великой Отечественной. Это Г.С. Ивутин (1921-1941), В.Н. Коновалов (1914-1943) и А.Н. Офицеров (1924-1943). Действительно список районной КП далеко не полный. Почти половина найденных нами бойцов в ней не значится. Немало неучтенных имен даже среди тех, кто никогда не числился пропавшим. Вот лишь три из них.

Мы считаем незаслуженно забытым нашего земляка, погибшего в крупнейшем танковом сражении той войны – Прохоровском. Тимофей Иванович Афанасьев родился в 1912 году. Мобилизован Таловским РВК. Сержант, пулеметчик 53-й мотострелковой бригады 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии. Погиб 12 июля 1943 года. Похоронен в соседнем с Прохоровкой селе Сторожевое Белгородской области.

А вот Фома Иосифович Каширин (Кашеорин) отдал свою жизнь за Ленинград. Родился он в 1903 году в Воронеже, но в действующую армию был призван Таловским РВК. Рядовой 327-й стрелковой дивизии. Погиб в бою в 1942 году. Похоронен в деревне Костылево Чудовского района Ленинградской области.

Как это иногда случается, искали одного солдата той войны, а нашли другого, тоже не значившегося в списках. Поиск лейтенанта Елисеева, о котором мы рассказали в одном из предыдущих материалов, вывел нас на его полного теску, Елисеева Ивана Яковлевича, который родился в 1924 году в селе Добринка Абрамовского района Воронежской области. В 1942 году призван Гулькевичским РВК Краснодарского края. Последнее место службы – 274-й стрелковый полк. Красноармеец. Убит 30 марта 1943 года.

И каждая из этих «неучтенных» фамилий – повод задуматься о подготовке второго тома Книги Памяти. Ведь получается, что есть павшие герои, чьи имена будут с трепетом произноситься благодарными потомками еще долгие годы, а есть жертвы той войны «второго сорта», которые через одно-два поколения могут оказаться забытыми, и теперь уже навсегда. Если не заниматься словоблудием, то эту ситуацию можно назвать одним словом - предательство. Предательство памяти о тех, кто отдал за каждого из нас свои жизни. Быть может, павшие и простили бы этот грех своим потомкам, но вот будут ли столь великодушны уже наши дети и внуки?

ОКИШЕВА Милитина Вячеславовна

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

После мамы осталась коробка с письмами. Письма – солдатские, трех поколений. Письма отца с фронта - это 1942- 1943 годы, моего младшего брата с армейской службы- 60-е годы, и моего сына, тоже из воинской части- это 80-е. Что подвигло маму хранить их все вместе?. Какие чувства объединили фронтовые треугольнички и конверты с армейским штемпелем?. Все трое любимые мамины мужчины. Но я думаю, здесь не только любовь, но еще и ожидание, пережитое мамой трижды в ее жизни. Ожидание воина со службы - извечное состояние русской женщины со времен Ярославны. Тревога, отчаяние, когда нет известий, и воскрешение с каждым письмом, и надежда, помогающая ждать.

Сегодня я отобрала письма отца. Спасибо маме, она бережно сохранила эти ветхие, множество раз прочитанные листки. В коробке еще нашлись и отцовы документы. Мама сберегла все, даже незначительное. И теперь я могу восстановить этапы и детали жизни отца Окишева Вячеслава Алексеевича. Вот вузовский диплом. Отец учился в Ленинграде в автодорожном институте и получил специальность инженера по строительству автомобильных дорог и мостов. Сохранился другой интересный документ: направление отдела народного образования для поступления в вуз без экзаменов после окончания рабфака. А на рабфак отца направляло железнодорожное депо, где он трудился слесарем по паровозам. Вся его семья - отец, братья, сестры и он трудились на железной дороге. В коробке лежит трудовая книжка, и я знаю, где отец работал после института, в какой должности и с какой зарплатой. Сохранилась его автобиография, всякие справки, еще довоенные повестки из военкомата. Словом, все документы, которые сопровождали по жизни советского гражданина. Многие штрихи отцова облика проступают в этих бумагах. Был ря-

довым инженером – трудягой, ездил в постоянные командировки, строил в Челябинской области дороги. По анкете - не состоял, не был, не имел.

Но самое дорогое все же - это отцовы письма с фронта, отразившие отрезок жизни с июля 1942, когда призвали в действующую армию и сняли бронь, по ноябрь 1943, когда пал в бою за Украину. Писем, открыток, телеграмм, записок - всего 22 штуки. Написаны письма на тетрадных листах, еще на какой - то тонкой сероватой бумаге, листках из блокнота, посланы в самодельных склеенных конвертах или обычным фронтовым треугольничком. Почерк чисто мужской - размашистый, четкий, хороший слог и грамотность. Никто из нас, детей, не перенял этого почерка. Вероятно, выработался он в работе с чертежами. Отец скрупулезен: всегда называет место, где находится, ставит дату. Я попробую пройти дорогой войны вместе с отцом. Открываю атлас и отмечаю на карте этот путь: Челябинск-Свердловск- Агрыз(это в Татарии, железнодорожная станция, где жили и работали родители отца, его братья и сестры- всех их было двенадцать человек.), Казань- Канаш(это уже Чувашия) – Пенза - Балашов (Саратовская область) – Старобельск (Украина, Ворошиловградская область). Далее географических примет в письмах нет, это уже фронт, а в письмах есть вымарки военной цензуры. Но я предполагаю, что дальше дорога войны пролегла через Донецкую область в Запорожскую, где в боях на подступах к Днепру отец погиб.

В нашей семье изустно передавался рассказ о том, что отца на фронт провожала только я, четырехлетняя. Маму с младшими детьми положили в больницу. Похоже, в инфекционное отделение. Отец не смог с ними проститься. Это событие сохранилось и в моей памяти. Мы шли по пустынной, горячей от солнца улице, держась за руки. На середине квартала он остановился, присел передо мной и что- то долго говорил. А я усиленно кивала головой, а сама думала: «Ведь папа вернется вечером с работы...». Довольно много времени спустя, вспомнила: папа просил поцеловать маму. Велев мне бежать обратно домой, отец резко повернулся и зашагал, не оглядываясь. Он так и не вернулся. И вот письмо о том же эпизоде. Как отозвалось в отце это прощание? « Как скверно сложилась наша жизнь в 1942 год. В момент отъезда из дому и то вместе с семьей не пришлось дома посидеть. Начало мне плохое, но не известно, какой конец. Ребят я так и не видел, все болели, были в больнице. Большое спасибо моей дочери, с которой я провел почти

трое суток вместе, не разлучаясь, потаскал изрядно ее сонную на руках. А вот Игоря и Борю не пришлось». Стало быть, были в моей жизни блаженные моменты: сон на руках отца. Как не хватало мне в жизни этих рук, их заботы, их защиты.

Сначала отца отправили в Свердловск на курсы в Черкасское пехотное училище. Почему Черкасское не могу объяснить, наверное, учебное заведение было эвакуировано на Урал. Он окончил курсы в должности командира стрелкового взвода и звании лейтенанта. «К 1 марта, - пишет отец, буду на каком - либо фронте сражаться с гитлеровскими бандитами.»

А вскоре сообщает: «Еду на Юго - Западный фронт.» . По предположению отца эшелон должен был проходить через Челябинск. В письме он просил маму придти на вокзал: Кто знает, может быть эта встреча наша с тобой будет последней в нашей жизни.» (январь 1943) Телеграмма о дате проезда через Челябинск была послана, но эшелон отправили по другой дороге - через Казань. Встреча не состоялась. Но нет худа без добра: поезд сделал остановку в родном поселке отца - в Агрызе, что в Татарии. Отец позвонил (телеграмма потерялась) и к эшелону пришли мать, братья Иван и Константин, сестры Вера и Ольга. Отцовы братья и сестры работали на железнодорожной станции. Воевали Вячеслав (отец) и Василий, судя по фото в комбинезоне и шлеме - в авиации. И младшая из сестер - Валя связисткой дошла до Берлина. Отец пишет об этой встрече: «Принесли 3 килограмма хлеба, литр молока, пряников и 170 руб. денег. Я не брал, но они силой мне навязали». В этом письме он восхищается младшими сестрами: давно их не видел, уже взрослые девушки - не узнать. А еще сообщает о болезни отца, о трудной жизни родителей: «Хотят свой дом менять на меньший с придачей хлеба, т.к. с хлебом у них очень плохо». Это была одна за всю войну встреча с близкими - редкая радость для воина.

Дорога на фронт оказалась долгой, даже мучительной. В пути много остановок, задержек. Видимо, это раздражало отца. «Вот уже двое суток стоим на одном месте. Сколько еще будем в дороге, трудно сказать».

«Проехал Пензу, в которой был три дня. За всю дорогу один раз помылся в бане. Какое удовольствие, хотя и не менял белье. Недалеко Балашов, а там и фронт близко. Здесь близость фронта не чувствуется, все равно, что в далеком тылу... Чувствую сам хорошо, как будто бы достаточно крепок» (апрель, 1943).

Упоминания о здоровье и самочувствии отца меняются. В дороге - жалобы, или нет – сетования. Но чем ближе к фронту и здоровью, и настроение - бодрее. «Нахожусь в резерве. Жду с часу на час направления в часть. Жив и здоров. Время проходит, ничего не делаю. Накапливаю силы к предстоящим боям» (май, 1943).

«Вот, наконец, я добрался до своей части. Нахожусь на передовой линии, слышу каждый день канонаду артперестрелки и разрывы бомб, сбрасываемых врагом. Пока боев нет, враг и мы стоим в обороне, но отдельные вылазки, как с его стороны, так и с нашей, часто бывают, и каждый раз ему сильно попадает от нас» (май, 1943).

Чем ближе к фронту, тем чаще в письмах появляется мысль о возможной гибели. Но это не душевный надрыв, скорее философский настрой души. «Вы думаете, наверное, уже убит. Но пока, как видите, еще жив, долго или нет буду жив, об этом нельзя сказать. Не знаешь, где тебя смерть подстерегает. У нас в дороге был такой случай, что один лейтенант купался в реке (название реки вымарано цензурой - М.О.) и утонул. Так что неожиданностей и случайностей очень много» (май, 1943).

И снова стояние на месте или утомительная дорога, вызывающая раздражение и усталость. «Пробыл в обороне около двух месяцев. Стремлюсь опять попасть на передовую, но удастся мне это или нет в ближайшее время... На передовой, конечно, лучше, чем здесь». «Пока нахожусь в положении странствующего рыцаря... За дорогу (отца направили на другой фронт - М.О.) изрядно устал, осунулся, чувствую хуже, когда нахожусь вне части. Все хотят победы и окончания войны, надоело все до чертиков!» (июль, 1943).

«Я нахожусь в учебном офицерском полку. Здесь, конечно, хуже во много раз во всех отношениях, чем на фронте. Хочу на фронт, но пока что не отсылают. Все до чертиков надоело, скорее бы к одному концу, эти частые переброски от одной части в другую... Порядка больше на фронте, чем в тылу» (июль, 1943, Старобельск).

Наконец отец на фронте. Война в его письмах отражается во всей ее страшной реальности.

«Вижу ужасы этой войны. Нет такого уголка, где побывал враг, и осталось цело. Везде сплошные развалины, пепел. Поля сплошь заросли бурьяном, только сейчас понемногу оживляется: есть массивы черные и зеленые, но большинство разных цветов. Цветы цветут...» (июль,

1943). «Бои идут очень тяжелые, ожесточенные, и в таких боях много выходят из строя». «Вот уже наши войска заняли Орел, Белгород. Скорей окончилась бы это. Ожидают в скором времени выхода Италии из войны. Как было бы хорошо!»... «О себе могу сказать: живу хорошо, ни в чем не нуждаюсь, а главное чувствую себя хорошо, здоров. Понемногу наши войска продвигаются на Запад» (октябрь, 1943)

Одно письмо из коробки - не маме, а родителям, видимо, его переслали в Челябинск. В этом письме больше подробностей, откровенности в описании войны. Все же в письмах для мамы больше вопросов о доме, о семье, тревоги не за себя, а за детей.

«Я нахожусь в действующей армии. Гоним немчуру в угол (вымарка цензора - М.О.), враг сильно огрызается, цепляется за какую - то складку местности, населенный пункт, роет глубокие окопы, траншеи, блиндажи из 18 рядов бревен под стенами домов. В домах строит крепкие ДЗОТы. Выбивать приходится с большим трудом. При отходе своем села сжигает дотла, население угоняет с собой или расстреливает. Скот уничтожает, даже солому не оставляет, все жжет, оставляет нам пустые места» И при этом, пишет отец, жители возвращаются обратно в разоренные села. Чем дальше на Запад идет отец, чем ожесточеннее бои, тем больше в письмах бодрости и оптимизма, надежды на близкое окончание войны. И еще, чувствуется уверенность в значимости собственного вклада в победу, в необходимость личного участия в освобождении родной земли. «Как я попал в армию, так и на фронте дела пошли хорошо. Давно мне нужно было быть здесь, и давно бы война окончилась. Еще как-нибудь переживем зиму и лето 44г., а там, пожалуй, война закончится». Отец не мог знать, что впереди еще долгий поход по Европе, и полтора года тяжелейших боев, и гибель миллионов.

В том же письме родителям отец сообщает, что был дважды ранен – в бедро и в спину. «Вообще мне пока везет, но на третий раз, наверное, голову оторвут» (октябрь, 1943). Отец видно предчувствовал худшее. Третье ранение было тяжелейшим - в живот, и после нескольких дней мучений он скончался в полевом госпитале на Украине. Отец успел продиктовать последнее письмо - родителям, в котором выражал надежду, что поднимется, и война для него закончится. Но таких ран в условиях полевого госпиталя, видимо, не лечили. Позже, побывав в Великой Бе-

лозерке, где похоронен отец, я разговаривала с женщинами, работавшими в юности в том госпитале. Погибших и умерших от ран было столько, что не успевали хоронить.

И все же, основное содержание фронтовых писем посвящено семье, дому. Все мысли отца направлены к нам, все его заботы, душевная боль, тревога – об оставленных близких. Обычное обращение в письмах - «Здравствуйте, дорогая семья! Здравствуйте, мои дорогие домочадцы!» И перечислял всех поименно. Маму, бабушку (звал ее уважительно - мамаша), детей, тетю Олю и ее детей. Передавал приветы зятю Саночкину, своим коллегам, соседям. Меня отличал особо: «Привет Милочке, моей хорошенькой дочери». Мне не кажется, что эта доскональность была данью деревенской традиции, требовавшей перечислять в письме всю родню. Это был искренний интерес к близким, проявление сердечности и доброты, органично присущих этому человеку. Сочувствовал, жалел, советовал, предостерегал словом, душой и сердцем был с оставшимися дома. Пытался утешить и обнадежить бабушку, у которой сын пропал без вести в первый день войны: «Наши много освобождают концлагерей. Возможно, что где-нибудь и Бориса встречу». Спрашивал, что пишет зять Александр, какие вести есть от воюющих сослуживцев.

Но, конечно, главное беспокойство о своей семье, о детях. Письма полны вопросов о самом насущном и о мелочах жизни. Обязательно сообщает о том, что выслал деньги по аттестату и сколько: «Перевел Вам деньги 1500 руб. Посылаю для того, чтобы Вы могли приобрести на зиму продукты».(20. 07. 43) Советует своей молодой жене быть осторожной с деньгами: «Антонина! Будь расчетливой, так как неизвестно, что будет дальше» (20.07.43). «Предупреди сберкассу, а то найдется прохвост и получит за тебя» (18.01.43). «Барахло продавать Вам, думаю, нет необходимости, т.к. позднее его приобретать будет невозможно, все будет очень дорого». Отец знал, что советовать маме. Находились прохвосты, что выманивали у моих простодушных мамы и бабушки то карточки, то деньги. Потому и «барахло» пошло на рынок, иначе семья была бы без хлеба. Особо беспокоило отца наше питание: «Как дело обстоит у Вас с картофелем? Наверное, уже доедаете? Как питаетесь, носите ли из столовой обеды? (18.01.43). Как обстоит дело с огородом? Сумели ли Вы что - либо посадить?» (10.05.43).. Отец тосковал по детям, жалел, что не видит, как мы подрастаем. Беспокоился о нашем здоровье: «Здоровы ли ребята, чем Вы их кормите? Если буду жив и приду домой и будут ребята больны или истощены, то крепко Вам всем попа-

дет!» (11.08.43).. Он как в воду глядел, к концу войны у всех троих детей обнаружили туберкулез. Конечно, лечили нас со всей основательностью и под жестким контролем, как это делалось только при Советской власти. И здоровье наше наладилось.

Я читаю письма и чувствую мятущуюся в тоске душу большого и сильного человека. Как он хотел сберечь нас, заслонить и спасти от гибели. И в этом желании мощный мотив самопожертвования. Как клятва звучат отцовы слова в одном из писем маме: «Наше счастье будет тогда, когда окончится война и буду жив я... Антонина! Я жил и работал только для тебя и ребят, и если буду жив и будут у меня руки и голова, будем жить не хуже, а еще лучше, чем жили до сих пор».

Самая большая боль отца - отсутствие писем из дома - в силу того же беспорядка на войне, метания солдата с фронта на фронт, из части в часть. Письма просто его не находили. «Писем не получал 9 месяцев. Наверное, меня давно уже похоронили и не ждут» (октябрь, 1943). «Жду терпеливо от Вас ответа о причине Вашего молчания. Неизвестность заставляет беспокоиться. Если больны, то прошу написать Олю (сестра мамы- М.О.). Мне не ясны причины и их нет, чтобы прервать вечную связь со мной». Из письма мамы, вернувшегося с пометкой «адресат выбыл», я читаю о том, как мама, написав ответ, бежала на вокзал к эшелону, идущему на фронт. Ей казалось - отправить письмо с эшелонном надежнее. Но письма адресата не находили. До самой его смерти. Мое сердце сжимается от боли: я представляю, какая это была казнь для человека, ежедневно встречающего смерть и не имевшего возможности получить поддержку от самых ему дорогих. Во мне теплится надежда: может он все же получил какие-то вести о нас через своих родителей. Они жили гораздо ближе к фронту, а мама им тоже писала.

Как воспринимал войну мой отец - рядовой инженер, глава большого семейства, положительный и степенный человек? Конечно, как бедствие, губящее страну и людей, как неразумную трату человеческих ресурсов. «Может быть, на этом кончится драка», отмечает он в одном из писем. Какая емкая оценка! Кто-то затеял эту ненужную людям войну, оторвал от дела, от семьи, нарушил налаженный ход жизни. «Соскучился по дому, по своей прежней работе. Вот уже второй год, и уже чувствую, что забыл свою специальность. Пошел второй год, как Вас не видел. Дети, наверное, здорово подросли». Нет в письмах с фронта никакой патриотической патетики,

тем более политики. Но уверенность отца, в том, что без его участия не развяжется этот узел всенародной беды (Если не я, то кто же!) поднимает его на пьедестал защитника не только своих близких, но всей России..

На шестидесятую годовщину Великой Победы я отправилась на Украину поклониться отцовской могиле. Я давно не была здесь - события последних лет не благоприятствовали, и Украина, такая родная, такая близкая, стала другим государством. В душе тревога: как- то выглядит сейчас место упокоения отца? На воинском кладбище звенящая тишина. Кипарисы и ели взметнули вершины в небо, зелень газона и яркие пятна тюльпанов. Воздух, благоухающий по - южному: цветут каштаны, сирень. У ног воина, склонившего над могилой голову, охапки цветов. Я нахожу на плите в длинном перечне имен нашу фамилию: «Здравствуй, отец!» Как выразить в словах нахлынувшие чувства: и боль, и благостное умиротворение. Я кланяюсь братской могиле. Я кланяюсь украинской земле, украинцам, оберегающим святое для меня место.

САДОВНИКОВА Ирина Алексеевна

ИЗ ВОЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

*Есть имена и есть такие даты,—
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты,—
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой,
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.*

А. Твардовский

Прошло грандиозное событие — 60 лет Победы в Великой Отечественной войне. Все меньше остается тех, кто непосредственно участвовал в ней, кто помнит, что происходило в тылу... Мне уже за семьдесят, нет ни моей мамы, ни дядюшек, воевавших на фронте и вернувшихся живыми (с ранениями и болезнями), ни маминой мамы, моей бабушки, которая прожила с нами до конца отпущенного ей срока и успокаивала маму, горько рыдавшую, 9 мая 1945 г. — в день Победы...

Прошло 60 лет после окончания войны, а я до сих пор не знаю, как и многие, где погиб и похоронен мой отец. Уверена, что если бы отец вернулся живым, моя жизнь сложилась бы иначе, хуже или лучше, не знаю, но уверена, что иначе, ибо в моей жизни, как и в нашей семье, безнадежно не хватало авторитета мужчины — любящего отца, создающего уверенность в характере, в поступках и планах жизни детей в нормальной семье.

Мне было 9 лет, когда началась война, и я уже перешла во второй класс, отучившись в новой школе с большим актовым залом, теплицей и парниками. Война отобрала новое здание школы и вернула начальные классы (с 1-го по 4-й) в старую одноэтажную деревянную школу, построенную еще до революции, в которой я и закончила 4 класса. Оба здания сохранились до настоящего времени, в 3-этажном теперь Академия ж.-д. транспорта.

В 1939 году папа, мама, я и моя няня переехали в новый благоустроенный четырехэтажный дом, в трехкомнатную квартиру по ул. Ленина (теперь ул. Свободы), где маме дали две комнаты. До переезда в новый дом наша семья снимала жилье в деревянном доме, на 2-м этаже по ул. Железнодорожная. Мама должна была получить 2-комнатную квартиру (отдельную!), на 2-м этаже, но в связи с международным положением (финская война) и тем, что ее «забрали» в военкомат, ей выделили 2 комнаты в коммунальной квартире на 1-м этаже. Помню, мама очень переживала, а отец ее успокаивал, говоря, что квартира отличная, светлая, потолки высокие, а местоположение дома - лучше быть не может, мамина работа - рядом, детский садик и школа для дочки - рядом. Сам же отец добирался до работы на велосипеде за 20 минут.

Предвоенный 1940 год, как потом часто говорила мама, был спокойным, радостным, солнечным и светлым в ее жизни. Лето было жаркое, с грозами, она с папой и со мной ходила в гости к Н. Н. Дятлову, главному инженеру завода и его жене в «Кремль» завода им Колющенко, где они тогда жили.

В сентябре 1940 года родился мой братик, Кирилл, которого мама и папа очень ждали. Хорошо помню, что этот сентябрь был холодным, выпал ранний снег и больше не таял. Чтобы можно было в тепле пеленать сына, отец купил рефлектор, отопительный сезон, вероятно, еще не начинался.

Отец любил вместе с мамой купать сына...

К началу лета 1941 г. братик уже ходил, держась за край дивана, за стулья, за свою кроватку. Отец не прочь был катать его на велосипеде, но мама боялась за сына и противилась этой затее. Тогда отец катал на велосипеде меня...

У отца был фотоаппарат ФЭД (лейка, как тогда говорили), он пытался фотографировать сына, маму, меня, но, так как он не совсем освоил весь процесс получения фотографий: съемку,

проявление пленки и печатание с увеличителем, то они получались либо очень темными, либо светлыми. Часть из них сохранилась до сих пор (в виде пятен и бликов), но четкого изображения на них нет, однако можно видеть счастливую маму и малыша.

Начало войны и реакцию на нее родителей я не помню, но в сознании остался вид почти пустых витрин в магазинах - ни соли, ни спичек, ни мыла...

Дольше всех красовались на полках поллитровые баночки варенья из лепестков роз (по слухам, любимое варенье вождя), но и те скоро исчезли. В последующей моей жизни я больше такого варенья не встречала. Утро каждого дня (довоенного и, тем паче, военного) начиналось в нашем районе с гудков завода им. Колющенко и паровозного депо. Первый гудел басом, второй - дискантом.

В день Победы все заводские гудки Челябинска устроили праздничную переключку. То-то был звон и гром!

Перед войной отец работал в городской адвокатуре (1939-1941 г.), а мама - в поликлинике завода им. «Колющенко». В феврале 1941 г. отец участвовал в юридическом семинаре, как лектор по ведению уголовных дел, с марта до начала июня входил в состав нового президиума коллегии адвокатов. Об этом написано в статье Кузнецовой В.Н. «Моя жизнь в адвокатуре» Юридического вестника № 6 за 2004 год.

В августе же 1941 г. отец добровольцем попросился на фронт.

Призвали его 17 сентября 1941 г.

Первое письмо, которое он написал мне лично, было от 25 февраля 1942 года. В нем он журил меня за не совсем хорошее поведение, убеждая, что я в семье «самая взрослая» и что должна «взять себя в руки», чтобы не огорчать и не нервировать маму, которая работала в госпитале и приходила домой к 10 часам вечера...

Отец считал, что я характером в его маму, Елизавету Григорьевну, в которой «столько же хорошего и доброго, сколько и несчастного». Он считал, что, особенно, «скверны и несчастны: доброта, доверчивость, рассеянность, мечтательность, фантазии!»... Оглядываясь назад с высоты своих преклонных лет, я должна признать, что во многом отец был прав, доброта и доверчивость, а особенно неумные фантазии приносили мне много неприятностей, а вот чувство ответ-

ственности за своих родных и близких, которому учил меня отец и война, я пронесла через всю свою жизнь!

Отец в своем письме просил меня прочитать книгу из его библиотеки — «Князь Серебряный» А. К. Толстого, книгу об Уленшпигеле и о Гаргантюа. «Князя Серебряного» и «Уленшпигеля» я прочитала залпом, а вот веселого обжору Гаргантюа тогда не осилила, прочитала много позже. Сказки, которые мне посоветовал отец, взяла в библиотеке Клуба железнодорожников (старое добротное одноэтажное здание 1905 г., по ул. Свободы, которое в этом, 2005 г., снесли), как и сказки дядюшки Римуса и еще многие, самые разные книги, выпущенные до войны. Отец еще писал, чтобы мама выкупила подписку Диккенса, но вышло всего 3 тома — «Пиквикский клуб», «Оливер Твист» и «Рассказы» (помню, «сверчок в камине»). Остальные тома в свет не вышли...

Второе личное письмо отец отправил мне 16 июля 1942 г. В этом письме, как и вообще в каждом, он просил и меня и всех домочадцев писать ему хотя бы каждую неделю, сообщать, как мы живем, как растет мой брат Кириллка, как мама и мое учение. Вероятно, я все-таки была недостаточно ответственной, раз писала ему не так часто.

По малости лет, мне было непонятно несоответствие уклада жизни на фронте и в тылу. Тем более, непонятно было желание фронтовиков получить кое-какие вещи из дома.

22 июля отец отправил письмо — стихи, надеясь, что я их заучу наизусть и, когда он вернется, прочту ему, живому...

Где это письмо, где эти стихи, не знаю, помню только строчки:

«Мышонку каждый день
Было зубки чистить лень.
Стали зубки очень хрупки,
Разболелись страшно зубки...

Если (дочке? сыну?) каждый день
Станет зубки чистить лень,

То тогда придется лень
Полечить о мой ремень»...

Это - «полечить о мой ремень» - мне очень крепко запомнилось.

В октябре 1942 г. отец был в Москве, командирован для получения нового назначения, где встретился со своим братом Гришей, моим дядей. Как потом рассказывал мне Григорий Алексеевич, они дали друг другу слово, если один из них погибнет, то второй будет помогать его детям «встать на ноги». Григорий Алексеевич эту клятву выполнил - принимал активное участие и в моей жизни, и в жизни брата.

Именно в Москве отец купил мне с братом 2 книги: «Робинзона Крузо» и «Дон Кихота», обе на хорошей бумаге, с картинками Доре. Шрифт у первой был с «ять». Вместе с книгами мы получили необыкновенные электролампочки на елку, в виде свечей, крепившихся прищепками к ветвям. Они жили у нас долго, пока часть из них не перегорела, когда сменили напряжение со 125 до 220 вт. Если заменить перегоревшие лампы, то с реостатом они могут служить еще очень долго. И книги тоже живы...

С середины октября отец был направлен в г. Верхний Волочок, где стал проходить военные курсы командиров, и где он встретил свой День рождения - 38 лет, пошел 39 год, и где, как он писал, он, похоже, был самый старый. Все остальные юристы лет на 5-6 моложе. В письмо из казармы он вложил открыточку с «цветочком». До сих пор помню эту открытку акварелью, где был нарисован анемон - ветреница, с нежно-розовыми лепестками.

А для брата отец посылал фотооткрытки черного и коричневого цветов о первой мировой войне - «с театра военных действий». На открытках были артиллерийские орудия на конной тяге: на марше, на боевой позиции, солдаты-артиллеристы, заряжающие свое орудие. Выглядело все это нарядно, по-театральному. Где отец доставал эти открытки? Почему посылал их маленькому сынишке? Чтобы успокоить, что война и вправду «театральное зрелище»? - Он пытался скрасить жизнь своих еще таких несмышленных детей, посылая им открытки: дочери - цветы, сыну - «Театр военных действий».

Самое большое письмо отец написал мне 3 мая 1943 года. Вчитываясь в это письмо, понимаешь, как безмерна его тоска по оставленному дому, жене, детям, как далеко он от их бед, и как хочется ему хоть чем-нибудь помочь нам, разве только денежным переводом, цена которого в тылу ничтожно мала, да советом, который невозможно осуществить! Вся душа его изболелась за семью.

В этом письме он описывает свою землянку, мышку, которая нахально, у него на глазах, грызет сухари, гул самолетов в небе: наших и немецких, то, как «донимают» его комары...

Отец сочиняет для меня и для брата стихи, пишет их на елочных флажках, посылает сыну лошадку из папье-маше на колесах, на которой можно ездить. Эти подарки пришли к нам к Новому 1943 году. Все, что отец написал для меня и для Киры, он просил сохранить: рукописи, стихи, открытки и картинки к стихам.

Последняя открытка с Западного Фронта пришла от 1 сентября 1943 г. В ней он (в который раз!) просил жену «беречь себя хотя бы ради детей и не забывать об этом»...

А от 6 сентября 1943 г. пришло сообщение от фронтового друга, с которым он прожил все лето в землянках — Белякова Василия Прохоровича. В сообщении он написал, что А. А. Шишов погиб при выполнении боевого задания 3 сентября 1943 г.

Много позже, в Извещении Н.К.О. СССР Кировского Городского Районного Военного Комиссариата г. Челябинска от 6 апреля 1946 г. за № ф.386, было указано, что лейтенант Шишов Алексей Алексеевич, 1904 г. рождения, уроженец г. Свердловска, находясь на фронте, пропал без вести 6 мая 1944 года! Мама же верила и не верила, что отец погиб в сентябре 1943 года, не получая с этого времени от него никаких вестей.

А 9 мая, в День Победы, она горько рыдала на груди у своей мамы, моей бабушки.

Только с апреля 1946 года мы стала получать пособие (пенсию) на детей - меня и брата.

Насколько я помню, в самые трудные военные периоды жизни, мама продавала, вернее, меняла личные отцовские вещи: пальто, велосипед, ружье, на продукты - картошку, конину, растительное масло...

После зимы 1942 года мы стали организованно высаживать картошку и морковь, на выделенных для этого землях, как и рабочие других заводов и организаций. На бортовых машинах,

семьями, нас вывозили в поле на посадку, прополку, окучивание и сбор урожая. После сбора урожая картофель, собранный в мешках, развозили по домам и я, с привычным чувством голода, допоздна ждала, когда привезут «наш» картофель, чтобы получить полную сковородку, только для меня, жареного на рыбьем жире картофеля. Я всю ее съедала, и ничего вкуснее для меня тогда не было - свежей жареной картошки на неприятно пахнущем рыбьем жире. Эвакуированные соседи, при этом, ходили по квартире, зажав носы пальцами.

Картошку же, и после войны, наша семья, и почти все родные и знакомые, садила вплоть до конца 90-х годов 20 века, меня при этом местожительства, предприятия и учреждения.

Что касается отцовского фотоаппарата ФЭД, то он оставался в доме и после войны, куда он потом делся, должен знать брат. Книги, которые отец любил, оценивая не только содержание, но и оформление и именно поэтому покупая повторные издания, он любил подержать в руках, полистать знакомый текст, оценить художественное оформление, были частично проданы в личную библиотеку (особенно двойные экземпляры) с помощью Осминниковой Анны Яковлевны - знающего библиотекаря, жены Бориса Семеновича Ицына, знакомого отца. Осталось в памяти, как я, стоя на табуретке, поставленной на стол, достаю книгу из шкафа (шкаф, встроенный в стену, был достаточно высок и глубок), а Анна Яковлевна берет ее, ахает, восторгаясь, отдает маме, а та решает, в какую стопку ее положить - для библиотеки или оставить дома. Книг у отца было достаточно много, были собраны все более или менее заметные довоенные издания. Ту часть, которая осталась в доме, мама предназначила обожаемому сыну, прямому наследнику отца. Однако, как старшая в семье, я долго пользовалась отцовской библиотекой, на всю жизнь воспитавшей во мне любовь и благоговение перед книгой. А уж «Библия» с гравюрами Доре дала объяснение всем знаменитым библейским сюжетам, так что они были понятны мне в любых картинных галереях. Поскольку отец был равнодушен к поэзии, у него была собрана «Библиотечка поэта» - небольшие книжечки, форматом с ладонь, всех поэтов, которых разрешила печатать Советская власть. В Приложении к «Ниве», дореволюционному журналу, который выписывал мой дед, Алфеев В. Е., были полные собрания сочинений Афанасия Фета, Майкова, Ф. Тютчева, Надсона. Определенный след прочитанные стихи оставили и в моей душе.

Надо признаться, я всегда была больше фантазеркой, чем реалисткой, всегда мечтала о путешествиях и приключениях, даже была склонна к авантюризму. Однако, брат отца, дядя Гриша, приняв участие в моем становлении, убедил маму, что после десятилетки я должна учиться в Свердловске на инженера-строителя. Он сам был инженером, работал в «Гипромезе» и даже помогал строить Китаю металлургические заводы. Так в 1950 г. я поступила в УПИ г. Свердловска, а в 1955 окончила стройфак и до пенсии работала инженером в Березниках, на Алтае (в Усть-Каменогорске) и в Челябинске (Горпроект, Гипромез, ЧПИ).

САЗЫКИНА Галина Игнатьевна

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

«Срок войны – что жизни век»

А. Т. Твардовский

Среди множества маленьких станций, прилепившихся к уральской железной дороге, есть одна, такая же тихая и, казалось бы, неприметная, как и все, но очень близкая моему сердцу станция. Там жила моя бабушка, провели детство и юность мама, дядя...

В далёком 1935 году на эту станцию приехал работать директором большого хозяйства, в которое входили «Заготзерно», элеватор и «Сортсемовощ», молодой, энергичный кареглазый паренёк. Он только что окончил Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (ВКСШ). Эта школа готовила специалистов высшего образования, руководящих работников сельского хозяйства.

Звали его Игнатий Ильич Кротов. Он был невысокого роста, деловой, очень подвижный, приветливый, обходительный с людьми, умный, образованный, с хорошей речью и приятным голосом, аккуратный, всегда подтянутый. Люди тянулись к нему, им казалось, что он знает всё, о чём бы его ни спросили; разбирался и в технике, и во всех делах хозяйства. Игнатий Ильич был из большой крестьянской семьи, где росло одиннадцать детей, поэтому к труду был привычный. Молодёжь сразу же выбрала его комсоргом, и друзья стали его звать по-свойски Гошей. В этой комсомольской ячейке состояли и моя будущая мама, которой тогда было шестнадцать лет, и её девятнадцатилетний брат Серёжа. Сергей с Гошей крепко подружились, к тому же комсоргу не на шутку приглянулась сестра Сергея, живая, весёлая, с самыми красивыми на свете глазами, девчонка. Часто бывая у них дома, он неназойливо пытался оказывать внимание девушке. Она сначала сторонилась его, стеснялась: как-никак он был старше её на целых семь лет. Игнатий Ильич не переставал красиво ухаживать за ней: дарил небольшие подарки, цветы, вёл интерес-

ные разговоры, был всегда внимательный, заботливый. Не сразу, а постепенно завоёвывал он расположение любимой девушки.

Со временем Клаве – так звали её – стало нравиться общение с этим умным, деликатным, так много знающим человеком. Девушке с ним было легко, интересно и весело. Гоша открывал ей глаза на жизнь, на мир вокруг. Кроме того, этот человек обладал удивительной притягательной силой. Её уважение к нему росло: чем дальше, тем больше... И когда, осенью 1936 года, перед направлением в Свердловск на военную службу, он предложил Клаве руку и сердце, она дала согласие и поехала с ним.

В Свердловске дали им комнату в коммунальной квартире. Стали жить. Через год, с небольшим, родилась дочь Нина, а ещё через год и четыре месяца появилась вторая дочь, Галина, то есть я. Был февраль 1939 года.

Мама вспоминала потом, что тогда мы жили очень счастливо. Она постепенно, через большое уважение и благодарность к своему мужу, к нашему папе, за его чуткое и трепетное отношение к ней (он очень любил маму, баловал её, буквально носил на руках, постоянно оказывал рыцарское внимание) – стала относиться к нему с нежностью, а потом и с любовью. Ей было хорошо с ним, интересно и надёжно.

У папы было много друзей. Они стали и мамиными друзьями. Это были интересные люди: военные, юристы, журналисты...

Папа помог маме получить специальность машинистки-стенографистки. Она ей пригодилась на всю жизнь. Мама любила свою секретарскую работу и печатала виртуозно.

Мы жили в Свердловске, до войны, в достатке, в радости и любви. Эти годы, почти пять лет, мама всегда вспоминала как самые счастливые в её жизни.

Где-то в апреле – мае 1941 года, отца, вместе с семьёй, направили служить в Белоруссию, сначала в маленький городок Пружаны, а вскоре - в старинный пограничный город Брест, в Брестскую крепость. Квартиру мы снимали в городе. Папа приходил домой только на выходной. Так было и в тот последний мирный день. Он пришёл к вечеру в субботу 21 июня, а 22 июня в 4 часа, ранним утром, когда люди еще мирно спали, фашистская Германия вероломно напала на

нашу страну, на наш город. В первые же минуты войны наш папа, в полной боевой готовности, убежал на своё место службы, в Брестскую крепость.

В это время в городе уже пылали дома от множества бомб, сброшенных немецкими бомбардировщиками, от стрельбы сотен орудий, которые стреляли по городу с другого берега Буга, с польской территории. Добежал ли отец до крепости через этот кромешный ад от взрывов и рушившихся домов, под ураганом огня и металла, мы тогда не знали.

С тех пор мы его не видели и до сих пор нам очень мало известно о его судьбе.

Наша семья не получала писем от папы с войны. Тем более, бесценными для нас стали письма от его сослуживцев, товарищей по довоенной службе, оставшихся в живых в той войне. Все они отлично помнили папу.

Узнала я об этих дорогих для нас людях в свои студенческие, шестидесятые, годы, в «хрущёвские времена». Шло время «оттепели», когда чуть-чуть начал проглядывать лучик свободы слова. Люди ещё с осторожностью, с оглядкой, но уже стали частично и потихоньку раскрывать свои души, открывать многолетние тайны своих и чужих жизней.

В 1957 году писатель Сергей Сергеевич Смирнов написал очерк «Брестская крепость» и книгу «В поисках героев Брестской крепости». В 1959 году автор объединил их в одну книгу «Герои Брестской крепости». После того, как она попала мне в руки, я стала разыскивать папу. Начала переписку с оставшимися в живых защитниками Брестской крепости. С тех пор мы, его родные, знаем то небольшое, что они мне написали.

Легендарный командир 44-го стрелкового полка, майор, впоследствии Герой Советского Союза, Пётр Михайлович Гаврилов писал, что с началом войны нашего отца не видел.

Это стало объяснимым и понятным после того как, я сопоставила факты из книги и писем. Дело в том, что на то время они хотя и были оба в крепости, но оказались в разных местах.

Как написано в книге С.С.Смирнова, Гаврилов жил с семьёй в крепости. С первыми взрывами немецких снарядов он в первую очередь бросился на Центральный остров, к своему штабу,

чтобы спасти боевое знамя и секретные документы. Когда он прибежал туда, было уже поздно: штабные помещения уже горели. Тогда командир полка попытался собрать людей из своих подразделений. Их, оставшихся на 22 июня на острове, оказалось всего десятка два. Он повёл их через мост к выходу из крепости, намереваясь выйти с ними на северную сторону Бреста, где по предписанию должен был сосредоточиться его полк, в случае боевой тревоги. К несчастью, гитлеровцы уже были у северных ворот и отрезали путь в город. Так получилось, что командир полка оказался в крепости без своего полка. Он объединил свои двадцать человек и другие несколько сотен бойцов из разрозненных групп солдат из разных частей, сформировал из них три роты и принял над ними командование по защите Брестской крепости в её северо-западной и северо-восточной части, с Западным и, главным образом, Восточным фортами в центре обороны.

Что касается папы, то из письма заместителя командира полка по политической части (замполита полка) Артамонова Романа Николаевича можно заключить, что наш отец прибежал в крепость через Северные ворота вскоре после вражеского налёта на город. Он, наверняка, знал, что у этих ворот в казематах внутри земляного вала располагался один из батальонов их полка. Только что начался обстрел крепости. Комиссар Артамонов был уже там вместе с поднятым по тревоге батальоном. Он назначил папу командиром транспортной роты, вывел всех за крепостные ворота и отправил их на окраину Бреста, на место сбора полка по предписанию. Сам же Артамонов ещё ненадолго задержался у ворот, ожидая, что туда с минуты на минуту подойдёт командир полка майор Гаврилов, но не дождался: оставаться уже было опасно, обстрел усиливался.

Значит, в самом начале войны папа был в крепости, многие могли видеть его, и, может, поэтому некоторые защитники Брестской крепости писали мне, что он сражался там. По словам же замполита Артамонова он вместе с бойцами своего полка и со своей транспортной ротой пошёл на соединение с фронтом. Пробивались с боями: везде уже были немцы. Бои были тяжёлыми, кровопролитными. Под городом Прапойском - ныне Славгород, - что в семидесяти километрах от Могилёва, был самый тяжёлый бой, где полегло много наших бойцов, а ещё больше было ранено. Раненых немцы забирали в плен. Кто знает, может, именно тогда и наш папа, будучи тяжело раненым, тоже попал в лапы врагов..., а, может, позже... - но это я могу только предполагать.

Последним, кто видел папу, - из написавших мне ветеранов войны, - был защитник Брестской крепости Сергей Тихонович Дёмин. Служили они в одном полку и, несмотря на различие в возрасте и звании, - рядовому Сергею в начале войны было девятнадцать, и работал он шофером, а папа был на десять лет старше его и в звании старшего лейтенанта – они хорошо знали друг друга ещё с того времени, когда служили в Пружанах.

Итак, они встретились, примерно, 15 – 20 июля 1941 года за колючей проволокой в Бялой Подляске. Это был первый – сразу же за границей с Польшей – концлагерь, под открытым небом, куда фашисты сгоняли сотни и сотни первых русских пленных, солдат и офицеров. Этот был как перевалочный пункт, откуда переправляли пленных в другие лагеря, дальше на Запад.

Вот как пишет в одном из своих писем С.Т.Дёмин: «Бяла Подляска. Сюда попадали израненные, контуженые, обессиленные от голода и жажды последние защитники Брестской крепости и другие бойцы из приграничных мест, по которым уже прошёл кованый сапог фашиста. Нещадно пекло солнце, вся растительность была съедена. Люди ходили как тени. В такой обстановке я встретил политрука Кротова. Узнать его было трудно».

Папа сам подошёл к нему, иначе С.Т.Дёмин не узнал бы его. Неузнаваем он был из-за ранения в голову: потерял один глаз, на голове была грязная повязка. Папа заговорил первым. Они отошли от людей в сторонку, сели, стали разговаривать. С.Т.Дёмин пишет в одном из своих писем: «Рассказал он мне тогда историю, которая произошла с ним за несколько дней до начала войны. Жил он с семьёй на частной квартире, и хозяева, где он жил, открыто говорили, что в ближайшее время немцы нападут на Советы и будет война. Вот про это он рассказал на совещании политработников в политотделе 42-й стрелковой дивизии, и начальник политотдела его ругал и обещал наказать, но началась война – не успел».

Да, свои наказать не успели. Пришло другое наказание, страшное, огромное – и не для него одного – для многих миллионов мирных, ни в чём не повинных, людей.

Для папы это была вторая война в его жизни. Он уже прошёл финскую войну, был ранен, - и там, в Бялой Подляске, как пишет С.Т.Дёмин, держался очень мужественно. Говорил папа и о том, что надо бежать из лагеря – тем более, пока не увезли далеко - и пробираться к фронту.

Поговорив, они расстались, и больше С.Т.Дёмин папу не видел – там было очень много людей, и с каждым днём прибывали всё новые и новые. О дальнейшей судьбе нашего отца он ничего не знает..., пишет: «Возможно, он бежал из Бялой Подляски. Такие случаи были, очень редко, но были. А, может, его отправили, как и меня, дальше, в какой-нибудь фашистский концлагерь».

К сожалению, это всё, что мне удалось узнать о судьбе папы. У нас даже не осталось его фотографий на память – всё сгорело во время войны. Только у бабушки сохранилась одна фотокарточка, довоенная, 1936 года. Этого, конечно, мало...

Несмотря на это, у меня в душе живёт отчётливый образ дорогого, родного человека – отца. Он каким-то естественным образом всегда находился где-то внутри меня, в моей сути. Этому, может, способствовали рассказы о папе, слышанные в детстве от мамы, её брата – папиного друга, от бабушки.

Этот образ в какой-то степени помогал мне жить. Я старалась быть похожей на отца, хоть немного. В трудных обстоятельствах всегда «примеривалась» к нему, то есть думала, как бы он вёл себя в данном случае. Знала, что надо поступать честно, как делал бы он, чтобы не было стыдно перед людьми и перед собой; что надо быть всегда выдержанной и справедливой...

Образ отца как человека умного, образованного, энергичного, решительного, быстрого в движениях и в принятии единственно правильного решения, ответственного, честного, справедливого, душевного, внимательного и заботливого в отношении к подчинённым, беззаветно любящего Родину, горячо и нежно свою семью - я нашла и в письмах ветеранов войны, хорошо знавших папу.

Ему посчастливилось служить под началом такого известного командира полка, как майор Гаврилов. Из переписки с защитниками крепости знаю, что командир был волевой, трудолюбивый, строгий, требовательный к себе и другим и, в то же время, справедливый человек, чуткий воспитатель, заботливый, как отец. Бойцы его так и называли, «отец». Гаврилова считали самым лучшим, самым грамотным командиром полка в 42-й дивизии.

И мне очень дорого то, что именно от такого человека в марте 1960 года в ответ на моё письмо я получила такие слова: «Я очень хорошо знал Игнатия Ильича до войны и помню его

как отличного ротного политрука». Этими скупыми, немногими, словами сказано очень многое: помнить после стольких лет человека, которого командир знал совсем короткое время, означает то, что наш отец действительно был достоин памяти такого человека, как Герой Советского Союза Пётр Михайлович Гаврилов.

Все другие папины сослуживцы, с которыми я вела переписку, также помнили папу и отзывались о нём очень хорошо.

«Вашего отца я хорошо знал до войны. Это был дисциплинированный, чёткий, развитый и внешне подтянутый офицер. Товарищ Кротов пользовался любовью, уважением и заслуженным авторитетом у подчинённых и всего личного состава нашей части». – Из письма, от 20.04.1960 г., бывшего замполита командира 44-го стрелкового полка Артамонова Романа Николаевича.

«Я очень хорошо знал вашего отца. Всегда восхищался его целеустремлённой работой по воспитанию личного состава роты, в духе беспредельной преданности нашей Родине». Из письма, от апреля 1986 г., бывшего секретаря партбюро 44-го стрелкового полка Максимова Петра Захаровича.

Наш отец, Кротов Игнатий Ильич, официально числится «пропавшим без вести» в июле 1941 года... Такие тяжёлые слова..., означающие гнетущую неопределённость. Какова его судьба? Где его могила, если он погиб или умер? И есть ли она? Мама всегда считала, что, если бы папа был жив, то после войны он обязательно отыскал бы нас. И ещё она говорила нам с Ниной: «Если бы папа был жив, он непременно был бы генералом, и мы жили бы совсем по-другому, а не в такой нужде». Бесспорно, нам его не хватало всю жизнь. И всю свою сознательную жизнь я не прекращаю поиски сведений о его судьбе. Поиск продолжается и сегодня...

Человек не вернулся с войны. Семья потеряла отца, жена – мужа, страна – активного члена общества. А сколько таких, не вернувшихся с полей битвы воинов: пропавших без вести, убитых, искалеченных и умерших? Сколько же осталось «обезглавленных» семей, детей-сирот? - Миллионы!

Это только в нашей стране. А сколько ещё во всех странах, по которым прокатилась та война? - Тоже миллионы?!

Виновник всего этого один – фашистская клика, развязавшая войну и втянувшая в неё ни в чём не повинных мирных людей многих стран.

Мы, христиане, умеем прощать, но фашистам и разных мастей террористам – вряд ли может быть хоть какое-то прощение!

ШКАРУПА Инна Федоровна, учитель истории

СОЛДАТСКАЯ ЗВЕЗДОЧКА (документальный рассказ)

Октябрь 1941 года. Немцы рвутся к Москве, Киеву, Ленинграду и Ростову. Узловую станцию Минеральные Воды, через которую шли составы с нефтью и бензином, нещадно бомбят немецкие самолеты. Клубы огня и дыма, взрывы бомб и вагонов с нефтеналивом. Сотни обожженных и раненых. Маленькая железнодорожная больница тут же, у вокзала. Раненых так много, что они лежат перед входом, прямо на земле. Врачи и санитарки сбились с ног. Вот так под взрывы бомб я и родилась 25 октября 1941 года.

Ужасы оккупации, радость освобождения от немцев не помню – слишком мала была. И вдруг самое яркое воспоминание, как солнечный луч, - возвращение с войны дяди Васи, родного брата мамы. Он ушел служить еще до моего рождения, в 1939 году, а вернулся домой через семь лет. 1415 дней он пробыл на войне. На его груди переливались золотом три медали «За отвагу» и одна самая важная – «За победу над Германией». Он был участником всех основных событий Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: испытал горечь отступления, сражался за Москву, горел в танке на Огненной дуге, освобождал Белоруссию, Прибалтику, Польшу. Внешне был типично русский: невысокого роста, крепенький, ладно сбитый. Очень быстро ходил. Бывало, идем мы с ним с конца нашей Нахаловки в центр города. Я бегу за ним вприпрыжку и все-таки отстаю. Он остановится, подбросит меня вверх, посадит на плечо, откуда я гордо смотрю на своих друзей – смотрите, какой у меня дядя-герой! Не помню, привез ли он мне подарки, но слушать его рассказы о войне было самым большим счастьем. Особенно когда собрались вместе все три

брата. Смерть обошла их стороной. Видно отмолила моя бабушка у прожорливой старухи своих сыновей. Каждому досталось на войне своего лиха. Но более всего среднему – Василию. Рассказывал, как заболели они на войне куриной слепотой. Василий Скляров – водитель танка, а тут глаза застилает пеленой. Тогда один из старых солдат настрелял ворон, сварили бульон, напоили солдат – и болезнь прошла.

Память сохранила рассказ бабушки о своем среднем сыне. Родился он в 1918 году. Время было тревожное. Война, голод. Но мальчик был крепенький и страшно непоседливый. Мог вообще ночью не спать. Ходить еще не умел, а лазил по избе, искал чего бы поесть. Жили тогда они на хуторе Возрождение, рядом с городом. Мать, умаявшись за день в поле и дома, никак не могла уложить Василия спать. Приходилось привязывать его за ногу к кровати. Тогда можно было не бояться, что малыш вовсе вылезет за порог. Совсем маленьким был, а уже помогал отцу крестьянствовать. Тот сажал его на лошадь, и был он погоньчем. Чуть подрос, ходил зимой по степи, собирал бурьян и кукурузные стебли, их называли бодылки. Вязанка была втрое выше самого. Однажды заблудился. Наступила ночь. По холмам и буеракам появились красные огоньки. Волки! Стал поджигать стебли бурьяна. Хорошо, вышел скоро к жилью. Так остался жив. В 1929 году умер отец. В семье осталось шестеро детей. Как они выжили в холодную зиму 1932-33 года, словами не расскажешь. Василий ходил по полям, собирал оставшуюся в земле мерзлую свеклу, варил и ел. Да еще спасла всех корова Майка. Она начала давать молоко до отела: сначала наполнили стакан молозива, а потом и больше. Так спаслись от голодной смерти Скляровы. В хуторе школы не было. Пришлось ходить в город, через холмы и греблю Пеховского пруда. Оттого и выучился быстрой ходьбе. До самой зимы бегал босиком, не было обуви. Однажды директор школы увидел его покрасневшие от мороза ступни и приказал завхозу купить мальчику ботинки.

После окончания семилетки пошел учиться в ремесленное железнодорожное училище. Старший брат уже служил в Красной Армии. Тогда все мальчишки бредили авиацией. В городе был аэропорт, а в Пятигорске – аэроклуб. Окончив курсы, Василий Скляров устроился авиамехаником самолетов У-2. Их тогда называли «кукурузники» за то, что работали они в сельскохозяйственной авиации по обработке полей. Когда наступил призывной возраст (21 год), его послали служить во вновь создаваемый механизированный корпус на Дальнем Востоке. Не был

приучен Василий просить за себя, и с мечтой о небе пришлось расстаться. Военную присягу принял 20 октября 1939 года в 78 механизированном батальоне. Так записано в его военном билете. Получил форму и красную звездочку на фуражку танкиста. С ней, солдатской звездочкой, он не расставался никогда. До конца своих дней хранил и верил, что именно она спасла его в лихую годину войны. А пока его определили в бронетанковую школу. Война была уже близко, и через четыре месяца, вместо положенных девяти, их выпустили. Часть погрузили в вагоны, и через всю страну Василий Склярков отправился на запад, в Белоруссию. А перед тем сфотографировался на память со своим товарищем. Ребята молодые, веселые, на груди значок ворошиловского стрелка. Очень скоро им придется сразиться с вооруженным до зубов, беспощадным врагом.

Летом 1941 года часть Василия Склярова была в полевых лагерях. Мотористам было приказано разобрать двигатели для ремонта. А рядом была граница. О том, что начнется война, знали все. Но приказ есть приказ. Намаявшись на учениях, танкисты спали в палатках. Младший сержант Василий Склярков стоял на посту, смотрел на светлеющую полоску неба. И вдруг сверху послышался гул самолета, и на палатки посыпались бомбы. Командир никак не мог связаться по телефону со штабом: диверсанты ночью испортили проводную связь. Собрав оставшихся в живых бойцов, он вывез их из учебного лагеря на уцелевших полуторках. 23 июня немцы вошли в Гродно, а спустя три дня оказались под Минском. С боями, теряя друзей и командиров, прорывался из окружения Василий Склярков. Солдатское счастье улыбнулось ему: он смог выйти из окружения до того, как германская армия замкнула у Минска свои первые гигантские клещи. Много лет спустя он побывал на месте боев. 6 мая 2010 года его принимали на парадном обеде в русском посольстве в Белоруссии в честь 65-летия Победы. Воспоминая о первых днях войны, он с горечью говорил только о том, что у немцев были автоматы, а у наших солдат – трехлинейная винтовка, да и то не у всех.

А дальше была Москва. Бывший танкист защищал свою столицу в составе 50-го лыжно-саперного батальона 41 танкового полка. Назначили его командиром саперного отделения, помощником командира разведки взвода по спецминированию и разминированию. Так записано в военном билете. Маршал А.М. Василевский назвал эти дни так: «Пружина сжалась до отказа». В

Москве ввели осадное положение. Полк Василия Склярова действовал на Волоколамском направлении. Ранняя суровая зима подморозила дороги. Немецкие танки, машины, артиллерия рвались к Москве. Лыжники пробирались через заснеженные поля и леса и ставили мины на танкоопасных направлениях. А когда надо было, шли в атаку. В декабре 1941 года началось контрнаступление. Дядя Вася всегда держал на столе книгу Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления». Он как-то дал мне прочитать из второго тома слова: «В тыл противника командование фронта направило лыжные части, конницу и воздушно-десантные войска, которые громили отходившего врага».

- Это о нас, - сказал он.

Так гитлеровцы, не успев оправиться от поражения под Ростовом -на -Дону в конце ноября 1941 года, потерпели поражение под Москвой. В 1942 году моего дядю ранило в плечо, но он не захотел отставать от своей части и сбежал из госпиталя. А в далекие Минеральные Воды пошло письмо с фотокарточкой. На обороте её написано: «На долгую и добрую память дорогим родным маме, Марусе, Николаю, Тане от Склярова Василия Михайловича. Город Москва, 13.1.42». На ней – участники тяжелейшей битвы под Москвой, остановившие гитлеровскую армию, вооруженную до зубов. Василий Скляров в солдатской шинели и шапке-ушанке, на которой горит та самая счастливая солдатская звездочка. Так же честно и мужественно он прошел свой боевой путь до конца войны. В его семейном альбоме была фотография 1944 года, где он со своим отделением разведчиков-танкистов. Водителю всегда почет и уважение. И потому Скляров Василий в центре. На груди у солдат медали, а у моего дяди целых три медали «За отвагу». В удостоверении к наградам я прочитала, что давались они за личное мужество, а награжденный имел право получать за каждую медаль по 10 рублей в месяц и бесплатный проезд во всех городах. Подписано удостоверение секретарем Президиума Верховного Совета СССР А. Горкиным. В декабре 1944 года после взятия Даугавпилса и Риги, за которые он был отмечен благодарностью командования, моего дядю отпустили в отпуск домой. Тогда-то он и сфотографировался с сестрами, которым раньше передавал приветы с фронта и писал письма. Вот он – красавец, победитель! Пусть в небольших чинах, но с тремя медалями «За отвагу!». Скоро, очень скоро появится четвертая, долгожданная – «За победу над Германией».

В нашей простой, рабоче-крестьянской семье всегда уважали солдат и тружеников. Я горжусь тем, что в военном билете моего дяди записано: «Участвовал в Великой Отечественной войне с 25 июня 1941 года по 9 мая 1945 года». Им гордился сам маршал Рокоссовский, написавший в Благодарственном письме такие слова: «Вам, доблестному воину Красной Армии, участнику боев с немецко-фашистскими захватчиками сражавшемуся в рядах войск 2-го Белорусского фронта, неоднократно отмеченному благодарственными приказами Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина, Военный Совет Северной группы войск вручает это Благодарственное письмо, как память о Великой Отечественной войне».

Своим сыновьям и внукам я передаю в наследство эту гордость. Пусть всегда им светит огнем наших Побед его солдатская звездочка. Теперь она заняла свое почетное место в школьном музее Лицея №104 г. Минеральные Воды Ставропольского края.